ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Виктор Побережных

«ПОПАДАНЕЦ» В НАСТОЯЩЕМ

Чрезвычайные обстоятельства

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Правящие (НАСТОЯЩИЕ) круги США решились на авантюру. И очень непонятно ведут себя российские власти Смогут ли попаданцы из прошлого победить в настоящем. Выполнят ли задание Сталина?

- Виктор Побережных
  - Вступление
  - Глава 1
  - Интерлюдия 1
  - Глава 2
  - Интерлюдия 2
  - Глава 3
  - Интерлюдия 3
  - Глава 4
  - Интерлюдия 4
  - Глава 5
  - Интерлюдия 5
  - Глава 6
  - Интерлюдия 6
  - Глава 7
  - Интерлюдия 7
  - Глава 8
  - Интерлюдия 8
  - Глава 9
  - Глава 10
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Виктор Побережных «Попаданец в настоящем». Чрезвычайные обстоятельства

Вступление

— Да, товарищ полковник! Всё понял! Будет сделано!

Осторожно, словно хрупкую вазу, опустив телефонную трубку на аппарат, старший лейтенант полиции Леднёв поморщился, словно от зубной боли, и едва слышно чертыхнувшись, хлопнул крышкой ноутбука.

— Ты чего так посмурнел, Лёха? — жизнерадостный прапорщик-десантник, с которым он уже полмесяца делил стационарный блокпост неподалёку от Екатеринбурга, с грохотом бросил тяжеленую сферу каски в угол, аккуратно положил на стол свой «сто четвёртый»[1], и пристроился на старый продавленный стул напротив лейтенанта.

— Чего грустить-то? Войны, слава Богу, пока нет, работы особой тоже. Служба спокойно идёт. Бойцы наши проблем не создают, а даже наоборот — вечером шашлык ожидается. Или начальство наезжает, погонять танчики не даёт?

Снова непроизвольно поморщившись, Леднёв посмотрел в смеющиеся серые глаза скуластого прапора, за прошедшие дни ставшего добрым приятелем, и от души, в голос, выматерился, заставив улыбчивого чалдона сбросить весёлость. Он уже знал, что Леднёв, несмотря на годы службы в милиции-полиции, позволял себе материться только в исключительных случаях.

— Давай, рассказывай, Алексей, — снова подняв взгляд на напарника, лейтенант вдруг понял, что совсем не знает этого молодого парня с вечной улыбкой на неожиданно тонких, по сравнению с лицом, губах. Сейчас перед ним сидел человек, только смутно напоминающий улыбчивого старшего прапорщика ВДВ Дмитрия Фролова. Прямой взгляд серых глаз теперь не лучился улыбкой, а отливал холодом клинка. Ну да чему удивляться, вяло промелькнула мысль в голове полицейского, за улыбку ордена и нашивки ранений не получают. А ведь ему всего двадцать три года!

— Так что произошло? — голос Фролова вернул Леднёва в реальный мир. Мгновение подумав, лейтенант решился.

— Вонять моё начальство начало, Дима. И это мне ОЧЕНЬ не нравится!

— А поподробней? — Фролов подался вперёд, словно помогая Алексею справиться с тяжёлым весом и начать говорить.

— Помнишь, где мы впервые пересеклись?

— Конечно, — десантник откровенно удивился, и тут же вспомнив что-то приятное, улыбнулся. — Нас потом «чекисты» сменили, словно мы тот домишко и сами бы хуже сторожили. А

рядом такая самочка жила! Ну прям росомаха!

— Это которая где пописает, там уже трава не растёт? — несмотря на дурное настроение, Леднёв не упустил возможности подколоть приятеля.

— Чтобы ты понимал, женатик! — Дмитрий улыбнулся, но тут же спохватился и вернулся к своему вопросу. — Так что случилось-то, и к чему этот вопрос?

— Вопрос к чему? — Леднёв потёр переносицу и вздохнул. — Помнишь, после чего нас перекинули сначала на патрулирование в районе компрессорного, а потом и сюда?

— Прибыли какие-то мутные вояки, от которых конторой просто смердит, и что?

— Дима, а ты другие слова знаешь, окромя твоего любимого что? Ты давно в спецпапку заглядывал?

От простого вопроса, прапорщик неловко заёрзал на угрожающе заскрипевшем стуле. К своему стыду, папку с перечнем и фотографиями лиц которым необходимо оказывать всю возможную помощь, он открыл только один раз — в день заезда на этот блокпост.

— Поня-атно…Вот, посмотри, — лейтенант бросил на стол перед Фроловым папку, открытую в нужном месте.

— О! А этого мужика я помню! Он как раз из тех, мутных, — прапорщик довольно улыбнулся. — И какую же информацию вы хотели донести до недоразвитого ума несчастного старшего прапорщика?

В первый момент Леднёв опешил, а потом с облегчением рассмеялся. Всё же классный мужик Фролов! Красиво отомстил за «незнание других слов» и напряжение снял. Отсмеявшись, Леднёв продолжил.

— Ставлю вам пять, товарищ прапорщик! Правильно запомнили. А теперь проверьте свой почтовый ящик.

Пожав плечами, Дима достал из стола свой ноут, включил и через пару минут удивлённо хмыкнул.

— Интересно девки пляшут! В случае обнаружения лиц проходящих по ориентировки вступить с ними в контакт и прервав выполнение ЛЮБОГО задания оказать ЛЮБУЮ необходимую помощь, вплоть до применения оружия для защиты лиц. После чего ПОСТАРАТЬСЯ УБЕДИТЬ их прибыть в ближайшую военную комендатуру. В случае их согласия, прекратить выполнение ЛЮБОГО задания на тот момент и сопроводить их до казанного выше места в качестве охраны, пресекая возможные действия лиц пытающихся этому помешать НЕ ВЗИРАЯ на звания и ведомственную принадлежность. В случае отказа перечисленных лиц проследовать в ближайшую военную

комендатуру, НЕ ПРЕПЯТСТВОВАТЬ их уходу и сообщить о произошедшем в ближайшую военную комендатуру офицеру особого отдела! — Выделяя голосом особенно понравившиеся места полученного приказа, Фролов покрутил головой.

— И из-за этого ты так озадачился? Или…что-то другое? — Дмитрий взглянул в глаза Алексея.

— Мне только что, по телефону, мой начальник зачитал этот же приказ и дополнительно приказал, что в случае контакта с перечисленными лицами немедленно поставить его в известность. А самое главное, сообщить маршрут, по которому вы, военные, будете доставлять их до комендатуры. Конечно если они на нас выдут и согласятся туда проследовать.

— А ты прав, Лёха. Воняет твоё начальство…очень воняет! — после минутного молчания заявил Фролов и в голос, не сдерживаясь, заковыристо матюгнулся.

Глава 1

—..Но Парус! Порвали парус!
Каюсь! Каюсь! Каю-у-усь!!!

Орущая изо-всех сил музыка, позволила не особенно аккуратничать подбираясь к поляне, на которой веселилась какая-то компания. Отведя в сторону ветку раскидистого куста, я осторожно осмотрелся. Мнда. Знакомая картина, до боли знакомая. Метрах в десяти от скрывающего меня куста, скрываясь в тени деревьев, стояли три «джипа» и микроавтобус, марку которого я определить не смог, «морда» прикрыта была. Чуть в стороне, стояли три раскладных стола, с расставленными на них бутылками-закусками и надсаживающимся музыкальным центром. Чуть в стороне стояли раскладные же скамейки, с набросанными куртками, на одной из которых обжималась парочка, судя по виду которых, они вот-вот перейдут в горизонтальное положение. Да-а…Сколько раз мне доводилось выезжать на такие пикники и не сосчитать! Правда машины у нас попроще были и пафоса в «оформлении поляны» поменьше. Только вот странно, что компания выехала «на плэнер», по сути, в военное время. Хотя…для без башенной молодёжи, да ещё и «золотой», судя по машинам да этикеткам на бутылках, все эти военные положения… Привычки-то никуда не делись и наплевательство к закону. Да и чёрт с ними, пусть гуляют! Сейчас обойдём спокойненько и пойдём своей дорогой.

Уже отпуская ветку и делая шаг назад, я бросил взгляд на другую сторону поляны, откуда доносились весёлые хмельные голоса, и тормознулся. А вот таких развлечений у нас никогда не было! Перед толпой пьяных, разгорячённых парней и девушек, судя по деталям сохранившейся на них одежды и украшениям явно относящихся к той самой, «золотой молодёжи», на коленях стояла парочка: заплаканная девчушка лет семнадцати, и худощавый парнишка с в кровь разбитым лицом. Перед ними, явно рисуясь перед веселящейся компанией, стоял крепкий, короткостриженый парень, одетый только в цветастые шорты, и что-то тихо говорил испуганно глядящим на него ребятам, поигрывая понтовым ножом-бабочкой. Вот никогда не понимал пристрастия некоторых…личностей, к «играм» с режиком. Ладно кавказцы, у них это национальная черта. Не самая лучшая, но какая уж есть. Но у русаков-то откуда пристрастие к такому дешёвому выпендрежу? Или сплошные урки кругом? Так

помнится, в далёкой юности проведённой отнюдь не в тиши библиотечных залов а во дворах рабочего района, где криминала было предостаточно и с уголовниками пообщаться довелось. И не припомню, чтобы нож они доставали для развлечения. Взялся за нож — бей! — это я хорошо с тех времён запомнил.

Тем временем на поляне пришли к какому-то соглашению, и парнишка, виновато покосившись на оторопевшую подругу, начал расстёгивать свои шорты. Мн-да-а…Похоже дурёху ожидает публичное совокупление, а её парень оказался банальным чмом, побоявшимся идти против толпы своих друзей-подруг. Видимо хватило всего пары оплеух, что бы вернуть попытавшегося одуматься парня в «лоно семьи». Ну и хрен с ними! Своя голова должна на плечах быть…и вмешаться я права не имею. Хотя желание и присутствует. Окончательно отвернувшись от поляны, на которой стали громко раздаваться подбадривающие крики, смех и свист, сигнализирующие о начавшемся веселье, я направился дальше.

Идя по лесу пытаясь вычленить из множества звуков тот единственный, несущий опасность, я никак не мог избавиться от гнетущих мыслей. Уже трое суток мы прячемся в лесу под Екатеринбургом, аккуратно стараясь пробраться к месту запасной точки перехода. В сороковых годах город бы мы обошли быстро и без особых проблем, а вот в этом времени… Слишком много людей, автомобилей, дорог и посёлков вокруг Екатеринбурга двухтысячных. Единственным хорошим моментом оказалась находка «заначки» какого-то выживальщика: синей пластиковой бочки с продуктами закопанной в лесу. Наткнулись на неё совершенно случайно, заметив странно порыжевшее пятно травы на небольшом холме. Судя по оформлению тайника, «специалист по выживанию» был, мягко говоря, неопытным. Об этом говорили и продукты, упакованные в бочку, часть из которых пришла в негодность. Но и оставшегося нам хватило за глаза, у самих-то вообще ничего не было, за исключением оружия и патронов. Но как мало было этих мелких хреновин, без которых наше вооружение превращалось в простые дубинки и кастеты. Как мало! А со всеми этими непонятками, творящимися вокруг нас, можно сказать, что мы вообще безоружны! Пока находишься рядом со Львом Захаровичем, времени на размышления о происходящем не остаётся, умеет он так людей работой занять, что ни на что другое времени не остаётся. А вот в такие моменты, когда проверяешь дальнейший путь, мысли сами по себе в голове роятся. И главная — почему не открылся проход? Если не могли открыть в старом месте, то почему нет сигнала через другие точки? А ведь они должны быть! Ещё это чёртово нападение!

Мехлис, как и мы, уверен, что руководство РФ к нему не причастно. Но и вновь выходить на контакт не хочет. Вот и пробираемся к месту перехода потихонечку да полегонечку. Но перехода-то нет, мать его!

Треснувшая неподалёку ветка мгновенно вышибла все лишние мысли из головы. Аккуратно присев, я сместился немного в сторону, и буквально по сантиметру двинулся в сторону шума, который больше не повторялся. Как ни странно, но добравшись до места и не обнаружив там ничьих свежих следов, я даже расстроился. Уж очень захотелось выплеснуть всё скопившееся напряжение на зримого противника. Все эти дни, перед сном всплывает окровавленное лицо по звериному оскалившегося Шамрая, оставшегося на той проклятущей дорожке. В ушах стоят доносящиеся из-за деревьев автоматные очереди и сдвоенный гранатный хлопок, после которого в небо взвился чей-то тонкий скулящий вой, так же резко оборвавшийся, как и появившийся. И давят воспоминания, как в этот момент мы спотыкаясь неслись в глубь леса, в бессилии стискивая зубы. Сколько уже видел смертей за последние годы, после гибели по сути незнакомого мне мужика, на душе особенно гадостно. Эх! Добраться бы до тех, кто заварил эту кашу, да отвести душеньку!

Спереди стал доноситься автомобильный шум и я снова собрался — похоже, что осталось совсем немного. Ещё через несколько минут я удобно расположился в высокой траве на опушке леса, с удобством наблюдая за дорогой метрах в тридцати от меня, по которой катили нечастые автомобили. Вышел я практически тютелька в тютельку. До посёлка, в котором находилась запасная точка перехода, оставалось километра полтора. Пройти тридцать метров, пересечь автотрассу, пробежать ещё столько же до леска и прикрываясь деревцами до цели нашего «турпохода».

Понаблюдав за посёлком и окрестностями с разных мест, я покосился на часы и направился назад. Большего я навряд ли высмотрю, а того что увидел — вполне достаточно. Дорогу переходить будем потемну и метров на триста дальше от того места, где я впервые вышел к дороге. Дело в том, что как раз там дорога делает небольшой поворот, благодаря чему мы скроемся из поля зрения стационарного поста перед посёлком. Мало ли, вдруг бойцы ночью через «ночник» на дорогу поглядывают? А судя по тому, что мы уже видели на других постах, ночник у них есть наверняка. И нафига, спрашивается, нам лишний риск обнаружения? Мы лучше подальше обойдём, благодаря чему подальше и дойдём!

Выйдя на полянку, облюбованную нами для остановки, я

обнаружил улыбающихся мужиков, и какого-то резко постаревшего, но довольного Льва Захаровича.

— Есть сигнал, Андрей! Живём!

Меня аж повело от известия отчего я скорее не сел, а почти рухнул прямо на траву перед Львом Захаровичем и прикрыл глаза. Блин! Оказывается я по настоящему боялся остаться в родном мире навсегда! А сейчас самый настоящий отходняк, даже голова закружилась и ноги подкосились, как у фанатки-малолетки перед поп-кумиром.

— Всё нормально, Андрей. Всё нормально.

Открыв глаза я встретился взглядом с Мехлисом, который понимающе усмехаясь протянул мне фляжку с коньяком, наш НЗ. Сделав глоток ароматного, согревающего горло напитка, я вернул фляжку Мехлису и почувствовал, что уже пришёл в норму.

— Что-то я того, Лев Захарович, немного…

— Понимаю Андрей, — Мехлис оборвал меня не дав наговорить разных глупостей, рвавшихся мне на язык. — Как дорога? Проблем не было?

— Никаких, товарищ генерал, — когда Лев Захарович начинал говорить таким тоном, ни у кого из окружающих не возникало даже мысли обратиться к нему не по званию, а по имени — отчеству. В такие минуты с тобой говорил не старший товарищ, а Командир. Достав карту, я коротко доложил о результатах разведки и свои мысли о переходе трассы. Задав несколько уточняющих вопросов, Мехлис покосился на согласно кивнувшего на мои слова Никольского, одобрительно что-то пробурчавшего Мамотова, и хлопнул ладонью себя по колену.

— Хорошо. Так и поступим. А теперь, товарищ майор. Расскажите ка нам, почему вы пару раз сбились в рассказе? Андрей. Уж я-то тебя знаю! Что опять натворил? Иначе чего бы ты взглядом завилял, а?

Не поднимая глаз, я рассказал об увиденном на поляне, о своих выводах по предстоящим там событиям и своём бездействии. Мозгами понимаю, что поступить по другому не имел права, а на душе погано и стыдно до омерзения к себе. Неожиданно Лев Захарович коротко сжал моё плечо.

— Не кори себя, Андрей. Ты и сам понимаешь, что не имел права вмешиваться. Хоть от этого на душе и паршиво. Знаешь, на флоте есть такой сигнал — «Следую своим курсом»? Вот и ты так же. Честно говоря, ты меня удивил. Становишься офицером, Андрей. Ну всё! Душеспасительные разговоры окончены. Подъём, товарищи. Выдвигаемся на точку. Порядок движения прежний.

Продвигаясь по лесу метрах в двадцати перед мужиками, я поневоле вспоминал прошедший разговор. Ничего нового мне

Мехлис не сказал, я и сам всё понимал прекрасно, но на душе от своей правоты легче так и не стало. И фраза о том, что я становлюсь офицером меня не особенно-то и порадовала. Вроде и похвалили, а чувство такое, будто что-то важное и ценное потерял. То, что и делало меня тем человеком, которому поверило руководство СССР, которого любила Олеся и уважали друзья. Очень сомневаюсь, что нынешнего меня также восприняли бы в сорок первом. Сейчас-то я понимаю, что часто вёл себя как последний дурак или наивный восторженный идиот. Но, может быть, именно поэтому мне и поверили? Нынешний я начал бы умничать, цэу раздавать. И хрен бы мне простили тогда мои многочисленные косяки! Это теперь мне понятно, какой бы я мог вред стране принести, если бы…

Послышавшийся тихий полуплач — полускулёж мгновенно освободил голову от мыслей, приведя в рабочее состояние. Сделав знак «внимание» остальным, я осторожно направился к здоровенной ели чуть левее нашего маршрута, от которой мне послышался этот странный звук. Стараясь произвести как можно меньше шума, я осторожно отодвинул мешающую ветку и опустил оружие. И как теперь быть?

Перед елью, прямо на земле сидела та самая девчушка с полянки, только вид у неё значительно изменился, и не в лучшую сторону: совершенно зарёванное, исцарапанное лицо, из одежды присутствуют только превратившиеся в грязную, изорванную тряпку брючки, которые когда-то были нежно салатового цвета. И никакого намёка на верхнюю часть туалета, только свежие царапины от веток и прилипший к голому телу девчушки различный лесной мусор. Похоже, что эта дурёха так и не согласилась «развлекаться» на глазах весёлой компании. Ну хоть на что-то ума хватило! Только собираюсь сделать шаг назад, как это «чудо в перьях» поднимает голову и смотрит прямо на меня…

— По-по-помоги-ги-те! По-пожа-пожалуйста! — я не успел опомниться, как захлёбываясь слезами и соплями, заикаясь на каждом слове, она повисла на моей шее, причём мне стоило немалых усилий удержаться на ногах. Кое-как отцепив что-то бессвязно пытающуюся рассказать девушку от себя, усадил её на заросший мхом поваленный ствол какого-то дерева и присел перед ней на колено. Ни в прошлой, ни в этой жизни я не мог спокойно переносить женские слёзы, тем более, что рассмотрев лицо девушки вблизи я понял, что она ещё моложе чем мне показалось на поляне. Да ей всего лет четырнадцать-пятнадцать! Совсем ребёнок! Я аж зубами заскрипел от злости на себя, что тогда прошёл мимо, особенно примерно поняв, что хотели с ней сделать. Счастье этих малолетних мразей, что их здесь нет!

Вытирая лицо вновь разревевшейся девочки носовым платком, я говорил ей какую-то успокаивающую чушь, совсем забыв о задании, мужиках и возможном гневе начальства. Передо мной сидел трясущийся испуганный ребёнок, которому требовалась моя помощь. Девчушка уже начала успокаиваться, когда из-за моей спины раздался молодой, нагловатый голос:

— Слышь, лесник! Спасибо, что нашу тёлку нашёл. А теперь свали, нахер, отсюда по быстрому, — и сильный толчок в правое плечо бросает меня в сторону, а сзади раздаётся ржач нескольких пьяных молодых глоток, среди которых слышалось и женское повизгивание.

В первый момент я просто обалдел, а потом…накрыло. Из-за обжигающе холодной ярости с головой захлестнувшей меня последующие события отпечаталась в памяти какими-то отрывочными фрагментами. Вот я перекатываюсь через левое плечо и начиная подниматься наношу удар назад вправо локтём правой руки, почему-то уверенный, что там есть противник. И попадаю! Потом боль в левой скуле и худощавое лицо какого-то типа с расширяющимися зрачками серых глаз, между которых впечатывается мой кулак…хруст ломающейся в локте руки и дикий крик сменяющийся воем здоровенного чернявого парня, мешком падающего на землю закатив глаза… хлёсткий, поставленный удар ногой молодого урода, бросивший меня на землю и уже его вой после тычка костяшками моей левой руки по его причиндалам… опять какой-то хруст, крики, женский визг… белое, словно отлитое из алебастра молодое лицо того самого любителя ножей с поляны. Только смотрит он не на меня, на толстый цилиндр глушителя на стволе моего автомата, который медленно приближается к его голове. И знакомый голос из-за спины, заставляющий прийти в себя и вернувший восприятие мира в норму.

— Стасов!!! Отставить!!!

Делаю шаг влево, поворачиваю голову и вижу злое лицо Мехлиса и ошарашенные лица мужиков из группы.

— Та-ак…и что здесь происходит майор? — распределившиеся по полянке мужики контролируют обстановку, а Лев Захарович заложив руки за спину покачивается с носка на пятку. — Мне долго ждать объяснений?

— Товарищ генерал-полковник…

По мере моего рассказа, выражение лица Мехлиса постепенно меняется, а вот злости в глазах становится больше и, что меня особенно радует, направлена она не на меня, а на компанию уродов, которых контролируют мужики. Как теперь я вижу, их семь человек — шесть парней и одна молодая лахудра, которая

сейчас сидит на земле прижавшись спиной к сосёнке и закрыв рот ладонями с ужасом смотрит на всех нас. М-да. Покуролесил я однако. И когда только успел? Троим руки переломал, у одного нога в другую сторону выгнута. Про разбитые морды вообще молчу! Правда и мне нехило прилетело. Уже во время доклада Мехлису почувствовал, как болит левое бедро, заставляя переносить тяжесть тела на правую ногу. Простреливают болью рёбра с правой стороны не давая нормально дышать. Левый глаз стремительно заплывает, а распухшие губы делают мой рассказ малопонятным. Блин! И когда успел столько плюх пропустить?! Ещё и копчик заболел!

Пока я докладывал о произошедших событиях, Никольский быстро обыскивал лежащих уродов, а Мамотов, присев на корточки, что-то тихо спрашивал у скрутившегося кольцом любителя ножей, причём тот время от времени начинал повизгивать. Видимо коллега его всерьёз расспрашивал. А посмотрев на вещи, принесённые чему-то улыбающимся Никольским, мне стало не очень хорошо. Только теперь я понял, как мне повезло! Как оказалось, ребятки были не пустыми: четыре ножа, два пистолета, в которых я опознал «недомакаровых» ИЖ71, использующихся разными ЧОПами и револьвер «Кобальт»[2]. Получается, что я в очередной раз прошёл по самому краешку. Заметь эти скоты автомат сразу, просто влепили бы мне пулю в спину, и всё, пипец котёнку! Ну когда же наконец я научусь пользоваться всем, чему учили не самые плохие учителя в мире, в том числе и сама жизнь?! Покрутив головой под понимающим взглядом Никольского так, что хрустнули шейные позвонки, я посмотрел влево и невольно улыбнулся, отчего сразу заболело лицо и из начавшей подсыхать губы снова побежала кровь. Уж очень смешно выглядела найденая мной девчушка, во все глаза уставившаяся на нас. Причём больше внимания она уделяла не мне, а Льву Захаровичу, отчего даже немного обидно стало. И куда делся страх у этой пигалицы? Вернее страх ещё читался на грязной, зарёванной мордахе. Но он скорее был остаточным, проходящим, А вот любопытство, радостное узнавание в смеси с неверием, присутствовали в полном объёме. Причём неверия становилось всё меньше, а радости и уверенности всё больше.

Тем временем, принявший какое-то решение Лев Захарович проследив за моим взглядом повернулся к девочке, и та вдруг негромко ляпнула, словно при встрече поп-идола в простом автобусе:

— Точно он. Не врали американцы значит. Ой мамочки….

Интерлюдия 1

Москва, Кремль, рабочий кабинет Президента РФ

На экране плазменного телевизора появилась надпись: «Допрос оперуполномоченного (район города) старшего лейтенанта полиции Леднёва А.П. от……2013 г. Г.Екатеринбург, кабинет следователя областного управления ФСБ по Свердловской области. Допрос производит майор ФСБ Шаров И.В.» сменяется изображением небольшого светлого кабинета. Камера установлена за спиной проводящего допрос офицера, в неё попадает большей частью допрашиваемый в форме офицера полиции.

— Итак, приступим, — офицер ФСБ достаёт удостоверение и протягивает его полицейскому, сидящему за столом напротив. — Ознакомьтесь с моими документами. Это для того, чтобы вы понимали, Алексей Петрович — дело на контроле у Президента и занимается им только центральный аппарат госбезопасности. И ещё один момент. Я понимаю, что за прошедшую неделю вам, мягко говоря, изрядно надоели допросы и нервотрёпка, устраиваемая вашим руководством. Именно поэтому хочу вам пояснить, сейчас я не допрашиваю вас. Мне бы хотелось в ходе нашей беседы, именно беседы, не допроса! — не столько выяснить какую-то новую информацию, сколько услышать вашу оценку произошедшим событиям и действиям некоторых интересующих нас людей. И, чтобы вы немного увереннее себя почувствовали, надо признать с удовольствием, сообщаю — час назад арестован полковник Ермолаенко. На его место назначен восстановленный в органах майор Неклюдов. Надеюсь это известие добавило вам положительных эмоций? И добавлю от себя — шансов выкрутиться, у полковника и некоторых других людей, нет никаких.

Уставшее, хмурое лицо полицейского с каждым словом майора словно молодело, а в конце на тонких губах старшего лейтенанта появилась злорадная улыбка, которую он безуспешно пытался скрыть а потом, словно махнув рукой, улыбнулся открыто и широко.

— Не скрою, товарищ майор, обрадовали вы меня очень сильно! Такое чувство, что воздух чище стал, даже здесь.

— Понимаю вас. Когда мразь убирают из общества, всегда улучшается атмосфера. Так что, Алексей Петрович, побеседуем? Давайте начнём с момента, когда вам позвонил Ермолаенко.

— Хорошо, товарищ майор. То его распоряжение мне сразу не понравилось. Слишком дурно оно пахло. Слишком сильно оно напоминало действия боевиков в Чечне, когда они вычисляли движение определённых людей или грузов. Со мной и армеец-прапорщик согласен был. Но и полностью игнорировать его я не мог.

— Почему не могли, Алексей Петрович? И давайте без званий. Хорошо?

— Хорошо…Игорь Васильевич…Почему не мог? Я половину своих парней не знал, тем более, что двое были из горувэдэ. Не было никакой гарантии того, что они не получили каких-то распоряжений по поводу тех людей. Меня бы сожрали потом гарантированно! И хорошо, если бы под статью не подвели, как некоторых из наших.

— Но ведь все сотрудники полиции и солдаты должны были сдать сотовые и…

— Игорь Васильевич! Ну…ну нельзя же быть таким… наивным. Извините, за мои слова, но…Мы в какой стране живём? Да прикажи завтра нашим людям иметь не более одного телефона и одной «симки», как все кинутся правдами и неправдами добывать себе новые сим-карты и дополнительные сотовые! Может какие-то молодые дурачки и послушаются, а те кто постарше и поопытнее…Нет, Игорь Васильевич. Наверняка у мужиков были и есть сотовые!

— Вы так уверенно про это говорите, что и у вас он есть, Алексей Петрович? Да я всё понимаю! Тем более, что вы правы насчёт страны нашей…Что-то мы с вами отвлеклись. Давайте вернёмся к нашему делу. Значит вы считали, что среди ваших бойцов могут быть предатели?

— Не предатели, Игорь Васильевич! Ни в коем случае не предатели!

— Ну хорошо, хорошо. Сформулирую по другому. Люди, преданные лично полковнику Ермолаенко. Так лучше?

— Да. Так лучше Игорь Васильевич, и я действительно не знал, не поступит ли подобная информация от них. А уж когда к нашему КПП вышла та компания из леса…

— Повторите ещё раз, как именно это произошло.

— В 22 часа 45 минут, сержант Семёнов, начал осмотр подходов к КПП на Северо-Западном направлении. В связи с тем, что было уже достаточно темно и в целях скрытого обнаружения возможных нарушителей режима военного положения, использовалась не прожекторная установка, а стационарный ПН[3] с УФ-прожектором[4]. В 22 часа 53 минуты, на границе наблюдения Семёнов обнаружил неизвестных обнажённых людей

и подал сигнал тревоги. Неизвестные были освещены стационарным прожектором, а старший прапорщик ВДВ Фролов возглавил оперативную группу выдвинувшуюся к неизвестным. В 23 часа 15 минут, группа вернулась на пост доставив семь человек: шесть мужчин и одну женщину. Все семеро были обнажены, имели множественные ранения и ушибы различной степени тяжести. Трое мужчин имели переломы верхних конечностей, а один — раздробленный коленный сустав правой ноги. Помимо этого, у троих мужчин, двух с переломами рук и одного без тяжёлых травм, с помощью тонкой лески были перетянуты мошонки и, отдельно, половые члены. Насколько я знаю, в дальнейшем они были ампутированы для спасения жизни пострадавших. У женщины, вернее молодой девушки, из повреждений, которые можно было отнести к травмам, была обширная гематома на ягодицах и вывихнутый средний палец на правой руке. Общими у всех семерых задержанных были царапины и комариные укусы. Всё таки голыми по лесу шли. А когда по результатам экспресс-допроса выяснились причастные к такому появлению этой компании…

— Понятно. Вы сразу сообщили по команде. Правильно?

— Да, товарищ майор. Как и было в полученном накануне циркуляре. Старший прапорщик поступил так же.

— А Ермолаенко?

— Ему я доложился уже после отбытия с КПП спецгруппы, около семи утра.

— И как он отреагировал? Ругался? Угрожал? Был спокоен?

— Знаете, Игорь Васильевич, — офицер полиции на экране задумался и медленно, словно пробуя слова на вкус продолжил.

— Мне показалось, что он был подавлен…хотя нет…скорее… ему уже было всё безразлично…словно человеку, которому врачи сообщили о том, что ему остались даже не месяцы или дни жизни, и даже не часы, а минуты. Словно даже на отчаянье времени уже нет.

— Такое впечатление сложилось с самого начала разговора?

Полицейский снова задумался, а потом уверенно ответил.

— Нет. Сейчас я вспоминаю, что была небольшая пауза в разговоре, мне даже послышался звук, словно пришло сообщение в «аське». Вот после этой паузы, кстати, очень короткой, едва уловимой, Игорь Васильевич, он и стал разговаривать устало — безразлично.

Сидящий перед экраном телевизора мужчина нажал кнопку пульта, останавливая воспроизведение, и повернулся к президенту.

— Владимир Владимирович, удалось установить, что в это

время, на телефон, принадлежавший жене Ермолаенко, пришло СМС сообщение из Московской области. Текст сообщения следующий: пуля, яд, верёвка. Выбор за тобой. И подписано — Судьба. Автора установить не представляется возможным — телефонный номер отправителя зарегистрирован на умершего в прошлом году алкоголика из г. Подольска. Сейчас производится поиск подобных номеров, но сами понимаете, это работа даже не на один год.

— Да уж, — президент согласно кивнул. — Встретиться бы с этой «судьбой», да поговорить…конфиденциально…Ну да ладно. Надеюсь, что сбудется эта небольшая мечта.

Президент мечтательно улыбнулся прикрыв глаза.

— Представляешь, комната, в которой чего только нет — тут тебе и иголочки разные, и клещи на любой вкус, и трансформатор тока с широчайшей регулировкой! Про стоматологические хохаряшки вообще молчу! Под рукой реанимационная бригада, а на мраморном столе… пристёгнутый широкими ремнями этот мудак!

Покосившись на улыбнувшегося сотрудника президент наклонился вперёд, словно собираясь лечь на стол и поинтересовался.

— А чему ты, собственно, улыбаешься? По большому счёту — мы в полном дерьме! У нас в органах шпионов больше, чем честных сотрудников!

Убедившись, что его слова восприняты так, как он и рассчитывал, Владимир Владимирович снова принял нормальную позу и уже спокойно продолжил.

— А что там по линии ФМС?

— А там интереснейшая информация, Владимир Владимирович. Только по настоящему интересной она стала после обращения к архивам.

— Да не тяни ты кота…Что там?

— За последние полтора месяца, несмотря на сложившуюся политическую обстановку и значительное охлаждение в наших отношениях с Германией, на территорию России въехало двадцать три тысячи немецких туристов. Причём в большинстве случаев целыми семьями, от маленьких детей, до стариков. Все они просто горели желанием побывать в Сибири, а именно — в Красноярском крае. Вчера получены максимально возможные данные о них, которые, как мне кажется, всё объясняют. Они все выходцы из ГДР.

Молча поднявшись из-за стола, Владимир Владимирович прошёлся по кабинету. Постепенно успокаиваясь постоял немного у окна, и тихо, не рассчитывая на ответ произнёс.

— Чем же это всё закончится, а?

Глава 2

— Всеволод Николаевич, разрешите обратиться с личной просьбой?

Меркулов удивлённо вскинул левую бровь и разрешающе кивнул, с интересом ожидая продолжения. И удивление и интерес руководителя госбезопасности были понятны — за годы, которые он меня знал, случаи таких просьб можно было пересчитать по пальцам рук.

— Я по поводу Мамотова, Владислав Николаевич. Никак нельзя…

— Нет, товарищ майор, — Меркулов покачал головой, а обращение по званию ясно дало понять, что с неформальностью беседы покончено. — Принятое решение изменению и обсуждению не подлежит. Из органов его не уволят, но продолжит службу он в системе исполнения наказания, причём на должности не связанной непосредственно с оперативной работой.

Слушая Меркулова, я вдруг неожиданно понял, что он волнуется и искренне переживает за немногословного мужика из нашей группы. Судя по всему, он был лично знаком с Мамотовым и произошедшее воспринимает очень близко к сердцу. Подтверждая мои мысли, Всеволод Николаевич поднялся из-за стола, раздражённо махнул рукой на мою попытку подняться, и стал прохаживаться по кабинету, явно стараясь успокоиться. Неожиданно, он опять перешёл на неформальный, доверительный тон.

— Поймите, Андрей. Дело ведь не столько в том, что он сделал, а как! Вот что главное! Пристрели он тех подонков и особых вопросов не возникло бы ни у кого. Даже у руководства РФ. Но эта выходка с леской… Да. Я знаю о истории с его младшей сестрой, которую жестоко изнасиловали и убили подонки, напоминающие тех. Но это не оправдание его поступку! Советский офицер просто не имеет права опуститься на одну ступеньку с бандитами и подонками! Тем более — офицер спецслужб! Вы в курсе заключения врачей по вашей группе? Очень хорошо! Помните что там о нём написано? Только благодаря их заключению, к капитану Мамотову не приняты более серьёзные меры.

Я опустил глаза. С заключением специалистов не поспоришь. Нас всех, включая Мехлиса, на месяц буквально выгнали в отпуск, который у меня начинается завтра. А вот с Мамотовым всё было намного хуже. Не выдержала психика Дмитрия Александровича

Мамотова напряжения последних лет. Мартынов немного о нём рассказал, уже после того, как нас выпустили цепкие руки следователей и врачей, которые вцепились в нас мёртвой хваткой по возращении. Только Лев Захарович избежал части мучений — его мучили только врачи. А на нас отвязались по полной программе! А когда с той стороны пришёл запрос с вежливой просьбой прокомментировать произошедшее с гражданами РФ… Тогда я впервые понял тех, кто после сильного испуга проверяет у себя сухость штанов. Разъярённый Берия, переходящий со змеиного шёпота на львиный рык сменяющийся нормальной речью — и так весь разговор! Бледный Мехлис, машинально ищущий на поясе кобуру тоже не придаёт уверенности в будущем благополучии. Только потом объяснили, из-за чего весь сыр-бор.

Как оказалось, после того, как мы покинули поляну где тормознули меня с приведением подонков в неживое состояние и направились к месту перехода захватив с собой девчушку, Мамотов вернулся. У мужика просто сдали нервы, уж больно была похожа спасённая девочка на его младшую сестру, которую перед войной изнасиловали и убили три подонка, один из которых был сыном какого-то деятеля из аппарата одного из республиканских ЦК. Мерзавцев посадили, но Дмитрий, оставшийся один, на целом свете, только чудом не сорвался. Потом война, которую он встретил ловя диверсантов на севере Белоруссии, отступление до Москвы, большую часть которого он провёл в немецких тылах. Потом СМЕРШ и работа в спецгруппе, расследовавшей преступления гитлеровцев на территории СССР, а затем направление к нам. И по отдельности-то всё даром не проходит для человека, а вместе взятое, да с учётом сложившейся ситуации в другом мире… Сорвался бывший майор. Воспользовался тем, что он был замыкающим, вернулся к поляне, где мы оставили уродов, и сделал так, чтобы они никогда и никого больше не могли изнасиловать. По большому счёту я был с ним согласен: для таких мразей смерть — слишком лёгкий выход. Тогда, на поляне, мы их допросили. Не так, конечно, как немцев-языков, но жёстко. От услышанного становилось на душе премерзко, столько мерзости скопилось в поганых душонках! Оказалось, что у них была традиция, «на хор» пускать молоденьких дурёх. А если они ещё и девственницы, то для мразей это был вообще самый кайф! Ведь большинство были детьми небедных родителей, занимавших немаленькие посты в органах власти и бизнесе, поэтому чувство безнаказанности было полным. Которое оправдывалось… до встречи с нами. Вот он, по сути, и кастрировал главного заводилу этого мероприятия, его охранника, с радостью участвовавшего в развлечениях

подопечного, и урода, так сказать, «поставщика дурёх». Подружке «главгада» отбили задницу ремнём за грубость ещё мы, по приказу Мехлиса, а вот палец вывихнул я. Нечего «факи» показывать!

А спасённая девчушка оказалась дочкой преподавателя истории одного из вузов Екатеринбурга, которую пригласил на пикник её друг с детских времён…по просьбе «поставщика» приправленной серо-зелёными бумажками. Но самое поразительное то, что она узнала Мехлиса! Надя Елецкая, как оказалось, благодаря папе тоже увлекалась историей, только не древней, как он, а историей СССР. А уж после слухов и шумихи в интернете и СМИ по поводу нашего появления, она вообще на этой теме повернулась. И тут такое! Встреча с настоящей «кровавой гебнёй» да ещё под командованием маньяка-Мехлиса! Как же она нас достала, пока мы не вывели её на окраину посёлка отдав сотовый одного из ублюдков и дождавшись, пока за ней не подъедет машина. Причём полиции.

А теперь нас всех «любят» здесь. Причём очень, очень сильно. Мартынов намекал, что Льва Захаровича Сам, так сказать, возлюбил по самое не могу!

— В общем, Андрей, радуйся, что для вас всех эта история закончилась хорошо. Как там у вас говорят — обделались лёгким испугом? Так что отдыхай, а через месяц будет видно, что и как…

Выйдя из кабинета уже не наркома, а министра государственной безопасности СССР, я направился к кадровикам, а в голове крутились нехорошие мысли о будущем. Раньше, до обладания постоянной связи с моим родным миром, я чувствовал себя более…уверенным и защищённым. А теперь…чёрт его знает, что решит руководство насчёт майора Стасова, из-за произошедшего не ставшего подполковником. Ещё и немцы эти непонятные откуда-то появились. Шляются по министерству как по рейхканцелярии, штирлицы, блин!

* * *

Отпуск, отпуск, золотое время…Ага. Счаззз! У начальства ну очень оригинальное понимание того, как должны проводить отпуск их подчинённые. Немного отойдя от общения с Меркуловым, я поплёлся к кадровикам. Увидев улыбку на лице встретившего меня «секретчика» я не напрягся, а зря! Нагрузил он меня по полной! Первым делом потребовалось срочно произвести замену удостоверения. На мою попытку побурчать, что корочки менял совсем недавно, он вытащил выписку из недавнего

приказа, согласно которому я стал оперативным сотрудником нового управления «С», возглавляемого Судоплатовым, но подчинялся я напрямую Меркулову. И в то же время, откомандирован в распоряжение члена Политбюро ЦК ВКП(б) Берии Лаврентия Павловича. Немного ошалев от озвученных формулировок, я открыл рот для уточнения непонятных моментов, как этот улыбчивый изувер с майорскими погонами выложил на стол довольно пухлую папку.

— А вот это, Андрей Алексеевич, наша с вами общая недоработка, — он помолчал, словно ожидая моего согласия на совершенно непонятное мне заявление. Не дождавшись от меня какой-либо вменяемой реакции, Сорокин вздохнул и продолжил.

— Из-за твоих постоянных командировок, мы упустили из виду очень важную часть нашей работы. Ты когда последний раз сдавал зачёты по физо? По стрелковой подготовке? Проходил курс повышения квалификации? Сдавал зачёты по законодательным актам и политической обстановке?

Смотря на моё охреневающее лицо, Сорокин снова вздохнул.

— Вот и я о том. Давно всё это было, товарищ майор. А ведь я перечислил только самые главные, напрямую касающиеся твоей службы моменты. Так что, товарищ Стасов, радуйтесь! Благодаря тому, что руководство предоставило вам целых тридцать дней освобождения от службы, мы сможем ликвидировать эту проблему!

И понеслось! Уже через неделю я с нежностью вспоминал, как выходил из немецкого окружения в степях. Подумаешь, в летней форме глубокой осенью ползать по промёрзшей степи в каждую минуту ожидая, что тебя обнаружат фрицы и на этом твоя жизнь прекратится. Это такая ерунда! Я бы с радостью вернулся туда, чем изучать зубодробительные формулировки должностных инструкций. А ведь по ним ещё и зачёты сдавать пришлось! А вот работа с документами политической направленности меня всерьёз увлекла. Причём до такой степени, что сам, без напоминаний, зарылся в работы Сталина, и именно они произвели на меня наибольшее впечатление. Я конечно понимал, что многие его слова в будущем беспардонно искажались и перевирались. Но что это делалось в таких масштабах, в том числе и первыми лицами Советского Союза не ожидал. Тот же Хрущёв, сковородку ему погорячее в аду, откровенно врал ссылаясь на реальную речь Сталина. Помнится он говорил следующее: «В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий

под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна якобы все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин». В своё время и я верил этим словам, потом появились сомнения, а сейчас, вчитываясь, понимал всю правоту Иосифа Виссарионовича, подтвердившуюся в истории моего мира. Да и раньше…никто ведь не мешал ознакомиться с реальными текстами выступлений. А Сталин тогда говорил о следующем: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных.

Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР не одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР» И в чём он оказался неправ? Да и к репрессиям он не призывал, говорил о строго индивидуальном подходе при рассмотрении персональных дел и образовании курсов политического образования. К своему удивлению я узнал, что такие курсы были созданы только теперь, через восемь лет после озвучивания идеи! Сделав в памяти заметку, что когда окажусь в том мире, стоит полазить в инете на эту тему, я решил побеседовать по этим вопросам с парторгом. Зачёты ему сдавать, вот после них и побеседуем. Не прибьёт же, в конце концов?

Новый секретарь партийной организации министерства подполковник Леусов, оказался въедливым, но вменяемым мужиком. Погонял он меня изрядно, но общаться с ним было интересно. Причём, как оказалось, он любитель поспорить. Несколькими замечаниями, вопросами и комментариями он с удовольствием втягивал тебя в спор, выполняя в нём роль своеобразного «адвоката дьявола». При этом с лёгкостью цитировал труды не только Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, но и ссылался на философов как древнейших времён, так и более современные труды. Когда я брякнул, что в споре рождается истина, Леусов усмехнулся:

— Раз уж вы, майор, ссылаетесь на такого авторитета философии как Сократа, то должны знать и другие точки зрения. Например Ювенал говорил: воздержись от спора — спор есть самое невыгодное условие для убеждения. Мнения — как гвозди: чем больше по ним колотить, тем крепче они вонзаются. Кстати, многие считают, что под спорами Сократ имел ввиду немного другое — беседы. Согласитесь, майор, что это значительно меняет

смысл выражения?

— Тогда зачем вы заставляли меня спорить, Иван Васильевич? — мне стало ещё более интересно общаться с парторгом. Ну никак я не ожидал встретиться не с этаким ходячим цитатником, а с образованым, интересным человеком.

— А как ещё понять, действительно ли вы разбираетесь в вопросе, или тупо вызубрили необходимые материалы ничего не поняв в сути прочитанного?

В итоге, проговорили мы с Леусовым ещё добрый час, от чего я получил искреннее удовольствие. Я и так знал, что рядом есть множество незаурядных людей, но так свободно, на отвлечённые темы мне беседовать ещё не доводилось. А уж с учётом того, что я общался с парторгом «кровавой гебни«…Уже в конце разговора мне вспомнились замечательные, на мой взгляд, стихи Феликса Кривина:

— В споре рождается истина!
— Что ты, Сократ, не надо, спорить с Богами бессмысленно
Выпей-ка лучше яду
Пей, говорят по-гречески, просят как человека!
Так осудило жречество самого мудрого грека.
Праведность — дело правое, правда — карается строго,
Но не боялись смертные выступить против Бога
Против его бессмысленных, бесчеловечных догматов.
В спорах рождались истины и погибали Сократы…

— Чьи это стихи, Андрей Алексеевич? — немного помолчав, с интересом спросил Леусов, тихонько повторив последнюю строку.

— Не помню, Иван Васильевич. Услышал когда-то и запомнилось, — я пожал плечами. Не говорить же ему, что автор этих строк сейчас совсем молодой парнишка. Да и жив ли он теперь, после всех изменений произошедших в истории этого мира.

— Жаль. Очень жаль. Хотелось бы почитать ещё что-нибудь этого автора, — Леусов помолчал и неожиданно подытожил.

— Хорошо мы с вами пообщались, Андрей Алексеевич. Очень хорошо. Хвосты вы свои подчистили, в деле я отметку поставлю. А на прощание вам такой вопрос — почему вы не подали заявление о приёме в партию? Хорошо подумайте. Надумаете — жду вашего заявления, естественно с рекомендациями…

Интерлюдия 2

Москва, Министерство государственной безопасности СССР, камера внутреннего изолятора. Сентябрь 1945 г.

— Здравствуйте, господин Мюллер. Присаживайтесь, — Влодзимерский с интересом смотрел на бывшего шефа самой жуткой спецслубы в истории. Правда очень многие господа из другого мира воспитанные в традициях либерально-демократических ценностей, на первое место поставили бы его службу, на что генерал-лейтенанту государственной безопасности СССР было абсолютно наплевать. Тем более, что у него появилась надежда когда-нибудь очень близко пообщаться с некоторыми уродами, по ошибке Создателя носящими русские имена-фамилии. Надежда маленькая, почти призрачная…но раньше не было и такой!

— Здравствуйте, господин Влодзимерский, — и так не отличающийся выдающимся телосложением, Генрих Мюллер за последнее время стал выглядеть просто болезненно худым человеком.

— Позвольте вопрос?

— Да, пожалуйста, — Лев Емельянович утвердительно кивнул и пододвинул поближе к подследственном початую пачку американских сигарет, солдатских «лакиз».

— Не сочтите за наглость, но мне ужасно любопытно, о чём вы только что думали? Просто у вас было такое мечтательное выражение глаз… — Мюллер покрутил в руках сигарету и вернул её к подругам в пачку.

— Хотите сказать, что оно так не вяжется с людьми нашей профессии? — Влодзимерский улыбнулся. — А знаете…пожалуй скажу.

Он прикурил сигарету, задумчиво выпустил несколько клубов дыма, а затем негромко продолжил.

— Только прежде чем рассказать это, хочу немного поговорить о другом. Как вам материалы, которые вы просматривали и изучали предыдущий месяц? Надеюсь у вас нет сомнений в их подлинности?

— Нет, господин генерал, — лицо Генриха Мюллера осунулось ещё сильнее, хотя только что казалось, что такое физически невозможно.

— Поначалу у меня возникла мысль о талантливой фальсификации, но потом… Нет. Всё, что мне было

продемонстрировано — правда. Возможно несколько однобокая, поданая в нужном вам русле, но подлинная информация. Я и так был убеждён, что ваша система лучше той, которую строил Гитлер, ну а владея такой информацией вы…

— Вы немного неправы, герр Мюллер, — Влодзимерский прервал «гестапо-Мюллера» и вновь подтолкнул к тому сигареты. — Всё, что вы читали и смотрели — из мира, в котором СССР победил даже не подозревая о существовании других миров. Всего на месяц позже, чем мы. И как вам увиденное и прочитанное?

— Мерзость! — маленькие, утонувшие в обострившихся глазных впадинах глаза Мюллера яростно блеснули.

— Превратить Германию в такое…В такую…Знаете, господин генерал, у меня впервые в жизни ощущается недостаток словарного запаса. Все ругательства, которые я знаю, кажутся мне недостаточно выразительными. Педерасты у власти, гордящиеся и пропагандирующие свою ненормальность… Немцы, кормящие стамбульских голодранцев и албанских ублюдков…богатая Германия, при этом превратившаяся в чёрт знает что, идущая к своей гибели и незамечающая этого… Это страшней, чем последствия Версаля, господин генерал…

Дождавшись, пока Мюллер успокаиваясь выпьет стакан воды, Влодзимерский продолжил.

— Так вот, герр Мюллер. Вы теперь знаете, что произошло не только с Германией, но и с советским Союзом. Верно? А теперь представьте себе, всего лишь на миг! Что у меня появилась возможность плотно пообщаться в этих стенах с людьми, которые причастны к развалу моей страны и с теми, кто продолжает этим заниматься. Пусть и в другом мире.

— Господин генерал. Что я должен делать?

Влодзимерский внимательно посмотрел в глаза Мюллера, сверкающие яростью и решимостью. Мгновение помолчав, он достал из папки небольшой лист бумаги и положил перед шефом гестапо.

— Вот предложения правительства СССР. Ознакомьтесь…

Глава 3

— Давай не опаздывай только!

Я закивал как болванчик и припустил к воротам аэродрома, где меня ждала машина. Наконец-то отдохну! Долбаные зачёты сдал, даже по химподготовке, про которую вспомнили в последний момент. И у меня осталось целых девять дней и разрешение выехать в Свердловск! А имея знакомых в авиаполку специального назначения договориться с «попуткой» смог бы кто угодно. Вот я и несусь к машине, чтобы за два часа успеть добраться до общаги с вещами и вернуться назад. Потом несколько часов и…

— Товарищ майор! Старшина Таскин. Вас срочно в управление.

Глядя на немолодого лейтенанта выполняющего обязанности курьера, я понял правителей прошлого казнивших гонцов принёсших плохие известия. Как же мне хотелось его пришибить, господи…как же хотелось!

Хмуро кивнув гонцу, забрался на заднее сиденье закреплённой за мной эмки и не глядя на сочувственно косящегося на меня водителя пробормотал.

— Отбой гостиница, давай в «контору», — и невидящим взглядом уставился в окно. Не припомню, чтобы мне когда либо было настолько обидно. Хорошо сейчас простым воякам — для них война закончилась почти для всех. А наша контора… Сдавая зачёты пообщался с мужиками и охренел от происходящего. В Белоруссии, на Украине, по всей Прибалтике и Польше ведутся чуть ли не войсковые операции. Целые дивизии относящиеся к МГБ и МВД носятся по лесам в поисках всяческих уродов. Мужики говорят, что даже танки порой используются, причём с обеих сторон. Я уж молчу про Дальний Восток, где и армейцы затрахались гоняться за недобитыми самураями да разными бандюганами. Но был бы я там, то и вопросов бы не было. Пахал бы как все. А тут…поманили ослика морковкой, он ломанулся, а там — облом. Думаете ослику не обидно? А вот хренушки! Обидно, да ещё как!

Из-за своих переживаний и не заметил, как добрались до лубянки. Пройдя привычную процедуру проверки документов направился за прихрамывающим лейтенантом, продолжая мысленно материть руководство и время от времени пыхтя как перепревшая каша. Уже на подходе к кабинету Меркулова, до меня вдруг дошло, что сейчас я похож не на сотрудника госбезопасности, а скорее на самого знаменитого медведя всех

времён и народов. На самого русского медведя в мире, не смотря на то, что он с рождения британец. На Винни-Пуха. Поэтому заходил в приёмную министра уже улыбаясь, чем вызвал недоумённый взгляд нового секретаря Всеволода Николаевича. Можно подумать к шефу все идут с похоронными лицами. Выслушав тихий доклад лейтенанта, который сразу после него куда-то испарился, капитан попросил меня подождать, а сам как-то ловко ввинтился в дверь ведущую в кабинет Меркулова. Учат их всех этому специально что ли? Ведь дверь-то совсем чуть-чуть приоткрыл — а уже внутри. У Лаврентия Павловича секретарь тоже как-то ловко в кабинет проникал. Интересно, у Иосифа Виссарионовича так же? Но обдумать эту мысль я не успел — передо мной вновь появился капитан и тихо предложил входить.

Как я и подумал, Всеволод Николаевич был не один. Помимо него в кабинете сидели чем-то недовольный Мехлис, незнакомый полковник, мощной фигурой напоминающий матёрого медведя, и светловолосый ухоженный мужик в гражданском, лет пятидесяти на вид. Как это уже не раз бывало, Меркулов прервал меня не дослушав мой доклад.

— Присаживайтесь, Андрей Алексеевич. Извините, что пришлось прервать ваш отпуск, но…сами понимаете. Знакомьтесь, — он указал рукой на полковника. — Полковник государственной безопасности Щербань Дмитрий Болеславович. Переведён в управление из Краковского отделения «смерша».

Интересный дядька! Получается он совсем недавно пшекам бестолковки выправлял? Ну с такими лапами, по недоразумению называемыми руками, ему это было делать не особенно сложно. А умный, с лёгкой хитрецой и иронией взгляд карих глаз вэтом мнении меня только утвердил. Не из кабинетных дядя, типа меня, а скорее из настоящих волкодавов.

— А это Петер Хаузер, внештатный сотрудник нашего управления.

Вот после этих слов я нехило подвис. Немец! Гражданский! Внештатный сотрудник гэбэ! Пусть и в сорок пятом году?! А когда этот белобрысый «истинный ариец» дружелюбно улыбнулся… Ну не могут у современного человека быть настолько ухоженные зубы! Сейчас же, кажется, металлокерамику ещё делать не умеют? Земляк что-ли?!

Видимо физиономия моя хорошо передала мои эмоции, потому что Лев Захарович коротко хохотнул и проворчал:

— Я же говорил, Всеволод Николаевич, поймёт. Так что причитается с вас.

Они что, ещё и поспорить успели на мою сообразительность? Вот жеж…и это представители высшего руководства СССР? Хотя…

помнится я слышал про шутки Самого. Говорили, что чувство юмора у Виссарионовича ещё то! А тем временем улыбнувшийся Меркулов продолжил.

— Вообще, товарищ Хаузер только пока является внештатным сотрудником нашего министерства. А так…вам, Андрей Алексеевич, о чём-нибудь говорит слово ШТАЗИ?

Оп-паньки! Это ж гэдээровский кагэбэ! Даже по тому немногому, что я слышал об этой конторе было понятно, что ребята были ну очень серьёзные!

— Судя по вашему лицу — слышали, — Меркулов вновь широко улыбнулся и даже Мехлис перестал выглядеть таким недовольным. Я что у них сегодня, за клоуна прохожу? Начальство веселю?

— Так вот. Товарищ Хаузер, капитан министерства государственной безопасности Германской Демократической Республики, коллега Дмитрия Болеславовича.

После этих слов Меркулова мне оставалось только мысленно присвистнуть. Так вот что за «штирлицы» шлялись по министерству! Это ж какую информацию могли притащить эти мужики, раз Меркулов цветёт и пахнет да ещё и группу создаёт с участием одного из них? И один гэдээровский контрразведчик при работе даже в этом времени сила, а уж на той стороне, да не один…

Пока мысли в моей бестолковке устраивали ураган, Меркулов раскрыл лежащую перед ним папку и продолжил.

— К сожалению, товарищ Хаузер не сможет работать непосредственно в вашей группе. Сами понимаете, таких как он спецслужбы западной Европы и США мгновенно опознают, что может привести к нежелательным для нас последствиям. Только по этой причине товарищ капитан будет выполнять функции удалённого эксперта-консультанта. Периодичность связи и другие технические вопросы будут оговорены позднее, после окончательного утверждения членов делегации. Предваряя ваш вопрос, Андрей Алексеевич, — Меркулов усмехнулся посмотрев на меня.

— Ваша кандидатура утверждена по представлениям члена политбюро товарища Берии и Льва Захаровича, — кивнув в сторону Мехлиса, Всеволод Николаевич мгновение помолчал, словно сомневался — стоит ли продолжать? — и негромко добавил — Несмотря на случившееся на вашем последнем задании, вы назначаетесь заместителем руководителя группы генерал-полковника Мехлиса с присвоением очередного специального звания подполковник государственной безопасности. В ваши обязанности входят представительские

функции, сбор открытой информации по теме вашей группы, первичная аналитика и мероприятия, которые можно охарактеризовать как связи с общественностью. Полковник ГБ Щербань, утверждён в роли второго заместителя. Оперативная работа, как и охранные мероприятия, находится целиком в его компетенции.

— Дмитрий Болеславович, — Меркулов переключился на медведеподобного полковника, который абсолютно индифферентно отнёсся к известию, что первый зам младше по званию. — Подполковник Стасов имеет неприятную особенность — притягивать к себе неприятности. Почти всегда это заканчивается с немалой пользой для дела, но всё когда-нибудь может измениться. Поэтому обратите особое внимание охране Андрея Алексеевича, тем более, что он относится к категории секретоносителей высшей категории.

Так товарищи. Задачи и цели вашей группы озвучит завтра ваш непосредственный руководитель, с остальными членами вашей группы вы познакомитесь после её утверждения, я думаю что послезавтра. А пока… полковник Щербань, подполковник Стасов, обратитесь в спецчасть для ознакомления с документацией. Стасов, не забудьте ознакомиться с приказом и заменить удостоверение, а то знаю я вас…вы свободны, товарищи офицеры.

Оказавшись в приёмной. Переглянулись со Щербанем и решили — спецчасть подождёт, а вот перекурить нам просто необходимо. Да и поговорить не мешает…

А со следующего дня началось «веселье». Знакомство с группой и инструктажи, инструктажи, инструктажи.

В этот раз группа была смешанного типа: три женщины и семь мужиков. При этом «людей в погонах» было только пятеро, из них пара — крайне симпатичные особы из нашего министерства. Первое знакомство прошло можно сказать на бегу — утром собрались в зале выделенного нам загородного дома, Мехлис быстро всех «обозвал» и тут же разогнал по комнатам, выполняющих роли аудиторий, где нас уже ждали инструктора. То, что нас сразу перевели на казарменное положение и никто не мог покинуть немаленькую территорию «дачи», было привычным и ожидаемым. А вот процесс подготовки к заданию приятно удивил. Во всяком случае — меня точно. Впервые с того момента, как я стал сотрудником органов, изучение документов и общение с инструкторами читающими лекции, доставляло мне удовольствие. Не ожидал, что сухой язык документов, инструкций и положений может захватить. Конечно, в этом были «виноваты» привлечённые специалисты, но всё же, всё же… Мужики из

управления «С», к которому относился и я, вдалбливали в наши головы кто есть кто в запутанном политическом гадюшнике России двухтысячных и «демократического мира». При этом часть занятий проводили явно мои земляки, среди которых выделялся один преподаватель, поначалу вызывавший у всех нас почти одинаковую реакцию — достать табельный ствол и пустить ему пулю в лоб. Высокий, с сухим, костистым лицом, с ярко выраженной армейской выправкой и едва заметным акцентом, обостряющимся в моменты, когда он был недоволен усвоением нами его лекций. Настоящий ариец, мля! Даже понимая, что он скорее всего из тех самым немцев прибывших из моего мира, я не мог спокойно на него реагировать. Уж слишком сильно он походил на тех лощёных сволочей в мышастой или чёрной форме, которых мы совсем недавно уничтожали с великим удовольствием. Представляя его в фашистской форме, я видел на его плечах как минимум серебряный витой погон…а то и золотой. Но несмотря на сухую, слегка высокомерную манеру читать материал, педагогом он был от Бога! Именно материалы «эсэс», как мы его называли между собой, усваивались легче всего. Вроде и не делал он ничего особенного, и симпатию у нас не вызывал, а поди ж ты — всё им рассказанное и показанное с помощью видеопроектора — словно само собой раскладывалось в голове на подготовленные места, заставляя удивляться хозяев «хранилищ». А «эсэс» только поджимал тонкие губы выслушивая ответ на очередной заковыристый вопрос и вываливал на нас новую порцию информации.

Было ещё два инструктора, как я понял один из ведомства Громыко, а второй…вот с ним никто из нас так и не определился. На военного или сотрудника органов он не походил никаким образом, на партийно-хозяйственного деятеля — тоже. Мне доводилось общаться и с журналистами, и с людьми искусства, так и на них он не походил! Такое чувство, что в человеке соединилось всего понемногу от разных профессий и людей разных миров, и — получите инструктора для нашей группы. После его занятий я постоянно вспоминал старую шутку о том, что «…советские люди самые хорошие специалисты по чтению между строк…». Этот немолодой полноватый дядька показывал нам, как правильно работать с открытыми данными. Многое я уже знал, кое о чём догадывался, а некоторые вещи меня искренне удивили. А к последнему занятию я кажется понял, что за специалист с нами общался — пиарщик, или как говорил один пой знакомый по ещё старой жизни — «пиараст». Причём «пиараст» скорее всего работавший в политике. Не в верхнем эшелоне, но…

Плотно забитые лекциями три недели промелькнули как один нескончаемый экзамен и закончились так же неожиданно, как и начались. В конце общего завтрака, Лев Захарович объявил:

— Всё, товарищи. Лекций больше не будет. Собирайте личное имущество — через час выезжаем. Пора работать…

Интерлюдия 3

США, Вашингтон (округ Колумбия), Белый дом, овальный кабинет, конец августа 2013 г.

— Уильям, перед вашим вылетом в Москву, я хотел бы уточнить ещё несколько моментов, — президент Маккейн откинулся на спинку кресла и задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Вы прекрасно понимаете всю сложность сегодняшней политической обстановки в мире. Как полковник специальных сил, вы должны знать — Америка сейчас не готова к войне с противником уровня России. Да и операцию подобную «свободе» (имеется ввиду «Иракская свобода», результатом которой стало свержение Саддама Хуссейна и оккупация Ирака) в настоящее время мы провести не сможем. Только если докажем, что какая-то страна и выкрала тот проклятый заряд всплывший в Нью-Йорке. Вы согласны со мной, Уильям?

— Да сэр. Полностью и по всем вопросам, — новоназначенный посол США в России Уильям Морган утвердительно кивнул. — Мало того, господин президент. Я уже высказывал своё мнение и готов повторить — в сегодняшнем виде армия США просто не сможет вести боевые действия с серьёзным противником. При всём уважении, но арабы и дикари Афганистана, да даже сербы и китайцы! — это далеко не тот противник, что русские. Только глупцы ничего не понимающие в военных делах могут утверждать, что возможная вой на с Россией закончится быстро и нашей безоговорочной победой. В том, что мы победим я уверен, но вот цена такой победы при сохранении нынешнего положения в армии и флоте может стать чрезмерной. А при наличии фактора «дядюшки Джо» и вовсе сомнительной.

— Да, Уильям. Я помню и ваш доклад, и отчёты АНБ и ЦРУ… Скажите, Уильям, вы действительно считаете, что приток иммигрантов идёт во вред стране?

— Нет сэр, что вы, — по лицу Моргана было видно, что он искренен.

— Я против не иммигрантов, а против увеличения дармоедов, господин президент. Согласитесь — они слишком дорого обходятся Америке.

— А вы представляете, ЧТО может произойти, отмени или сократи мы вэлферы, Уильям? — Маккейн широко улыбнулся, словно речь зашла о чём-то весёлом. — Жертвы Нью-Йорка и

ущерб экономике нам покажутся мелочью, Уильям.

— Именно для этого нам и нужна глубокая чистка мускулов Америки, господин президент, — Морган улыбнулся не менее широко. — Зато потом…мы действительно сможем задавить русских. Даже при наличии «дядюшки Джо». И вы уже предприняли некоторые меры в этом направлении, сэр.

— Да, Уильям. И одно из важнейших поручений в этом направлении я доверяю вам, Уилл. Ваша главная задача — вступить в контакт с представителями Сталина. Посмотрите эти документы, — президент положил на стол перед Морганом тонкую папку, а сам поднялся из-за стола пройтись по кабинету. Дождавшись, пока Морган дочитает документы, Джон Маккейн вернулся на своё место.

— В Москве вы будете послезавтра, следовательно, у вас останется более трёх недель на то, чтобы подготовить выходы на представителей Советов. Согласно имеющейся информации, — он кивнул на папку лежащую на столе. — представители Сталина ожидаются в Москве к концу сентября, где, по договору с Россией открывают своё представительство.

Неожиданно для Моргана президент вдруг с силой ударил кулаком по столешнице и перешёл на свистящий шёпот. При этом его лицо раскраснелось и приняло злое, хищное выражение.

— Они обнаглели, Билл. Складывается впечатление, что им абсолютно наплевать на нашу реакцию! Я уж не говорю о мнении Европы. Но для того, чтобы доказать, насколько сильно они заблуждаются, нам всем нужно очень хорошо поработать. На время этой операции вам подчинена вся агентурная сеть Восточной Европы и России имеющаяся у наших рыцарей плаща и кинжала. Вся необходимая информация у вас есть, если же что-то понадобится — всё будет предоставлено вам, полковник.

Попрощавшись с президентом, Морган направился к дверям, как услышал за спиной.

— И ещё, Уильям. Никогда не недооценивайте азиатов. Неважно, китайцы ли они либо кто-то другой. Поверьте моему опыту, Бил. Удачи!

Ближнее Подмосковье, дача И.В. Сталина, рабочий кабинет, конец августа 1945 г.

Покрутив в руках любимую трубку, Сталин мысленно чертыхнулся и отложил её в сторону. Приходится слушаться врачей и ограничивать себя в курении. Хорошо хоть против красного вина не возражают, а то совсем бы себя старой

развалиной чувствовал! Но приходится соблюдать режим и указания этих надоед в белых халатах. Нельзя болеть, совсем нельзя. Слишком многое нужно успеть сделать того, что кроме него сделать попросту не сможет. Покосившись на Рокоссовского, внимательно изучающего привезённые Лаврентием документы по расследованию ЧП с обрывом связи с другим миром, Иосиф Виссарионович едва заметно усмехнулся в прокуренные усы. Хороший сменщик! Не зря я именно его решил выдвинуть, только опыта мало. Это в войне «Маршал Победы» царь и Бог! А в политических интригах, во внутрипартийной борьбе…Ну ничего! Ещё три-четыре года и он уже сам справиться, особенно если вовремя помочь. А помочь Константину Константиновичу мы всегда сможем…

— Лаврентий Павлович, значит случайность? — дочитав документ Рокоссовский прервал размышления Сталина обращаясь к Берии.

— Да. Именно случайность, Константин Константинович, — бывший нарком блеснул стёклами пенсне утвердительно кивая на вопрос маршала. Перестав быть наркомом внутренних дел, к удивлению многих Лаврентий Павлович словно помолодел, скинув с плеч груз забот о безопасности государства. Это только придало ему новых сил для работы, ведь он остался куратором множества важнейших тем и исследований, в которые с головой окунулся, наслаждаясь тем, что ничто его больше не отвлекает от занятия приносящего искреннее удовольствие.

— Если бы Нью-Йоркский переход открылся не в момент взрыва, никаких последствий, кроме незначительного радиоактивного загрязнения зоны перехода, не было бы. А так… очень жаль погибших людей, уничтоженную аппаратуру, но, как это ни странно, это происшествие принесло нам немалую пользу. Мало того, что мы больше узнали о физике переходов между мирами, но и поняли, как наши недруги могут лишать нас возможности перемещения между ними.

— Взрывая атомные бомбы? Не слишком ли рискованно для самих недоброжелателей? — Сталин усмехнулся и поднялся из-за стола. — Или есть варианты?

— К сожалению есть, Иосиф Виссарионович. Привлечённые к расследованию учёные из «атомной группы» сделали заключение, что главной причиной возникших помех повлекших за собой невозможность открытия перехода был электромагнитный импульс, возникший в непосредственной близости от портала. А то, что у наших «соседей» есть электромагнитное оружие мы уже знаем. Главным для нас является то, что производиться такое воздействие должно в непосредственной близости от точки

перехода, в ином случае никакого эффекта не будет.

— Получается так, что для обеспечения безопасности перехода нам необходимо постоянно менять их координаты?

— Да, Константин Константинович, — Берия широко улыбнулся. — Ох и не завидую я тем, кто попытается ТАКИМ образом нам мешать. На сегодняшний день у нас имеется более пятисот настроенных точек перехода только на территории России, две на территории Польши и Белоруссии и одна в Германии. Правда последние крайне неустойчивые, время безопасной работы составляет от одной до трёх минут, что позволяет совершать одиночные и даже групповые переходы в обе стороны. А вот точки на территории Америки мы пока потеряли. Во всяком случае, на сегодняшний день мы так и не смогли открыть ни одной из них — слишком сильные помехи. Но специалисты утверждают, что их мощность постепенно снижается. По их оценкам переходы станут доступны примерно через месяц-полтора. Более точные цифры называть не могут, слишком мало мы знаем о физике процесса.

— А что по временным характеристикам? Ведь до последнего времени у нас имелось расхождение с тем миром приблизительно в два месяца, а теперь практически день в день.

— На эту тему у нас есть только теории, которые пока ничем не подтверждены. Мне кажется более всего похожей на правду версия выдвинутая Андреем Сахаровым из «атомного проекта». По ней…

— Это не тот Сахаров, который «светоч демократии и борец с тоталитаризмом»? — Сталин вернулся за стол и с интересом посмотрел на Лаврентия Павловича.

— Тот самый. Только «светочью демократии» ему, надеюсь, не стать, — Берия довольно улыбнулся. — Вовремя полученная информация — залог успеха! С женщиной типа Елены Боннэр ему уже никогда не встретиться, да и жена у него чудесная. Молодой учёный у неё из рук ест и она из мягких, но цепких пальчиков его не выпустит.

— И в каком звании эти пальчики? — Рокоссовский ехидно прищурился глядя на бывшего главу «кровавой гебни».

— Обижаете, Константин Константинович! Как вы можете большие светлые чувства переводить в сухую прозу званий и чинов?

После этих слов Лаврентия Павловича все трое рассмеялись, но Сталин быстро вернулся к теме разговора.

— Так какую теорию выдвинуло наше молодое дарование?

— Очень интересную, Иосиф Виссарионович, очень. И, повторюсь, мне она кажется наиболее похожей на истинное

положение вещей. Просто чувствую это. Так вот. По предположению Сахарова, наша вселенная и вселенная того мира в какой-то момент стали очень близки друг к другу. Именно поэтому и появилась возможность перемещаться между ними. Но проблема в том, что как вселенные сошлись, так и разойдутся, а значит — исчезнет возможность осуществлять сообщение между ними. По его утверждениям, произойдёт это в течении пяти-семи лет. Именно этим и объясняется эффект совпадения времени. По его же предположению, скоро опять начнётся временное расхождение между нашими вселенными. Он предполагает, что происходить это будет, гм, рывками. Открываем переход — разница в день. Открываем через минуту — уже полтора дня.

— Очень интересное предположение, очень, — Сталин одними губами выругался и решительно потянулся за трубкой. Сделав пару затяжек, он задумчиво продолжил, — интересное предположение, а главное, легко проверяемое. Если сахаров прав, то скоро начнётся предсказанное расхождение во времени и значит нам придётся ориентироваться на озвученные тобой даты, Лаврентий. Ну что же, пять лет это не так уж и мало…

Глава 4

Наблюдая за небольшим залом, выделенным нам под пресс-конференцию, я с любопытством косился на краснеющего и бледнеющего полного мужичка из администрации президента. Ещё пятнадцать минут назад вальяжный, преисполненный чувства собственной значимости чиновник сейчас выглядел откровенно жалко, словно горе-любовник, считавший что «чмо» и «мачо» это одно и то же, но женщина, с которой он «не смог» ему объяснила как он ошибался. Не знаю, кто ему сейчас звонил, но у этого… существа, с исконно русской фамилией Кузнецов, даже пиджак «от Бриони» потемнел от пота. Судя по всему, возлюбили этого гадёныша преизрядно! Поневоле улыбка сама на лицо вылезла, при виде того, как эту самодовольно-напыщенную рожу кто-то строит. И Щербань тоже ухмыляется. Правда на месте руководства, я бы отдельный приказ издал, что Болеславовичу ухмыляться можно только при допросе пленных! И не больше одного раза за допрос, а то слишком жестоко получается! Вот нормальный же мужик полковник — добродушный, любящий хорошую шутку в исполнении других да и сам не прочь пошутить. Улыбнётся — само обаяние! А вот такая ухмылка как сейчас… не знаю, в чём секрет, но жутко становится так, что тянет штаны проверить на предмет сухости. Вроде и лицо не сильно меняется, и глаза прежние, а волосы на затылке сами приподниматься начинают, словно мозг твой ещё не осознал, а что-то глубокое внутри, древнее, оставшееся от предков только-только научившихся использовать палки и камни как оружие поняло — вот она Смертушка твоя! Вот бы так научиться! Мне кажется, что Щербань в «Смерше» своих клиентов влёт раскалывал! Ухмыльнулся подследственному, вопрос задал и записывай показания, стараясь не обращать внимания на неприятный запах. Вот и дурашка Кузнецов влип! Ну зачем он во время разговора взгляд поднял, а? Был розовенький, потненький, а теперь? Стоит бледное нечто на подрагивающих ногах и, похоже, даже забыло, что оно по своему айфону с начальством общалось. Опять Мехлис будет над жалобой ржать, что сотрудники миссии запугивают представителей госаппарата эрэф. В отличие от меня, Щербаню даже слово не скажут, он ведь просто «лыбу кривенькую подарил», а ведь я всего-лишь…

— Простите пожалуйста, вы Стасов?

Приятный девичий голосок выдернул меня в реальный мир, заставив мысленно вздохнуть. Опять контроль за окружающей обстановкой потерял! То-то Дмитрий преувеличенно серьёзно на

меня глянул, видимо мою мысль уловил, и ждут меня очередные тренировки. Да я и не против!

Отвернувшись от душераздирающего зрелища под названием «ступор чиновника», я обнаружил перед собой хозяйку прелестного голоса, звучащей в нём бодростью напомнившего «Пионерскую зорьку». Передо мной стояла невысокая стройная девушка лет двадцати пяти на вид, блондинка, очень может быть что натуральная, с красивым лицом, на котором присутствовал тот самый необходимый минимум косметики, который только подчёркивает природную красоту своей хозяйки. Большие серые глаза, тонкий прямой нос, аккуратно очерченные губы слегка тронутые бледно-розовой помадой, изогнутые в «служебной» улыбке, которой прекрасно умеют владеть продавцы, работники сферы обслуживания и чиновники. Одним словом — красотка!

— Да. А вы…

— Я Елена Санина. Департамент организационно технических вопросов управления Президента по внешней политике. Нам сообщили, что в результате некомпетентных действий господина Кузнецова у вас возникли определённые трудности, я прибыла исправить сложившуюся ситуацию, — убирая в тонкую кожаную папочку, в которой прятался какой-то из айпадов своё удостоверение, Елена, которую так и тянуло назвать Прекрасной, улыбнулась немного пошире и менее официально.

— Я провожу вас в зал более подходящий для проведения пресс-конференции, чем этот закуток. А бывший сотрудник нашего управления пусть узнает о себе ещё чего-нибудь интересного.

С этими словами, красавица повернулась и направилась к выходу из зальчика, который тот недоумок выбрал для организации пресс-конференции Мехлиса. Причём она ни секунды не сомневалась, что мы с Щербанем направимся за ней. И правильно не сомневалась! За такими ножками и всем остальным ходить одно удовольствие! Тем более, что у светлого костюма, выдаваемого своей хозяйкой за деловой, юбка героически боролась за звание широкого пояса, открывая просто нереально соблазнительную картину! Даже Болеславовича проняло! Иначе бы он так многозначительно не косился на меня. Да и блеск из глаз не спрячешь…

Через пять минут, пройдя по длинному коридору мы вошли в зал, который по мнению Саниной нам подходил больше, чем тот, в котором остался потеющий Кузнецов. Да. Красавица была права, этот зал подходил нам практически идеально: большой, светлый, с хорошей вентиляцией, а главное, что в нём есть места где

журналистов разместить, и про охрану не забыть, без которой Щербань грозился костями лечь, но не допустить этого непотребства. Пока Дима пытал Санину вопросами, я огляделся и поневоле вспомнил прошедшую после перехода в этот мир неделю…

Главный шок я, да и другие члены нашей группы испытали ещё там, в нашей Москве, когда после заявления Мехлиса о вылете открылась дверь, и вошли Сталин и Рокоссовский. Это было просто нечто! Рядом с нами оказались два Лидера с такой Харизмой, что просто держись! Только в тот момент я окончательно поверил упорно гуляющим слухам, что Иосиф Виссарионович решил сделать своим преемником Константина Константиновича. До этого я очень хотел поверить, но боялся услышать, что всё это ерунда. Даже Мартынова не спрашивал, боясь разочароваться. А тут… выглядело именно так, словно отходящий от дел наставник показывает любимому ученику хозяйство, передаваемое в его крепкие, молодые руки. И говорил больше не Сталин, а именно Рокоссовский. Правда я больше прислушивался не к тому, что они говорили, а как. И именно это меня убедило в правоте слухов. А ещё было чертовски приятно, когда в конце разговора Иосиф Виссарионович сам подошёл ко мне, представил Константину Константиновичу, и пусть и недолго, но мы пообщались втроём.

После посещения дачи Сталина несколько лет назад, я виделся с ним только один раз, да и то мельком. А в этот раз обратил внимание на то, что Иосиф Виссарионович выглядит намного лучше, чем тогда. Такое чувство, что он даже немного помолодел. Уже потом, находясь в родном мире, я кажется понял в чём причина этого. Просто знание того, что война закончилась с гораздо лучшими результатами для страны, информация моего мира, позволившая сэкономить огромные средства на поиск природных ресурсов, на разработку техники и многое другое, подбор преемника и понимание, что он именно тот, кто нужен, всё это вместе взятое убрало с плеч вождя часть нелёгкого груза. А это не могло не сказаться на его здоровье. Да и Василий, сын Иосифа Виссарионовича, добавлял положительных эмоций. В отличие от того, что было в моём мире, здесь Василия взяли в оборот, результатом которого стало то, что гвардии полковником Василием Сталиным, лётчиком — истребителем, Героем Советского Союза сбившим двадцать три немецких самолёта, отец мог гордиться. Только вот говорят, что выпить он всё же любит, как и в моей истории. Правда большинство летунов выпить не дураки…

А вторым шоком было озвученное Константином

Константиновичем задание. Оказалось, что наша группа выполняет роль если не дипмиссии, то консульства точно. Мы, так сказать, должны выйти из тени и вступить в открытый контакт не только с Россией, но и со странами Запада и Юго-Восточной Азии. Особенно было отмечено установление с Китаем связей не только на уровне спецслужб, но и официального, правительственного уровня. Вот это заявление стало для меня просто откровением. Получается так, что мои коллеги вовсю общаются с китайскими гэбэшниками? А теперь просто оформляем существующие отношения официально? Правда основная работа у нас всё же не дипломатическая, по той линии будут работать именно люди Громыко, а мы скорее подготовительно-технические мероприятия проводить будем. Да и внимание всё сконцентрируется именно на нас, дав возможность другим спокойно работать. Одним словом — навалили на нас по полной программе! Пахать как бобикам придётся!

И пришлось пахать, правда после того, как уже знакомый нам Сергей Сергеевич Нечаев отошёл от шока после заявления Мехлиса, о желательной организации нашей пресс-конференции в Москве. Словами произошедшее тогда передать невозможно, это нужно просто увидеть! Мне кажется, что появись в тот миг перед Нечаевым пьяные в умат, голые и целующиеся президент и Боря Моисеев, он бы обалдел намного меньше. Мне его даже жалко стало. И куда только пропала вся выдержка матёрого офицера? Минут пять он вытаращив глаза молча переводил взгляд с Мехлиса на меня и Щербаня и обратно, прежде чем смог произнести хоть слово. Но, в конце-концов взял себя в руки, встал из кресла, на которое рухнул после слов Льва Захаровича и тихо сказал.

— Товарищ Мехлис. Я должен поставить в известность президента о ваших планах. Давайте перенесём нашу встречу на два часа.

— Хорошо, — Мехлис кивнул, прекрасно понимая состояние хозяина кабинета. — Надеюсь это не повлияет на запланированный вылет в Москву?

— Никоим образом, — Нечаев уже окончательно пришёл в себя и выглядел почти так же, как и момент нашей встречи в кабинете. — Как и планировалось, вылет произойдёт в девятнадцать часов…

Добирались до столицы мы на том же самом самолёте, с тем же экипажем, что при возвращении в Екатеринбург. Те же симпатичные стюардессы встретили у трапа искренними улыбками, ни чем не дав понять, что некоторых людей из группы

видят впервые. Профессионалки, блин. Но всё равно приятно. Добрались без приключений, даже как-то скучно. Я было думал, что опять отправимся в Кремль, но был приятно удивлён. Направились-то, как и в первую поездку, даже путь почти повторили, только завершили его совсем в другом месте, в гостинице Националь на Моховой. Да-а-а. В таких условиях я согласен всю жизнь прожить…ла кто ж мне даст? Льву Захаровичу выделили лююксовый номер, Кремлёвский свит. Сплошное золото, лепнина и другие излишества. Судя по всему, Мехлису все эти роскошества мягко говоря не нравились, но раз принимающая сторона решила так, то ничего не поделаешь. Осматривая уже наши двухместные номера, он всё ворчал, что хрен в нашем будущем представительстве он позволит деньги на ветер пускать. А потом…Мехлис помчался в Кремль, а мы гулять по Москве. Забавно было идти по улице и прикидывать, которые из окружающих нас людей простые прохожие, а сколько из них — наши коллеги. Но и такая полупрогулка долгой не получилась. Не успели мы выйти на Красную площадь, как какой-то парнишка откровенно панковского вида подскочил ко мне.

— Товарищ майор. Товарищ Мехлис скоро вернётся в отель и просил передать, что вашей группе необходимо быть на месте.

Молча кивнув местному коллеге, я объяснил ситуацию «ребятам и девчатам». Что поделаешь, служба есть служба.

— Итак, товарищи офицеры, приступаем к работе, — несмотря на деловой вид и уверенную речь, было заметно, что Лев Захарович если не растерян, то весьма сильно озадачен.

— Прежде чем приступим к обсуждению предстоящих мероприятий, мне необходимо ознакомить вас со сложившейся ситуацией. Первое — президент России, как это ни странно, приветствовал наше решение. Второе — под наше представительство в Москве, правительство России выделяет дом с прилегающей территорией в ближнем Подмосковье. По окончании совещания, Стасов и Щербань выезжают на осмотр предложенных вариантов совместно с представителем администрации президента и ФСБ. Кто из сотрудников присоединится к вам — решите сами. Третье и, пожалуй, самое интересное…Знаете товарищи, — Мехлис поднялся из кресла и подошёл к камину. Задумчиво посмотрев на защитный экран, медленно он отошёл к окну и не поворачиваясь к нам продолжил.

— Я всякого мог ожидать и, как вы прекрасно понимаете, там мы рассматривали самые разные ситуации, которые могли бы произойти с нашей группой. Но один вариант мы не рассматривали, — резко повернувшись, Лев Захарович вернулся на своё место.

— Президент России передал мне просьбу Американцев о личной встрече…

Последним вариантом под представительство из четырёх предложенных нам, оказался не слишком большой, но вполне достаточный под наши цели, особняк в Барвихе. Изначально мы не хотели, чтобы наша база располагалась в городе, поэтому первые два очень даже крутых варианта в «историческом центре Столицы» мы осмотрели тщательно, но без особого интереса. Если будет устраиваться что-то навроде настоящего посольства, то один из особняков нам очень даже подойдёт, а пока — извините. И ужасно вымогал тип из администрации, который и показывал нам варианты «заселения». По манере поведения, он чем-то походил на героя «карнавальной ночи», гениально сыгранного Ильинским. И мне и Щербаню приходилось прикладывать просто титанические усилия, чтобы не поступить с ним так, как сделали бы у нас. Но нельзя, блин! А вот терпению эфсбэшного майора, который не смотря на шикарный костюм не выглядел «кабинетным» — можно было только позавидовать. Именно про таких и говорят — спокойный как удав. А вот меня от поведения этой сволочи уже начало подтряхивать. Как я уже потом подумал, «господин Кузнецов» скорее всего был не в курсе кто мы. Не знаю уж за кого он нас принимал, но разговаривал именно как барин если не с холопами, то с бедными просителями: этак барственно, через губу, с ярко выраженным презрением к нашим костюмам и «плебейским» манерам. Я уже собирался плюнуть на всё и просто начистить ему пятак, как майор Белов глянув на меня, отвёл в сторонку эту скотину и что-то тихо принялся ему объяснять, придерживая за локоть. Зажравшаяся скотина сначала что-то пыхтела, потом стала внимательно слушать, время от времени посматривая на нас. Видимо белов просветил чинушу, потому что вернувшись он стал себя вести более вменяемо. Теперь о барстве речи уже не было, и даже сквозь вальяжность просвечивала откровенная опаска. Ну я и решил немного припугнуть этого, гм, чиновника. Выходя из особняка к машинам, я придержал его за локоток.

— Пётр Дмитриевич, остановитесь на секунду, у меня к вам небольшая просьба.

Кузнецов недоумённо посмотрел на меня, на наши «мерины», около которых остановились озадаченные Щербань и Белов, и как-то неуверенно заявил.

— Так ведь решили всё, господин Стасов. Пяти минут не прошло, как всё обговорили.

— Я не по этому делу, господин Кузнецов, — причём господин я произнёс таким тоном, что самому тупому станет ясно

кем я его считаю на самом деле. А потом вежливо продолжил, добавив в интонации немного злорадства. — Я хоть и «кровавая гебня», но ничто человеческое мне не чуждо. Видите ли Пётр Дмитриевич, вас в наше сопровождение направили не случайно. С президентом России заключено соглашение, что некоторые чиновники определённого уровня будут направляться на месячный срок к нам, в систему Гулага. Чтобы они понимали где окажуться, в случае совершения, скажем так, действий идущих в разрез с государственными интересами и конфликтующие с уголовным законодательством России. Конечно же ничего особенно страшного с ними не произойдёт, ведь Советская медицина самая передовая в мире, да и мы, органы государственной безопасности, присмотрим за целостностью «экскурсантов». Да и Колыма уже, увы! Не та, что была семь-восемь лет назад. Но тем не менее я очень рад, что, так сказать, первой ласточкой будете именно вы. Так вот, я рекомендую вам запастись шёлковым нижним бельём — с него вши скатываются и гниды на нём не закрепляются. И ещё…

Какое же наслаждение было наблюдать за краснеющим и бледнеющим Кузнецовым, который в конце-концов вырвал у меня свою руку и что-то неразборчиво гмыркнув ломанулся в свой «мерин», который мгновенно выехал с территории.

— Ты чего ему такого сказал, Андрей, — озадаченно посмотрев вслед машине Кузнецова спросил Щербань. Судя по взглядам Белова, ему тоже было интересно — о чём я беседовал с этим типом.

— Пообещал ему экскурсию с подселением на одном из наших объектов на Колыме, добавив, что с Путиным всё согласовано.

Ржали мы с мужиками всю дорогу до «Националя», рассуждая о том, не подастся ли в бега это чудо. А в гостинице меня сразу перехватил разъярённый Лев Захарович, на связь с которым уже вышел глава президентской администрации. Возлюбил он меня очень сильно, в конце-концов официально запретив шутить с местными подобным образом. Правда в конце и сам посмеялся, мечтательно посетовав на то, что нет такого соглашения. А жаль. Но запрет оставил в силе.

А сегодня правда хоть немножко, но восторжествовала. Поэтому с Саниной я общался с чудесным настроением. Которое сохранялось ровно до того момента, когда на выходе из офисного центра ко мне не обратился симпатичный крепкий мужик в дорогом костюме.

— Здравствуйте, господин Стасов. Я первый помошник посла Соединённых Штатов в России Адам Таггерт…

Интерлюдия 4

Москва, Большой Девятинский переулок, 8.посольство США в РФ, сентябрь 2013 г.

— Сэр, разрешите?

Уильям Морган поднял недовольный взгляд на молодого помощника, ворвавшегося в кабинет.

— В чём дело, Адам? Ты же знаешь, что я работаю с…

— Извините, сэр, но это по «Зазеркалью». Вы сами говорили что…

Всё неудовольствие поведением помощника мгновенно схлынуло. Подавшись вперёд, Уильям резко спросил прерывая молодого выпускника учебного центра в Харвен-Пойнт[5].

— Поступила информация, что вернулась официальная делегация Сталина. Её состав пока неизвестен, единственное что сообщил агент, группу возглавляет Мехлис. Точное количество прибывших и их данные мы надеемся получить позднее. Самое же главное то, что они собираются провести в Москве пресс-конференцию с приглашением как российских журналистов, так и представителей демократической прессы. А…

— Скажи Адам…Наш человек был трезв, когда передавал эту информацию? — Морган усмехнувшись поднялся из-за стола и прошёлся по кабинету, — как-то всё это звучит…странно по меньшей мере.

— Нет, сэр. Эта информация полностью верна и уже подтверждена и по другим каналам. Один из русских политиков не являющимся нашим прямым агентом, но оказывающий нам определённые информационные услуги предположил, что «Зазеркалье» решило пойти на прямой контакт с нашим миром.

— А он не сообщил, откуда у него вообще такая информация? Не думаю, что Мехлис и его люди кричат на весь Екатеринбург кто они и что собираются делать? — вернувшись на своё место Морган задумчиво потарабанил пальцами по столу и поднял взгляд на помощника.

— Да ты садись, Адам. Как говорят русские — в ногах правды нет.

— Но они ещё добавляют, что нет её и выше, сэр, — Адам устроился в удобном кресле и добавил. — Я понимаю сэр, что информации у нас крайне недостаточно чтобы делать достаточно точный прогноз, но мне кажется, что наш «друг» прав. Сталин решил выйти из тени.

— Я тоже думаю, что он прав. Остаётся понять, зачем ему это нужно вообще и почему таким экстравагантным способом…

Адам Таггерт внимательно наблюдал за задумавшимся шефом, а сам размышлял о том, как ему повезло с начальником. То, что Уильям Морган был полковником специальных сил США оказалось только плюсом для подчинённых. Именно про таких офицеров у русских есть хорошее выражение — слуга Царю — отец солдатам.

— Так Адам, — Морган негромко хлопнул ладонью по столу приняв решение. — Собирай парней и готовься — ближайшую пару-тройку дней поспать вам не удастся. Но сначала доставь мне всю информацию, что у нас имеется по прошлой группе Мехлиса. Даже догадки и откровенные байки. Мне нужно всё!

Глава 5

— Здравствуйте, господин Стасов. Я первый помощник посла Соединённых Штатов в России Адам Таггерт. Вы не могли бы уделить несколько минут вашего времени?

Очень надеюсь, что мой взгляд, которым я окинул американца, был спокойным и уверенным. Не хотелось бы даже в такой мелочи выглядеть перед янки хоть в самой малой степени неготовым к таким встречам. Только я собрался согласиться на беседу с дипломатом, как тот отшагнул назад и выставив перед собой ладони быстро заговорил, причём на его лице и в голосе присутствовал неслабый испуг, который выражался и резко проявившимся акцентом.

— Нет, нет, господа! Я прошу всего-лишь о небольшой беседе! Не более того!

И только теперь я догадался посмотреть на мужиков: лицо Белова было абсолютно бесстрастным, а вот Щербань…

Много лет тому назад…или вперёд? В общем, во времена моей «первой» молодости, довелось поучаствовать в охоте на медведя, причём охота была не зимняя, когда зверя поднимают из берлоги. Охотились мужики на мишку, который летом попробовал человечины, сожрав одного туриста, а второго сильно покалечив. Молодой дурак, которым я был в то время, уговорил приятеля, профессионального охотника, у которого я был тогда в гостях, взять меня с собой. За медведем-людоедом тогда пошло пятнадцать или шестнадцать человек, разбившись на три группы. И так уж мне «повезло», что именно на нашу группу и вылетел зверь, которого кто-то успел к тому времени подранить. Никогда не забуду ту небольшую поляну начавшую зарастать молодым осинником и ельником, на которой и произошла эта встреча. Шёл я последним в группе и был, мягко говоря, расслабленным. А чего мне было напрягаться, думал я тогда. Со мной четверо матёрых мужиков, вооружённых карабинами, у меня вертикалка 12-го калибра заряженная пулей, безопасность полная. А что мужики напряжены и время от времени на меня рявкают, так это просто от нервов. А потом… портянка у меня сбилась и я остановился переобуться. Мужики встали метрах в десяти от меня, практически рядом. И тут, с жутким хрустом и треском ломающихся кустов с ближнего к нам края поляны, вылетает оскаленная громадина. Не помню, ревел ли медведь, в памяти остался только хруст и треск, да хлёсткие щелчки выстрелов охотников. А я стоял опустившись на правое колено, держался за голенище левого кирзача, которое я собирался немного

подвернуть, и в каком-то ступоре смотрел на буро-чёрного гиганта, чья распахнутая пасть с жёлто-кровавыми клыками, приближалась ко мне. Медведь рухнул, не добежав до меня метров пяти-шести, в себя я пришёл только вечером, а на охоту я больше не ходил. Никогда. И вот сейчас, стоя в фойе шикарного офисного центра, я словно вновь увидел ту оскаленную пасть, только направлена она была не на меня, а на американца, чьё лицо становилось всё более бледным. Сместившись правее, тем самым скрывая дипломата от Дмитрия, я шагнул поближе к дипломату.

— Господин Таггерт. Я готов с вами пообщаться прямо сейчас. Давайте отойдём в сторону, например, туда.

Указав ему направо, где недалеко от входа стояло несколько удобных диванов поставленных буквой пэ вокруг небольшого низкого столика. Своеобразный уют этому месту придавали кадки с какой-то зеленью, служащими хоть небольшой, но защитой от чужих глаз. Придерживая всё ещё бледного американца за локоть правой руки, я направился к креслам, бросив взгляд на Щербаня и Белова. Если второй был абсолютно спокоен, то с Дмитрием было иначе. Нет, всеобъемлющей ярости, превращающей его лицо в воплощённый ужас, уже не было. Скорее сейчас лицо Щербаня ярко демонстрировало чувства раскаянья и стыда. Ну да и ладно! Главное, что янки не обделался и вообще не помер от испуга, а со всем остальным разберёмся.

Дождавшись, пока мужики устроятся на соседнем диванчике, я обратился к Таггерту, к этому времени сумевшему взять себя в руки и пришедшему в себя.

— И так, о чём вы хотели со мной побеседовать, господин Таггерт?

Американец бросил быстрый взгляд на сидящих поодаль Белова и Щербаня, едва заметно вздрогнул, но мгновенно взяв себя в руки улыбнулся.

— Да-а, господин Стасов…Мы и предположить не могли, что наша встреча окажется такой…волнующей. Господин Стасов. Я понимаю, что встречаться с вами так, на бегу, не самый лучший способ налаживания отношений, но сами понимаете, пока у вас нет официального представительства, а правительство Соединённых Штатов уже сейчас заинтересовано в установлении добрых отношений с…правительством Советского Союза.

Мгновение помолчав, американец достал из внутреннего кармана пиджака небольшой конверт.

— Я понимаю, что вы не уполномочены решать подобные вопросы, как и я впрочем, — положив конверт на столик передо мной, Таггерт продолжил. — Здесь предложения посла

Соединённых Штатов в России Уильяма Моргана, адресованные господину Мехлису…

Подтащив кресло поближе к окну, я поставил пепельницу прямо на подоконник, выложил рядом сигареты с зажигалкой и, мгновение посомневавшись, немного «раскулачил» бар номера. Конечно, этот «армянский коньяк» и в подмётки не годится тому, к которому я привык за последние годы, но водка не то, что мне сейчас нужно, а виски…лучше уж самогоночки хряпнуть! Выпив первую рюмку и прикурив сигарету, сразу налил вторую и машинально покачивая рюмку в руке задумчиво уставился на ночную Москву. Нда. Ну и денёк сегодня вышел, сплошные сюрпризы! И ладно бы хорошие! А так…Хорошо хоть с Димой всё нормально. Прислушавшись к доносящемуся из его комнаты храпу поневоле улыбнулся. Как он янки-то сегодня напугал, а?! Стоит признать, что и я неслабо так бздёхнул, но американца даже жалко было. Правда потом, в номере Льва Захаровича, жалеть пришлось уже самого Щербаня. Хорошо хоть недолго, Мехлис быстро разобрался и отошёл. Правда взгляд у него был… хитрый такой, словно уже придумал, против кого такое преображение нашего коллеги использовать можно. Тем более выяснилось, что Щербань может подобное состояние у себя и искусственно вызывать, получая информацию от нехороших людей. И руководство было в курсе таких способностей полковника, только вот Льву Захаровичу ничего не сказали. Видимо посчитали, что такие способности Щербаня в нашей миссии не пригодятся, а оно вон как вышло. Ну кто мог предположить, что янкес окажется точной копией одной мрази из предателей, которую Болеславовичь почти полтора года ловил?! И так и не взял! А крови на том было…Когда полковник глухим голосом, не поднимая взгляда рассказывал историю свои поисков той нелюди, мне стало не по себе. Вспомнилось участие в работе спецкомиссии на Украине, поиски Болта и погибшие ребята…Но того, что рассказывал Щербань, я и близко не видел к моему счастью! Сергей Кривцов, звали ту сволочь, на которую так похож американец. Когда этот Кривцов, по прозвищу «Монпасье» из-за пристрастия к леденцам, брался за допрос пленённых партизан или подпольщиков — раскалывались самые стойкие. Он к ним вообще никаких физических мер воздействия не применял. Совсем никаких! Плотно фиксировал в массивном кресле, чтобы они ничего не могли с собой поделать, а потом…на их глазах начинал пытать детей пойманых на улице…в присутствии матерей, так же связанных… По словам Щербаня, известно о тридцати таких допросах, а о скольких так и не узнали?

Передёрнувшись от пробившего озноба, я выпил слегка

согревшийся коньяк и налил новую порцию, заодно прикурив новую сигарету от остатков старой. Перед глазами стояли освобождённые из концлагеря красноармейцы, огромные ямы заполненные теми, кто так и не дождался прихода наших. Фотографии и киноплёнка, на которую бесстрастно зафиксировано — в том числе и немцами! — то, что творили «истинные арийцы», протоколы и фотоматериалы по тем случаям, когда «отличались» наши бывшие сограждане, пошедшие на службу «новому порядку». То, что творили немцы было страшно не столько тем, что они делали, а как…безжалостная машина уничтожения, учитывающая всё: сколько нужно газа на отравление определённого количества людей, сколько получится удобрений после «переработки» трупов, что из изъятых вещей смогут использовать граждане рейха и его саттелиты, чья кожа наиболее подходяща для изготовления абажуров и перчаток и сколько человеческого жира вытопившегося при сжигании узников лагерей необходимо использовать для розжига костра следующей «партии»… Вот эта проработка всех деталей и делала всё творимое гитлеровцами таким ужасным. Настоящий конвейер смерти, фабрика уничтожения… А вот предатели…те иногда творили такое, что даже немцы иногда не выдерживали! Если прошедших горнило гражданской войны бывших «беляков», многие из которых потеряли и своих родных, причём иногда зверски замученных «красными», как то можно понять…Не оправдать, а именно понять их ненависть ко всему советскому! — то молодых, проживших большую часть жизни при советской власти, бывших комсомольцев и даже членов партии… я просто не мог понять! Пытался, думал об этом, но так и не понял, что ими двигало. Мне довелось читать протоколы допросов некоторых из них, и там я не нашёл ответа: был нормальный человек и раз — уже палач и предатель.

— Не спится, Андрей?

Неслышно подошедший Щербань заставил меня невольно вздрогнуть и едва не расплескать новую порцию коньяка.

— Мне вот тоже, — полковник хмыкнув подтащил второе кресло к окну и поставил на подоконник пустой бокал.

— Налей и мне. Всё равно больше не усну, эта мразь перед глазами так и стоит.

Понимающе кивнув, ведь и так понятно о ком речь, я плеснул ему хорошую порцию ароматного напитка. Щербань сделал небольшой глоток, прикрыл глаза и вздохнул.

— Выбил меня из колеи американец. Даже стыдно как-то…

— Понимаю. — мгновение помедлив, я тоже сделал глоток.

— Понимаешь, — полковник криво ухмыльнулся. — Большую

часть жизни я ношу чекистскую форму, Андрей. И тут так… обгадился жидко, что уму ни постижимо! Ведь не мог я его здесь встретить, никак не мог! А чуть не сорвался, как пацан-несмышлёныш. Какой же я, нахрен, профессионал тогда, а, Андрей? А ты говоришь — понимаю… Зелёный ты ещё в наших делах, чтобы понимать, хоть и повидать успел разного. Вот тебе было бы такое простительно, а мне… — махнув свободной рукой, Щербань допил коньяк и прикурил сигарету, — а от вашего понимания, мне только хреновей становится. Ладно, — он встряхнулся всем своим мощным телом, снова став похожим на громадного медведя, — Это всё лирика, минутная слабость. А подготовку к «выходу в свет» нам никто не отменял. Давай ка ещё, раз уж не спим, обсудим предстоящую головную боль. Помощь местных это хорошо, но и мы мышей ловить должны, — сходив в свою комнату он вернулся с ноутбуком и толстым блокнотом. — Что там у нас по планам…

* * *

«…посланец Сталина Мехлис заявил, о желании величайшего палача всех времён установить добрососедские отношения между нашими странами и мирами. Добрососедские отношения… Красиво звучит, не правда ли? Что может быть лучше, чем добрые отношения между людьми, государствами, мирами наконец? Но, как всем известно, дьявол таится в мелочах! В этом случае «мелочью» является личность не только лица, делающего предложение цивилизованному миру, но, не менее важно, кто озвучивает эти предложения. Давайте рассмотрим эти «мелочи». Кто такой Сталин никому объяснять не нужно. Все и так знают этого тирана и палача, преступления которого сопоставимы только с ужасами творимыми Гитлером. Все остальные величайшие тираны известные нам из истории меркнут в сравнении с этой парой. Причём неизвестно до сих пор, кто совершил больше преступлений по отношению к Человечеству — Сталин или Гитлер? Но я сейчас хочу разобраться не в этом, а в личности посланца тирана — Мехлиса. Лев Мехлис известен в истории как верный пёс тирана, готовый если не загрызть любого неугодного вождю, то сделать всё возможное и невозможное для того, чтобы найти таких людей. У этого существа, которое мне трудно, да просто невозможно назвать человеком! — руки не просто по локоть в крови, он замаран в ней с головой! Он не просто подписывал расстрельные документы и фабриковал обвинения по делам так называемых «врагов народа», но и не

гнушался нажать на спусковой крючок пистолета, не отказывая себе в удовольствии безнаказанно убивать! Большинство его преступлений пришлось на период второй мировой войны, когда по его прямой вине были расстреляны тысячи людей, а по результатам его бездарного командования погибли десятки и сотни тысяч наших солдат и офицеров. Особенно ярко проявилась палаческая натура этого демона в человеческом обличье, при обороне Крыма, когда только благодаря ему фашисты смогли захватить его. Но дело даже не в личности этого палача, а в реакции властей России и некоторых других стран на появление «эмиссаров дьявола» в нашем мире…»

Не выдержав, я отключил радио и повернулся к Щербаню, который уже протянул мне бокал с коньяком. Ну не могу я уже слушать и смотреть весь этот бред, всю неделю несущийся со всех экранов и радиоприёмников! Началась эта безумная свистопляска в тот момент, когда наша миссия из разрядов слухов и небылиц, перешла в стадию реальности, и пресс-конференция всё же состоялась. Всё-таки забавные мы, люди, существа. Журналисты как никто другой знают, как создаются «дутые» сенсации, но ни одно из издательств, информационных агентств и телекомпаний, которым мы прислали приглашение, не отказалось от участия в предстоящем «фарсе и неумном розыгрыше», как они озвучивали эту новость изначально. Но тогда это были ещё цветочки! А вот когда этот «фарс» стал явью…вот тогда-то и стали проявляться ягодки! ТАКОГО не прогнозировали не только мы, но и, как признался Белов, Кремль. Это была форменная истерия! Журналисты и различные политологи сходили с ума в прямых эфирах, радиопередачах и на страницах газет. А уж что творилось в интернете…! Мне кажется, что у многих пользователей их «электронные друзья» просто не выдержали жара форумных баталий, развернувшихся на просторах сети! А сообщения о случившихся стычках между противниками в реальном мире, при которых были жертвы с обеих сторон, только добавляли горючего в костёр и так жарко полыхающей мировой истерии. Было озвучено, что в стычках при проведении различных демонстраций и митингов пострадало не менее трёхсот человек! Хорошо хоть погибших не было.

Но если многое из этого мы ожидали, то реакцию прессы двух стран — России и США — нет. Как это ни странно, но самую спокойную и взвешенную политику вела именно американская пресса. Крики о палачах и тиранах присутствовали и там, но гораздо больше было серьёзных, взвешенных комментариев. Именно американцы, а не российские журналисты, первыми озвучили тот факт, что СССР всегда соблюдал международные

договора и щедро оплачивал товары и услуги, предоставляемые ему «цивилизованным миром». Американцы вспомнили, что именно золото полученное от Сталина, в тридцатые годы двадцатого века помогло Америке выбраться из Великой депрессии. Причём множество граждан США было спасены от голодной смерти, получив предложения поработать в СССР строя заводы и обучая русских работать на станках. А вот Российская пресса… По отношению к нашим «журнашлюшкам» у меня были только матерные слова! Не ко всем, но большинство из того что я смотрел, читал или слушал было таким откровенным бредом, что порой мне казалось, что смотрю и читаю не Российские издания, а выкормышей Геббельса! Всё-таки здорово промыли мозги моим землякам за почти четверть века, прошедших с момента развала Союза. А вот от просто людей, не обременённых должностями в СМИ, приятных для нас известий было немало. Особенно понравилось Мехлису то, что среди явно симпатизирующих СССР вообще и товарищу Сталину лично, было много молодёжи. Он даже речь нам задвинул на эту тему, к счастью небольшую. А вот журналисты, повторюсь, в большинстве дерьмо лили рекой. Видимо перепугались бедолаги. Но смех-смехом, а такое «дерьмометание» нас напрягало всерьёз. Как-то не вязалось это с нашими прогнозами и внешней доброжелательностью правительства России, чей представитель разводил руками и что-то бормотал о четвёртой власти и свободе прессы. Нашёл же на что ссылаться! Или нас идиотами считает, ведь за время наблюдения за Россией мы убедились, что свобода внутренней прессы заканчивается там, где начинаются серьёзные интересы власти. И такая мощная истерика на центральных каналах ТВ, могла разразиться только с ведома Кремля. В ином случае, уже давно бы многие прикусили языки, особенно на госканале.

Интерлюдия 5

США, штат Техас, окрестности города Кроуфорд, ранчо семьи Буш, октябрь 2013 г.

— Что, Уилл, всё гадаешь, почему встречаемся именно здесь?

Широко улыбающийся президент больше всего сейчас похожий на простого «коровьего мальчика», бросил на стол промокший «стэтсон»[6] и с явным удовольствием развалился в уютном старом кремле.

— Да не вскакивай ты. Сиди, — он махнул ладонью останавливая Моргана, собиравшегося вскочить при его появлении. — Всё равно не поверю в то, что ты стал вежливым. Сиди уж. Сейчас твой дядя подойдёт, тогда и поговорим.

Потянувшись, как большой кот, Маккейн, гулко чихнул и рассмеялся.

— Не спи, дипломат! Поухаживай за старшими, — пару секунд понаблюдав за ошарашенным Морганом, он весело рассмеялся.

— Ну ты как не из России приехал, Билли! Наливай! Видишь же, профилактика простуды нужна!

Приняв от всё ещё ошарашенного гостя бокал с виски, президент сделал большой глоток и удовлетворённо вздохнул.

— Хорошо. Ах, как хорошо, Билли! Да расслабься ты! Мир не перевернулся и ты не сошёл с ума. Просто…

— Просто наступило время войти в высшую лигу, мой мальчик.

Голос дяди, незаметно появившегося в комнате, заставил Моргана-младшего вздрогнуть. Тем временем Арчибальд Морган удобно устроился в кресле рядом с президентом и щедро плеснул виски в свободный бокал. Сделав небольшой глоток, погонял напиток во рту, проглотил, удовлетворённо хмыкнул и отставил бокал в сторону. Хитро посмотрев на племянника, Морган-старший широко ухмыльнулся.

— Билли! Да что с тобой такое? Или ты искренне поверил в нашу с Джоном вражду? Стыдитесь, полковник! Я хоть раз тебе об этом сообщал, мой мальчик? А Джон? А спросить меня ты тоже не мог?

— Арчи! Хватит наезжать на парня, тем более, что он прекрасно выполняет свою работу. — Маккейн протянул Уильяму бокал. — Выпей и расслабься, парень. А потом и о деле поговорим.

Как всегда, крепкий алкоголь помог, и Морган-младший успокоившись принялся с интересом наблюдать за спектаклем, который перед ним разыгрывали два старых лиса. А в том, что это именно спектакль, он уже не сомневался. Наконец, видимо решив, что он достаточно пришёл в себя, Арчибальд Морган прервал пустую болтовню и стал серьёзным.

— Билли…Мы действительно считаем, что ты прекрасно поработал. Даже лучше, чем мы могли предполагать. Одно установление постоянной связи с «дядюшкой Джо» чего стоит! — останавливая Уильяма, который пытался что-то возразить, он вскинул ладонь.

— Помолчи Билли…и послушай. Мы понимаем, что если бы Сталин сам не хотел установить с нами нормальные отношения, то и тебе в этом случае ничего бы не удалось. Но и правильность твоей позиции в контактах с красными не могла не повлиять на скорость процесса. И твой парень сработал просто прекрасно! Потом скажешь, как лучше его поощрить. И сам понимаешь, что сюда тебя выдернули не для того, чтобы всё это сообщить. Вернее не только для того. В твоём последнем отчёте промелькнула одна интересная мысль, и нам бы хотелось услышать, что сподвигло тебя сделать именно такие выводы?

— Арчи имеет ввиду твоё замечание о том, что Сталину плевать на наш мир и всё, чего он хочет — перехватить часть людей, техники и технологий, — уже ничем не напоминающий пастуха Джон Маккейн внимательно посмотрел на ставшего серьёзным младшего Моргана.

— Так просто и не объяснишь…

— А ты непросто, Билли, — Арчибальд Морган практически насильно всунул в руку племянника новый бокал. — Не уподобляйся шлюхам из европарламента. Говори прямо, мой мальчик, и так, как тебе удобней. Мы поймём.

Помолчав и сделав пару глотков, бывший полковник, а теперь посол США в России собрался с мыслями.

— Тут действительно просто не объяснить. Это скорее из области чувств, интуиции…ощущений если вы, дядя, понимаете о чём я. — взглянув на серьёзно кивнувших собеседников он уже более уверенно продолжил.

— Обратите внимание на то, как аккуратно действовал Сталин в начале. На цыпочках, незаметно добывал необходимую информацию и вышел из тени только тогда, когда у него не осталось выбора. И даже потом, все контакты с властями России были тихими и максимально скрытыми. Если бы не наши, хм, друзья в спецслужбах и властном аппарате русских — мы бы и не узнали об этом. Потом, скажем прямо, наша крайне неудачная и

бездарная попытка давления на русских…

— Арчи! Я тебя не узнаю! — Маккейн одёрнул Моргана-старшего, не дав тому вымолвить даже слова. — Я понимаю твои чувства и сколько нервов стоили тебе те события, но ты слишком эмоционально относишься к ним. В конце-концов, большая часть людей причастных к тем проблемам уже никогда не смогут испортить никакого серьёзного дела. А сейчас не сбивай парня с мысли и помолчи!

Арчибальд возмущённо уставился на Маккейна, но сдержался и не стал ничего говорить, выместив своё раздражение на новой бутылке, с хрустом свернув пробку.

— Продолжай, Билли, — Маккейн с усмешкой покосился на Моргана-старшего. — а ты, старина, про нас не забывай. Хорошее виски серьёзному разговору не помеха.

— Так вот…Результат нашей попытки давления был нулевой. Люди Сталина продолжали действовать так же тихо и незаметно, несмотря на весь поднявшийся шум. А вот потом… Обратите внимание — красные стали действовать не просто открыто, а подчёркнуто шумно. Все эти пресс-конференции, игра в вопросы-ответы в интернете, включая прямое общение на видеочатах. Организация официального представительства и вступление в прямой контакт с основными мировыми игроками…

— Ну с нами вступили только после твоих действий, — Морган старший усмехнулся. — Или ты хочешь сказать…

— Да, дядя. Я уверен, что они сами вышли бы с нами на контакт, как это произошло с Германией, Японией, Китаем, Францией и некоторыми другими странами, — Билл задумчиво посмотрел на свой бокал, поколебался мгновение и отставил его в сторону. — Кстати, что касается обращения к странам… вы обратили внимание на то, что с «кузенами» они подчёркнуто не хотят иметь никаких дел?

— Да уж! Попробуй не заметь! — Маккейн от души расхохотался. — Истерика «кузенов» не только не прекращается, а напротив — только усиливается! ТАК британцев в дерьмо ещё никто не окунал!

— По острову мы потом поговорим, отдельно, — Морган-старший согнал улыбку с лица. — Продолжай, Билл.

— Повторюсь — они сами бы вышли на нас, но мы ускорили этот процесс, что, пожалуй, к лучшему. Помимо «выхода из тени», Сталин стал открыто скупать оборудование и технологии. Могу только предполагать порядок сумм, но, думаю не ошибусь, если речь идёт о миллиардах. И именно от нас зависит, сколько из них окажется в США. Не мне вам говорить, что в наших интересах сделать всё возможное для того, чтобы большая часть этого

пирога оказалась нашем столе.

Глава 6

Запалено дыша, я свалился за кучу старых шин и сквозь заляпанное грязью стекло маски попытался рассмотреть как там дела у остальных. А дела были, прямо скажем, не очень. Из семи человек, выставленных Львом Захаровичем на «товарищеский матч» с местными спецами, выбыли из боя уже четверо. Внимательно судьи наблюдают, мать их! За последние полчаса я уже сто раз пожалел, что согласился поучаствовать в «пострелялках». Так, как в этом учебном бою меня не гоняли даже под Свердловском! И я должен верить Мехлису, что против нас играют простые охранники? Да ну нафиг! С первой секунды появления на полигоне меня не оставляло чувство, что против нас вышли инструктора с базы «Баха». А те учились и учили не охранять, а рвать в клочья любую охрану и обходить или устранять любые преграды. Вот и эти семь мужиков явно заточены на тоже самое. Полчаса побегушек — пострелялок убедили меня в этом окончательно. А размен четыре к одному очень убедительно проиллюстрировал шансы на победу нашей команды. Наконец справившись с дыханием я проверил оставшийся боезапас и погрустнел ещё сильнее. Два магазина к пистолету, полтора рожка к автомату и одна граната. Итого — пятьдесят четыре шести миллиметровых стальных шарика, которые почти по Папанову — бьют больно, но аккуратно. Плюс две сотни в полиэтиленовой «лимонке». А было почти в пять раз больше. Да-а. За такой «эффективный» расход боеприпасов, тот же «бах» меня бы с дерьмом смешал! А немцы просто бы прихлопнули… Да мать их так! Неужели эти парни из двухтысячных настолько лучше нас? Ладно я — кабинетный червяк время от времени влипающий в неприятности со стрельбой. Ну ещё двое из выбывших, такие же как и я кабинетные сидельцы. Но остальные-то четверо! Да и я давно не мальчик для битья, неприятно удивить могу и крутого специалиста. Может всё дело в том, что мы подсознательно не восприняли это соревнование всерьёз? Для нас-то такие тренировки внове. Вот и получаем по полной программе?

За какую-то минуту я расстроился, потом разозлился просто до бешенства, а потом…успокоился. Что мы имеем? Ограниченный боезапас и известное количество противников, отсутствие связи с оставшимися бойцами команды и общую разобщённость. В то же время — лично у меня создался практически идеальный настрой для боя — холодная уверенность. Ладно, мужики! Повоюем! Поудобнее перехватив

любимый MP5, я осторожно пополз к следующей куче шин…

* * *

— Хорошо сегодня потренировались.

Улыбчивый, худощавый капитан из команды наших соперников сожалеюще посмотрел на кружку с чаем в своей руке. Весь вид этого подтянутого тридцатилетнего парня со светлым ёжиком волос на коротко стриженой голове выдавал нешуточное расстройство. Явно не чай хотелось видеть в этот момент Алексею, да и нам всем тоже. Но…что наши желания в сравнении с приказами руководства? Вот и сидим общей компанией в шикарном зале отдыха при полигонной бане, отходим от парилки и прошедшего боя, пьём горячий ароматный чай из здоровенного электрического самовара, хрустим нереально вкусными сушками и карамельками, одним словом — кайфуем. Проводим притирку, так сказать. По окончании боя Мехлис нас изрядно удивил, как удивил наших противников незнакомый генерал явно не штабного облика. А удивляться было чему. Уже несколько дней, в нашем изрядно разросшемся коллективе ходил слух, что готовится группа для поездки по нескольким регионам, называемым в современной России депрессивными. В основном в те места, где закрылись и разворовались градообразующие предприятия. Вот Мехлис и заявил, что мы и есть такая группа, а наши противники — наша охрана. А таким хитров…способом нас познакимили. Не знаю, в чью «светлую» голову пришла такая идея, но уверен, без наших «менгеле-мозголомов» дело не обошлось! Уж больно сильно они активизировались в последнее время, словно вновь вернулись дни, когда мы делали первые вылазки в этот мир. И как это ни странно, но сработало! С мужиками мы сошлись очень быстро, словно только что не вгоняли друг-другу под кожу стальные шарики из наших «карамультуков». Видимо и результат нашего поединка повлиял, да и баня она объединяет!

Бой наша команда проиграла, но более чем достойно — у противников выжил только Алексей. Я смог снять двоих, прежде чем самого прихлопнули, а троих подловил Дима Щербань, которого, в свою очередь, Лёха застал в момент перезарядки. Как проворчал сам полковник, явно раздосадованный произошедшим, «взял со спущенными штанами, как пацана». А сейчас, раскрасневшийся Щербань что-то со смехом доказывает парням, которых он «завалил», а те, хохоча ничуть не тише Димы, что-то втирают ему. Идилия, одним словом. Только вот ни пива, ни чего

покрепче нет. Как там в интернетах пишут? Пичалька?

* * *

— Присаживайся, Андрей, — Мехлис не отрываясь от бумаг махнул в сторону соседнего кресла. — Пару минут подожди, я почти закончил.

Ну подождать, так подождать. Плюхнувшись в удобное кресло я невольно поморщился от лёгкой головной боли и усмехнулся, вспомнив вчерашнее чаепитие. Запреты запретами, а как-то незаметно, непонятно откуда, но постепенно чай в наших чашках сменился коньяком, лимончики были изначально, а сушки, как оказалось, не только с чаем вкусны. Попили чайку от души, так сказать. Ещё бы голова время от времени не болела, то было бы совсем замечательно!

— Что морщишься? Перестарались с «чайком» вчера? — Мехлис уже оторвался от бумаг и с усмешкой наблюдал за мной. — Не напрягайся. Мы всё равно знали, что чаем у вас не закончится. Чтобы принюхавшиеся друг к другу мужики без выпивки обошлись? Но расслабились вы, Андрей, расслабились… Ну ничего! Вернётесь, мигом в норму придёте!

И так он это многозначительно сказал, что меня невольно передёрнуло. Сразу вспомнилось, что косяки пороть мне противопоказано. А Лев Захарович, явно довольный произведённым эффектом, добродушно хохотнул.

— Да всё нормально, не переживай. Честно служишь, служебные обязанности выполняешь, чего напрягаться-то? Ну ладно, Андрей. Каждой шутке свой время, а сейчас слушай. В этой поездке вы будете выполнять роль вербовщиков. Ваша основная задача — набрать специалистов согласных переселиться к нам. Вот список профессий, в которых мы особенно заинтересованы, но и просто люди, даже не обладающие этими специальностями будут нелишними. Одним словом — греби всех, кроме откровенной грязи. А там разберёмся.

— Что я могу обещать людям, Лев Захарович. Сами понимаете, мне нужно что-то конкретное обещать, да ещё и легенды сложенные о нашем времени развеивать придётся, — я покосился на довольно толстую папку, содержавшую листы с перечнем интересующих нас специальностей.

— Что обещать? Вот, — Мехлис подал мне ещё одну папку. — Потом изучишь, а пока слушай. Помимо людей, нас интересует оборудование ликвидированных производств. А если попадётся сохранившаяся техдокументация, то совсем хорошо. Сам знаешь,

как нам сейчас тянут всё, что только можно наши, гм, родственники. Да и «друзья» с Запада не отстают. Но техника и оборудование без людей умеющих на этом работать… Да что тут говорить, люди главное! Переселенцы есть, но это капля в море! Их даже на мастеров-наставников и преподавателей для всех не хватит. Да и далеко не каждый может педагогом быть. И не каждому мы доверим такое важное дело. Так что люди, Андрей, это главное! Найдёте что-то помимо людей — честь вам и хвала! Но они, это основное! И ещё. Отдельное внимание обрати на врачей и специалистов из сельского хозяйства. Для первых разработана отдельная программа, я думаю многим она понравится, И не обращай внимания на возраст. Многие старики дадут тысячу очков форы молодым. Особенно тем «специалистам», которые сейчас выходят из стен российских вузов. Но и такие нам пригодятся. А вторые…Выяснилось, что следующий год будет неурожайным и существует реальная опасность голода. Половину нынешних грузов составляет зерно и другие продукты, а люди, владеющие современными формами сельскохозяйственного производства помогут нам быстрее справиться с последствиями неурожая и скорее привести в норму само сельское хозяйство. Особенно ценны агрономы. Вот с деревенскими вам придётся сложнее всего, но…постарайтесь и, — Мехлис замолчал, словно сомневаясь, стоит ли продожать, но всё же продолжил.

— Сейчас вовсю идёт подготовка к девятнадцатому съезду Партии. Товарищ Сталин решил, что Советский народ окончательно созрел для полноценной Советской власти. Вернее народ-то давно готов был, а вот некоторые «товарищи» — нет.

Мехлис поднялся из кресла, вышел из-за стола, и непроизвольно подражая этим Иосифу Виссарионовичу, продолжил прохаживаясь по кабинету.

— Партия должна показывать курс, воспитывать и поднимать людей, а не указывать как сверлить и сеять!

Лев Захарович говорил негромко, но с жаром и убеждённостью. Передо мной опять стоял не чиновник, а настоящий комиссар, из тех, которые первые поднимаются в атаку ведя за собой, а не деятели, умевшие только выкрикивать лозунги и гнать на смерть других. Человек не только Слова, но и Дела!

Интерлюдия 6

Москва, Кремль, рабочий кабинет И.В. Сталина, ноябрь 1945 г.

Прохаживаясь по кабинету, Сталин время от времени бросал короткие взгляды на сидящих за столом товарищей, внимательно слушавших доклад Меркулова. Хороший министр Всеволод, но… не Лаврентий. Усмехнувшись в прокуренные усы и мысленно ругнувшись на врачей, требующих бросить курить, вождь невольно покосился в сторону стола, с лежащей на нём трубкой. Заметив взгляд Сталина, но неверно его истолковав, Машеров едва заметно вздрогнул, заставив вождя снова усмехнуться, только уже грустно. И этот боится. Чего? Ведь чист как стекло, молод, смел… а всё равно дёргается. Но лучше пусть боятся, чем как там… Мысль о другом мире вызвала почти физическую боль. Перестав вслушиваться в слова продолжающего доклад Меркулова, Иосиф Виссарионович отошёл к окну отвернувшись от сидящих за столом. Другой мир…Сталин искренне, исступлённо возненавидел его. Мир, являющийся зрительным подтверждением его ошибок, недоработок, которые оказались страшным преступлением перед своей Страной и Народом, ради которых он жил и работал. Как он мог оказаться таким слепцом и не увидеть предателей и всех этих перерожденцев и приспособленцев оказавшихся рядом, совсем близко с ним? Как? Ещё тогда, в сорок первом, получив первые материалы по Стасову и убедившись в реальности предоставленных сведений, где-то очень далеко, в самой глубине души, Сталин надеялся, что всё это какая-то сверхталантливая мистификация. Понимал, что это не так, но надеялся. Потом, с появлением иномировых бандитов, надежда сменилась яростью, переросшей в звенящую, чистую ненависть. Что же эти твари сделали с его детищем, со Страной?! То, что обливали дерьмом его и тех, кто честно выполнял свой долг работая на благо Народа и Страны, его не сильно задевало. Было бы удивительно, если бы это было не так. А вот развал Советского Союза, превращение большей части населения в персонажей фельетонов и рассказов Зощенко, но с поправкой на достижения прогресса. Какой только грязи не развелось на территории бывшего СССР, как раковые клетки сжирая стремительно деградирующее общество! Нет! Позволить…Стоп!

Отбросив в сторону посторонние мысли, Сталин отвернулся от окна и быстро подошёл к своему месту.

— Всеволод Николаевич, повторите последние цифры, —

пройдя к своему месту, Иосиф Виссарионович раздражённо дёрнул плечом и принялся набивать трубку.

— Согласно последним измерениям, начался процесс временного расхождения между мирами. На сегодняшний день оно составляет три минуты, — Меркулов спокойно встретил взгляд вождя и продолжил. — Ошибка и погрешность исключена, Иосиф Виссарионович.

— Значит Сахаров прав, так? — Сталин наконец раскурил трубку, и задумчиво выпустив клуб ароматного дыма уточнил. — Ведь эти данные подтверждают его теорию?

— Про теорию говорить слишком рано, Иосиф Виссарионович, — в разговор решил вступить Рокоссовский. — Пока это больше похоже на озарение, попавшее точно в цель, но рабочая группа работает и над теорией.

— Хм. Озарение…работают…Главное, чтобы не в ущерб основной работе. А про сроки у него озарения не было?

— От полугода до года, Иосиф Виссарионович. Пока только такая «вилка» получается, — Меркулов виновато, словно это от него зависело, пожал плечами.

— Значит будем ориентироваться на худший вариант — полгода, — Сталин сел на своё место, мгновение помолчал и продолжил.

— Много ваших коллег выявили среди переселенцев, Всеволод Николаевич? На прошлом совещании вы говорили о трёхстах двадцати пяти, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, Иосиф Виссарионович. На сегодняшний день выявлено уже пятьсот сорок один человек.

— На почти триста тысяч? Что-то маловато, — окончательно освоившийся Машеров включился в разговор. — Полностью согласен с вами, Пётр Миронович, — Меркулов кивнул белорусу. — Наверняка их намного больше, а выявили на сегодня мы самых глупых. Ну ещё есть те, кто сами обратились к сотрудникам органов.

— И много таких? — Рокоссовский взглянул в свою папку. — А то у меня как-то расплывчато об этом…

— Пятьдесят три человека, Константин Константинович. Из них: двадцать один — это сотрудники ВСБ и ГРУ России; трое — КГБ Белоруссии; пятеро — представители Армении, Азербайджана и Грузии. Правда последние, они скорее к АНБ США относятся, — Меркулов усмехнулся. — Восемь человек с Украины, из них к двоим у нас особый интерес; пять — представителей МГБ Китая; три немца из БНД, по одному от Франции, Литвы и Латвии; два от Британии и один от Ватикана.

— От кого?! — казалось, что Машеров и Рокоссовский

близнецы братья — настолько одинаково ошарашенно они выглядели. У Сталина же лишь немного рука дрогнула, да глаза прищурились..

— Из Ватикана, Иосиф Виссарионович, — Меркулов словно извиняясь вновь пожал плечами. — В первый момент я тоже удивился услышав такое известие. Ну а остальные… кого там только нет! Но больше всего от наших «друзей». Американцев.

— Ну пендосы, — Рокоссовский широко улыбнулся. — Как всё таки к ним подходит это прозвище! Пиндосы понятно. А вот Ватикан…

— Я бы удивился, если бы от них никого не было, — Сталин отложил трубку в сторону. — Но с этим отдельно разбираться будем. Сейчас меня больше интересует обстановка в местах переселения и настроения людей. Всех наших людей. Что можете доложить по этому поводу, Константин Константинович?

— Это может показаться странным, Иосиф Виссарионович, но с этим нет никаких проблем, — Константин Константинович задумчиво потёр кончик носа. — Возможно это связано с тем, что люди переселялись осознанно, знали куда идут и что их ожидает. Несмотря на имеющиеся трудности с расселением, моральное состояние людей очень высоко! На первом этапе существовала определённая напряжённость, всё-таки столько лет поливания грязью нашего времени даром пройти не могло, то впоследствии, когда люди убедились в беспочвенности своих страхов… Отдельное похвалы заслуживают люди, подобранные Всеволодом Николаевичем, выше всяческих похвал чекисты сработали! К милиции тоже никаких претензий нет, только добрые слова. И идея с привлечением «родственников» переселяющихся тоже сработала. Правда в некоторых случаях потребовалась помощь медиков, но ничего непоправимого не произошло. Конечно, были незначительные конфликты, трения, но они оперативно разрешались.

— Что-то вы мне такую райскую картину рисуете, товарищи, что прямо не верится! — Сталин усмехнулся. — Ну да ладно. Посмотрю ещё сам материалы, там видно будет. А сейчас… что у вас с «Кинозалом», Всеволод Николаевич?

Меркулов снова раскрыл свою папку и достал новую стопку документов значительно превышающую предыдущую.

— Операция проходит успешно, но именно это меня и напрягает, Иосиф Виссарионович.

— Как это? С каких это пор хорошо проводимая спецоперация может вызывать такие чувства? — искренне удивлённый Сталин посмотрел на не менее его озадаченных Рокоссовского и Машерова. — Давай-ка поподробнее, Всеволод Николаевич.

— Как вы знаете, начальная фаза операции «Кинозал» завершилась полным успехом: опытная группа немецких офицеров и нацистских партийных функционеров поверила в предоставленные им материалы и прониклась теми изменениями, которые наступили в «Германии-2». Даже объект «Солнышко» пошёл с нами не просто на контакт, а на полноценное сотрудничество. После подключения к операции бывших сотрудников «штази» из «Германии-2», сотрудничество с нами стало практически повальным. Мы были вынуждены выделить дополнительные силы вплоть до привлечения армейских подразделений, чтобы вывозить документацию и ценности сдаваемые нам. На сегодняшний день, только документы полученные в результате операции, занимают объём пяти товарных железнодорожных вагонов! Нас буквально завалили информацией, ценность и достоверность которой ещё только предстоит оценить! А ведь нам передали и агентуру и агентов влияния у наших «союзников», с которыми тоже предстоит разбираться.

— И что же вас напрягает? Объёмы работы?

— Нет, Иосиф Виссарионович. Люди, с которыми мы вынуждены работать. На них ведь столько крови, товарищи! Столько, что…

— А кто-то обещал им прощение? Кто-то говорил, что они будут освобождены от ответственности за свои преступления в отношении советских граждан? Насколько я помню, — Сталин решил махнуть рукой на врачей и снова раскурил трубку. — На сколько я помню, им было озвучено, что их сотрудничество отразится не на них, а на судьбе Германии. Или я ошибаюсь и были даны какие-то гарантии неизвестные мне?

— Нет, Иосиф Виссарионович. Никаких дополнительных условий не было. Просто слишком гладко всё идёт…

— Тогда я вас не понимаю, Всеволод Николаевич. Несмотря на то, что пошли на контакт, преступники остаются преступниками и они ответят за все преступления. А вам нужно просто продолжать работать. А то, что работа продвигается слишком хорошо…технические средства используются в полном объёме? А спецпрепараты?

— Используем всё, Иосиф Виссарионович. И по отдельности, и комплексно, но…свербит внутри что-то. Что-то идёт не так, а вот что именно, понять не могу. У меня есть просьба, Иосиф Виссарионович. — дождавшись вопросительного взгляда Меркулов продолжил. — Разрешите привлечь к операции вашу аналитическую группу и людей из проекта Лаврентия Павловича.

Поднявшись из-за стола, Сталин несколько минут молча

походил по кабинету, время от времени поглядывая на сидящих за столом. Затем вернулся на своё место, ещё немного помолчал и подитожил.

— Поступим так, товарищи. Константин Константинович, как считаешь, Пётр справится один с переселенцами? — Сталин кивнул в сторону порозовевшего Машерова.

— Справится, Иосиф Виссарионович! — ни секунды не задержался с ответом Рокоссовский.

— Так тому и быть. Товарищ Машеров, с этого дня вы курируете процесс адаптации переселенцев с «Земли-2», все сопутствующие этому процессы, сам процесс переселения и поступление к нам товарных ценностей и материалов.

Вы, Константин Константинович, курируете всё связанное с операцией «Кинозал». Вам будет проще «выбить» у Лаврентия необходимых специалистов, чем Всеволоду. Аналитическую группу привлечь к проекту разрешаю.

Всеволод Николаевич. Помимо перечисленного, разрешаю привлечь к операции сотрудников военной разведки и контрразведки, всех, кто вам только потребуется. Предчувствия в таких делах — это слишком серьёзно, чтобы оставить их без внимания…

Глава 7

Погода стоит…не сказать, что слишком мерзкая, но и нормальной её назвать никак не получается. Осень сибирская обнакнавенная, как говорил когда-то маленький сынишка моего коллеги по работе. То мелкий дождь, то он же, но со снегом, то мелкий, похожий на крупу снег, то, вдруг, солнце выглянет. И всё это сопровождается несильным, но постоянным ветерком. Романтика, мля! Явно не такую погоду воспевал Александр Сергеевич, который наше всё.

Докурив сигарету бросил окурок в грязь на обочине и с досадой посмотрел вперёд. Примерно в километре от нас, на трассе «встретились два одиночества» — «японческий» грузовичёк-воровайка и японский же внедорожник. И, как часто бывает, нашлись шибко любопытные — ну как проехать мимо ДТП и не заснять последствия на телефон! — вот и добавилось ещё три машины. Один притормозил, другой не среагировал, а третий…третий слишком низко летел. Что это за машины были я не понял, в той груде искорёженного обугленного металла сам чёрт не разберётся! Никогда не понимал «гонщиков» рассуждающих о качестве автомобиля в основном по показаниям спидометра. Гоняют как ненормальные, и ладно бы сами гробились, ведь других губят! Вот и кукуем уже три часа в ожидании, когда дорогу откроют доблестные дорожные полицейские. Блин. Каждый раз корёжит, когда это новое название органов произносить приходится! Сразу перед глазами твари с белыми повязками на рукаве встают… Уже здесь, роясь в завалах «мировой паутины» поисках нужной информации, я наткнулся на интересный рисунок-шарж. На нём был изображён здоровенный громила в серой форме, с дубинкой в руках и надписью «полиция» на спине, а перед ним стоял мальчик с игрушкой в руках и спрашивал, мол, дяденька, а за что вы наших в сорок первом расстреливали? Чёрт. Куда-то меня опять не туда понесло. Всю последнюю неделю дёргаюсь, с того самого звонка Мехлиса…

— Андрей? Хорошо, что застал у себя. Надеюсь не отчего важного не оторвал? — голос Льва Захаровича в телефонной трубке казался излишне бодрым. Примерно так говорят смертельно уставшие командиры подбадривали не менее уставших бойцов. Отвечая Мехлису, что ни от какого важного дела он меня не оторвал, я с грустью косился на прикрытую дверь в зал. Похоже накрылось застолье! Только с мужиками решили отметить отправку последней партии оборудования и людей к

нам, накрыли стол и на тебе!

— Это хорошо, что не помешал, — тем временем голос Мехлиса немного изменился и стал просто уставшим.

— Придётся вам разделиться на две группы, Андрей. И… сопровождающим вашим тоже.

— Что-то случилось, товарищ генерал? — известие о разделе нашей группы мне не понравилось. Очень не понравилось! Нас двадцать человек всего. Семеро местных бойцов, семеро нас и шесть технарей, включённых в группу в последний момент. Причём двое из них больше напоминали не высококлассных технических специалистов, а рассеянных учёных, навроде Жюль Верновского Паганеля. Такие же увлечённые, много знающие и практически не приспособленные к жизни. Но что особенно меня удивило, так это тот факт, что они оба были высококлассными оружейниками.

Ещё во времена своей «первой» жизни, мне довелось почитать в сети о нравах, царивших в разных конструкторских бюро и научно-исследовательских институтах, поэтому и не могу понять, как подобные люди смогли выжить в этих змеиных ямах? Ведь и во времена Иосифа Виссарионовича «люди науки» с радостью топили ближнего за плюшки, предоставляемые государством. Но, факт остаётся фактом — именно такие люди и включены в нашу группу.

— Ничего особенного не произошло, Андрей, — Мехлис ответил спокойно, но небольшую заминку в его голосе я всё же уловил. Значит что-то всё же происходит!

— Просто изменились некоторые планы, вернее не сами планы, а процесс их выполнения. Сам знаешь, что мало какой план выдерживает столкновения с реальностью. Вот и нам пришлось кое-что изменить. Так вот…разделяетесь вы на две группы, ты старший одной, Щербань возглавит вторую. Дмитрию его задачу я поставлю отдельно, по его возвращению в Москву, твоя же следующая…До завтра состав групп утрясёте? Вот и хорошо. Значит так. Завтра своим транспортом выдвигаетесь в Сибирь…

— Куда?! — понимаю, что глупо переспрашивать и удивляться, но неожиданное заявление меня немного вышибло из колеи. Да и сама складывающаяся ситуация мне нравилась всё меньше. В основном от непонимания происходящего.

— В Сибирь, Андрей. В Сибирь. На твою почту я отправил список районов и городов представляющих для нас интерес, а так же определённые контакты в местных органах власти и у силовиков. В какой последовательности ты будешь их отрабатывать, оставляю на твоё усмотрение. В общем —

сориентируешься. Ну ладно. Не буду отвлекать тебя от стола, а с Дмитрием я в Москве пообщаюсь…

Тогда отключив телефон, я даже материться не стал на этого «провидца». Открыто дал понять, что мы «под колпаком»? Так это и так ясно было. Но и не тот человек Лев Захарович, чтобы просто так что-то делать или говорить. Не тот…

Тогда, прямо за накрытым столом, мы и разделись. Причём и не спорили особенно, даже «Паганелей» честно поделили — один со мной, другой со Щербанем. И даже переговорить с Димой наедине нормально успели, причём Щербань тоже откровенно напрягся от разделения и пересказанного разговора с Мехлисом. Единственное, чем моя группа стала превосходить его — боеприпасы. Решив, что всякое бывает, я захапал почти всё, оставив Щербаню самый минимум, и было приятно, когда в этом меня поддержали и местные парни, причём поддержали, это несколько преуменшительно я высказываюсь. Узнав о разделении и поняв, что я и Щербань задёргались, парни быстро переговорили и, как выразился капитан Шилов, победитель той самой страйкбольной тренировки, «появилась настоятельная необходимость сбегать на рынок».

Результат «похода на рынок» меня не то чтобы удивил, я скорее просто охренел! Не отказался бы я и сам по этому «рынку» прогуляться! С парой-тройкой тележек под рукой. Четыре ящика только «парабеллумовских» патронов для наших «трещоток» и пистолетов, шесть цинков СП-6 для себя и два ящика гранат РГО и РГН. Причём на мою попытку уточнить, а на…то есть зачем? Мне дружно пояснили, что — дай Бог не пригодится, а ежели что, сюрприз пусть будет. Правда я не особенно и возмущался, в памяти-то осталось чувство злости и бессилия, когда мечтаешь даже не о гранате, а хотя бы о ещё паре патронов! Да и не на себе же всё это тащить!

С того дня уже объездили Омск, Томск, Новосибирск, Кемерово и Алтай, а на полдороге между Ачинском и Красноярском подзастряли. И самое главное, что ни черта плохого так и не произошло. Даже с машинами проблем не было, не считая замены колёс. Да и эту остановку считать огромной проблемой язык не поворачивается, но на душе всё равно свербит. И чем больше времени проходит с того разговора, тем сильнее вибрирует моя пятая точка. И подумал бы про обычную паранойю, но вчера на электронке сообщение было. Ничего особенного, мы каждый день и созваниваемся, и по почте списываемся, но такое сообщение первый раз получил. Ещё когда только собирались всерьёз устраиваться в Москве, мною и Щербанем был заучен список контактов из местных, к которым мы должны обращаться

за помощью в случае каких-то серьёзных проблем. Проблем вроде как не было, а сигнал сначала посетить человека в Красноярске, а потом мотаться по краю, был. Вот и дёргаюсь я на этой долбаной дороге — мало того, что ни черта не понимаю, на душе хреново, так ещё и «контакт» какой-то странный. Азамат Шибаев. Несмотря на то, что он вроде бы бандит одевшийся в наряд бизнесмена, Мехлис утверждал, что доверять этому человеку можно и даже нужно. Даже интересно тогда стало, чего же он такого сделал, что ему так доверяет наша контора.

— Андрей! Давай в машину! — открыв заднюю дверь нашего уаза, который типа «Патриот», Лёха нетерпеливо махал рукой. — Движение открывают!

Пока я тут психовал и грузился, действительно, гайцы со спасателями уже освободили дорогу и стали махать своими полосатыми «волшебными палочками» разгоняя образовавшуюся пробку. Заскочив в машину отбрехался от хохмящего Алексея и снова задумчиво уставился на мелькающие деревья. Да-а. Красноярск всё ближе, а настроение всё ниже. Мужики, вон, косятся всё чаще на мою дергатьню. Если поначалу все серьёзно отнеслись к моим предчувствиям, боеприпасов припёрли, со стволами спали, то чем дальше, тем больше я чувствовал себя ненормальным перестраховщиком. Но ведь действительно хреново на душе! И усилилась эта маета, особенно когда к Красноярску приближаться стали. Доберёмся, встречусь с этим Азаматом, а потом у Мехлиса попрошусь к «психам» в Москву отправить. А то точно с ума сойду такими темпами. Не помогает даже то, что за окном места насквозь знакомые, до города уже совсем недолго ехать осталось. Движение, как и раньше в этих местах, приличное. И легковушек с мелкими грузовичками, и фур хватает. Не так, как за Уралом, но всё же…

— Лёш, дай попить, — повернувшись назад невольно улыбаюсь. Наш «Паганель», Александр Васильевич Сухонин, уютно устроился на широком плече капитана Садыкова, который просто навалился на дверь, и так «вкусно» посапывал, что завидки берут. Не взрослые мужики, а детишки уставшие. Взяв бутылку минералки у Шилова, который безуспешно пытался изобразить, что спать ему совсем не хочется, я поудобней уселся и сделал большой глоток. Эх, хорошо! Прохладная минералочка это просто здорово! Протянув бутылку сидящему за рулём Шаповалову, снова взглянул назад на дремлющих мужиков и всё таки достал очередную сигарету. Машина у нас «курящая», так что…

— Бля-я-а-аа!!!

От крика Андрея, визга покрышек и того, что меня резко швырнуло влево, выронил сигарету с зажигалкой и удерживаясь

схватился за автомат укреплённый между сидений. В лобовое стекло успел увидеть надвигающуюся морду «Камаза», потом мелькнул бетонный блок перед въездом на какой-то мост, а затем приближающиеся камни и вода ручья. Всё это сопровождалось матами, стуком, визгом и скрежетом металла заглушаемым рёвом мотора, а в голове была только одна мысль — опять…

* * *

— Присаживайтесь, Андрей Алексеевич. Чувствуйте себя как дома.

Шибаев гостеприимно повёл рукой указывая на кресла, стоящие неподалёку от камина. Ну что же, не будем расстраивать хозяина, будем вежливы и немного расслабимся. Внешне.

Устроившись в чертовски удобном кресле, пока хозяин что-то тихо говорил приведшему меня молодому парню с явной примесью восточной крови, я невольно поморщился вспомнив последние события. Очень уж неприятно было вспоминать произошедшее. Сама-то авария ничем страшным не закончилась, даже машина на ходу осталась, хоть и помяло уазик значительно. А вот я, вернее организм мой, слабину изрядную дал. Я и в страшном сне не мог подумать, что закачу самую настоящую истерику, словно избалованная гламурная «кисо». Мужикам даже по морде мне дать пришлось, чтобы в порядок привести. И даже после этого понадобилось ещё и хитрой аптечкой прикомандированных парней пользоваться. За-то после укола — раз! И я в норме. Только ужасно стыдно с мужиками взглядами встречаться. Да и последствия этого срыва мне ох как не понравились! Мужики вида не подавали, но время от времени проскакивало нечто, что ясно показывало — подполковника Стасова теперь воспринимают, гм, своеобразно. И ведь не расскажешь им про самый настоящий ужас от мысли, что долетишь до камней и… всё происходящее окажется бредом. А я очнусь на Дивногорской трассе у разбитой маршрутки. А что более паршиво, то ощущение приближающейся опасности так никуда и не исчезло, скорее стало более острым, почти овеществлённым, ощущающимся всем телом, каждой клеточкой организма. Но говорить об этом парням после произошедшего? Нет уж, увольте!

Тогда, переодевшись у машин, я коротко объяснил парням куда именно им предстоит ехать в городе, а сам, дождавшись окраин Красноярска, «десантировался» из машины, сообщив что сам их найду. Тащиться к Шибаеву всем кагалом изначально не

планировалось, ну а раз так сложились обстоятельства, то и с мужиками я пораньше расстанусь. Уж в родном-то городе, да в одиночку, я от любых «глаз» оторвусь!

«Козьими тропами», постоянно проверяясь, я вышел в район Бугача и неслабо удивился изменениям, произошедшим там за несколько лет. Не ожидал, что столько понастроят в этих местах. А от жилых домов в районе «радиополя» я вообще офонарел! Это же надо было додуматься построить многоэтажки рядом с действующим антенным полем! Даже я, ни разу не специалист, понимаю, насколько это вредно, а тут… М-нда. Воистину бабло правит миром!

В небольшом по размерам, но с приличным выбором мужской одежды магазине, я купил новую одежду, а зайдя за ряды капитальных гаражей, которые помнил ещё чёрт-знает с каких времён, переоделся. Удовольствие, как говорится, ниже среднего! Мало кому понравится полностью переодеваться на улице в пусть и не сильный, но всё же декабрьский морозец. За-то закончив с этим муторным делом я вышел к домам спокойным и неузнаваемым: утеплённые чёрные джинсы, туристические ботинки «со-смехом», короткий тёмно-синий пуховик и чёрное меховое кепи ничем не напоминали мой прежний облик. Пусть вещи и «майд ин чина», но мне они нужны всего на пол-часа, только добраться до другого магазина. Там я снова устроил шопинг, правда переоделся уже не на улице, а в туалете. Покатался немного по Левобережью меняя автобусы и троллейбусы, а окончательно успокоившись взял частника и рванул в «Сосны», к Шибаеву.

Может я просто параноик, но поменять одежду я решил как-только получил сообщение о необходимости встречи с этим человеком. Были в моей одежде «жучки-маячки» или нет, теперь уже не важно. Из старых вещей при мне был только пистолет с тремя запасными магазинами, деньги и банковская карта, к которой местные коллеги не имели никакого отношения. Даже сигареты и зажигалку я сменил. Так что теперь я мог быть спокоен, тем более после «кручения» по городу.

К Шибаеву я попал без особых проблем и не «светясь» у охраны на въезде в комплекс «Сосны». В наглую перемахнул забор, немного пробежался от «места преступления», а через десять минут нажимал на звонок у ворот нужной мне усадьбы.

— Устали, Андрей Алексеевич?

Голос Шибаева вырвал меня из воспоминаний. Да уж, расслабился и даже слишком.

— Есть такое дело Азамат…

— Просто Азамат, — правильно поняв паузу, Шибаев едва

заметно усмехнулся.

— Тогда я, просто Андрей, — вернув усмешку хозяину, я обратил внимание на появившиеся на рядом стоящем столике бокалы наполненные явно не кока-колой и вопросительно вскинул бровь.

— Давайте отметим ваше благополучное прибытие, Андрей, — правильно всё истолковав, Шибаев поднял свой и отсалютовал мне.

— Хорошим событиям — хороший коньяк!

Коньяк оказался действительно очень хорошим, а зажжённая сигарета привела меня уж в совсем хорошее состояние. Эх! Если бы не дела…

— Азамат. Вы сможете мне объяснить, почему прежде чем начинать работу в крае, я должен встретиться с вами? Как-то это…странно всё.

— Особенно учитывая, что я не ваш сотрудник, а местный уголовный авторитет? — Шибаев блеснул глазами с промелькнувшей где-то в глубине тоской.

— Да не морщитесь, Андрей. Ведь так оно и есть. Шибаев давно не офицер, а бандит. Пусть и не простой, — прервавшись, Азамат вновь наполнил наши бокалы, сделал небольшой глоток, мгновение помолчал и продолжил.

— Насколько я понимаю, сообщение вы получили довольно давно. Во всяком случае больше недели назад. Иначе бы вы уже были в курсе, что власти России решили пойти на контакт с США. На полный контакт.

Вот ни хрена же себе! Последние слова Шибаева подействовали на меня как ударная доза стимулятора. Мысли не просто забегали внутри черепной коробки, в какой-то момент мне показалось, что они даже волосы выдавливать стали. Уж таких-то новостей я точно не ожидал услышать! Это же полный п….! Получается, что президент всё же решил лечь под янкесов, сдав им наработки и специалистов по межмировому перемещению. И что произойдёт дальше — только Богу известно! Хорошо, что я в Красноярске. Если что — настроенные переходы есть, и если поступит сигнал…

— … мои люди обратили внимание, что в других местах, помимо стационарных камер наблюдения, повторяется та же история с наблюдательными пунктами под видом павильонов, передвижных торговых точек. А…

— Подождите Азамат, — окончательно вернувшись в реальность, я с удивлением осознал, что Шибаев мне что-то рассказывал, пока я был «в неадеквате».

— Извините, но ваше сообщение просто вышибло меня из

колеи, и я, честно говоря, совсем не воспринимал ваших слов. Давайте начнём с самого начала, хорошо?

Не знаю, что подумал Шибаев обо мне, но его удивление выразилось только в на мгновение прищуренных глазах и слегка дрогнувших губах.

— Хорошо, Андрей. Значит так. Получив сообщение о начале совместной работы России и США, мне были переданы координаты настроенных точек перехода на территории Красноярска, до этого дня я знал о двух — в районе Центрального рынка и Злобинского кладбища. За обеими точками моими людьми проводился, скажем так, периодический присмотр. Было замечено, что в районе переходов установлены стационарные видеокамеры, судя по всему, принадлежащие эфэсбэ. Сразу по получении информации, мои люди проверили как ранее известные мне зоны перехода, так и свежеполученные. И результаты мне не понравились, Андрей. На двух «старых» точках увеличилось количество камер и добавились посты наблюдения. Так в районе Центрального рынка установлен передвижной павильон по продаже горячих бутербродов. С учётом того, что в этом месте людей ходит очень мало, а совсем недалеко находится всем давно известная шашлычная, вопрос о принадлежности объекта становится риторическим. В районе же Злобинского кладбища установлена новая сторожка на базе полярного «балка», причём в непосредственной близости от места перехода и на приличном удалении от ограды кладбища. С хозяевами объекта тоже нет никакой неясности. Проверив остальные места, мои люди мои люди обратили внимание, что в других местах, помимо уже установленных стационарных камер наблюдения, повторяется та же история с наблюдательными пунктами под видом павильонов и передвижных торговых точек. А в некоторых местах установлены банкоматы, причём неработающие. Мои технические специалисты утверждают, что они выполняют роль не только видеонаблюдения. Вполне возможно там стационарно установлена какая-то аппаратура. Это только предположение, но оно очень похоже на правду.

— Та-ак. Как можно посмотреть места нахождения переходов? Только в реале?

— Конечно нет, Андрей. На карте вас устроит? — всё же Азамат язва. Только по выражению глаз можно понять, что он издевается над моей «недалёкостью». Ну-ну. Посмотрим как дальше будет проходить наше сотрудничество.

— Отлично, Азамат! Давайте глянем.

Через минуту уже знакомый мне парень принёс навороченный ноутбук с огромным экраном, на котором Шибаев

и развернул карту Красноярска с обозначенными точками перехода. К сожалению, все известные мне точки были помечены, нашёл даже три места, о которых не знал. Потом посмотрел фотографии мест, видеоролики, сделанные парнями Шибаева, и окончательно убедился в его правоте. Грустно это. Очень грустно. Теперь, в случае чего, даже не представляю, как уходить? Ведь контролируют действительно всё и при желании перкро…Стоп! А откуда местные узнали ВСЕ точки перехода?! Ведь если судить по карте, то даже я не знал о некоторых, а ведь варианты эвакуации обговаривались очень серьёзно. Тем более аварийной!

— Азамат. А мимо вас не проходила информация, откуда ФСБ знает о всех точках перехода?

После недолгого озадаченного молчания Шибаев неуверенно ответил.

— Я считал что вы сами им сообщили. Как про первые два… а раз это не так…

— Связь с Мехлисом у тебя есть? На случай непредвиденной ситуации?

Теперь было не до вежливости и выканья. Боюсь ошибиться, но всё гораздо хуже, чем я думал изначально.

— Есть. Сейчас попробуем связаться, — лицо Шибаева как-то построжело и даже помолодело. Сейчас передо мной сидел не крутой авторитет, а офицер почувствовавший, что скоро бой. Интересный дядька. Очень интересный.

Тем временем, Азамат отошёл к дальней стене кабинета с висящей на нём плазменной панелью, что-то нажал, отчего она отъехала в сторону открыв дверцу сейфа, затем проделав какие-то операции с кнопочным замком он вернулся к своему столу, а «плазма» вернулась на место. Недоумённо продолжая наблюдать за ним. Я увидел, как он наклонился к тумбе стола с обратной от меня стороны, что-то проскрипело, потом прожужжало, и Шибаев выпрямился со спутниковым телефоном в руках. Ну ни хрена он тайники делает!

Проделав с аппаратом ещё какие-то непонятные мне процедуры, Шибаев вернулся ко мне и уселся в своё кресло. Развернув к себе ноут, Азамат быстро что-то набрал, несколько рас ткнул в тачпад, ещё пару раз что-то набрал и расслабленно откинулся на спинку кресла.

— Ну всё, Андрей. Теперь остаётся только ждать. А пока… выпьем?

Только получить удовольствие от Шибаевского коньяка мы не успели. Только Азамат наполнил наши бокалы, как раздался сигнал вызова от спутниковой «трубы». Азамат быстро взял телефон и что-то выслушав произнёс:

— Да… Стасов… Сверхсрочно… — и протянул трубку мне, в которой я, с характерным эхом, услышал голос Мехлиса.

— Андрей. Коротко и быстро. Что произошло?

Интерлюдия 7

Москва, Большой Девятинский переулок, 8.посольство США в РФ, конец декабря 2013 г.

Остановив воспроизведение записи переговоров, посол захлопнул крышку ноутбука и откинулся на спинку кресла и задумчиво произнёс, смотря на Адама Таггерта, застывшего статуй в кресле под впечатлением от услышанного разговора с «русским другом», но не видя его.

— Ну и что ты об этом думаешь, Адам?

— Сэр, а насколько предложение…реально? Не слишком ли оно, гм, невероятно?

Подняв на молодого помощника взгляд, Уильям постепенно вынырнул из размышлений, о чём говорили и глаза, мгновение назад напоминавшие мутное стекло, а теперь искрились радостным азартом.

— Нет, Адам. Не слишком!

В возбуждении вскочив из кресла, Морган заметался по небольшому кабинету, азартно потирая руки и чему-то улыбаясь. Наконец он успокоился и вновь взглянул на озадаченного Таггерта.

— Адам! Ну неужели ты не понимаешь, а?! Дружище! Я тебя просто не узнаю! — подойдя к бару, он быстро открыл дверку, на мгновение помедлил разглядывая имеющиеся напитки, и вернулся к столу с бутылкой коньяка CAMUS CUVEE 3.128.

— Такие новости, Адам, нужно встречать только по-настоящему благородными напитками! — быстро налив в стаканы понемногу золотистого напитка, отчего кабинет мгновенно наполнился просто божественным ароматом элитного коньяка. Усевшись на своё место, Уильям прикрыл глаза, с наслаждением вдохнул аромат, качнув стакан у лица, сделал небольшой глоток и счастливо, словно ребёнок улыбнулся.

— Ты спрашиваешь, насколько реально предложение нашего друга? Мне кажется…нет! Я просто уверен, что оно серьёзно на сто, на тысячу процентов! Честно говоря, я больше удивлен не его предложению, а тому, насколько запоздало оно поступило и всему тому бардаку, что происходил до этой минуты! Всё это противостояние, наше поигрывание мускулами, их чистки в силовых и властных структурах, все эти военные и политические игры, так дорого нам обошедшиеся, всё это было не-пра-виль-но! Понимаешь, Адам? Всё это нелогично и неправильно! Потому и

обосрались все наши разведчики, аналитики, политики и кретины мнящие себя таковыми.

Немного помолчав и сделав ещё один крохотный глоток коньяка, Морган продолжил уже спокойным голосом.

— Нужно признать, что и мы полноправно относимся к компании обгадившихся. Но нам хотя бы хватает сил признать это и работать, стараясь изменить ситуацию в нашу пользу. Хотя она и так складывается во благо Америки, пусть глупцам и мерещится совсем другое.

— Сэр, подождите минутку, — Таггерт повёл плечами, словно атлет перед подходом к рекордному весу, и поставил на стол опустевший стакан.

— Вы не могли бы пояснить о благе, которое принесено стране последними событиями? Вы считаете благом волнения «цветных» и «чёрных»? Или то, что какие-то твари сотворили в «Большом яблоке»? Или вы считаете полезным невероятно быстро — просто катастрофически! — рухнувший авторитет США в результате авантюры с выходом в Чёрное море? Бардак в Европе и на Ближнем Востоке? Мне кажется, Асэр, что у вас слишком, гм, оригинальное представление о том, что является благом нашей страны…

— Ха-ха! — Морган искренне, открыто рассмеялся, заставив Адама недоумённо замолчать, и снова наполнил стаканы чудесным напитком.

— Нет, дружище. С ума я не сошёл. И понимание того, что идёт на пользу Америке, а значит и нам, у меня вполне нормальные, — отсалютовав помощнику стаканом, Уильям Морган-младший сделал большой глоток, секунду помолчал, вслушиваясь в свои ощущения, и продолжил.

— Хорошо. Я поясню, что именно подразумеваю, говоря, что ситуация, в итоге, и так сложилась более чем благоприятная к нам. Начну с фиаско в Чёрном море… ты говоришь о рухнувшем авторитете. В какой-то, очень не маленькой мере, это именно так. Но давай оценим последствия, — вновь поднявшись из кресла, Морган начал медленно прохаживаться по кабинету, время от времени прикладываясь к стакану с коньяком.

— Во-первых мы смогли обновить командный состав армии и флота не только количественно, но и качественно. То же касается и наших спецслужб. Надеюсь ты не будешь спорить, что это пошло только во благо Америке? Вот видишь, Адам, один огромный плюс мы уже нашли. Продолжим.

Во-вторых…Ты говоришь о беспорядках, устроенными всеми этими дармоедами, поколениями паразитирующими на стране благодаря «велферам»? А так же о «спиках» за которых взялись

всерьёз? Так это всё тоже пошло на пользу нам и государству, Джон. Сам посуди — добропорядочные американцы только поддержали новые инициативы Президента, об этом говорят не только социологические исследования, но и наше «самое честное» телевидение.

Отсмеявшись после последних слов, Арчибальд отсалютовал успокоившемуся Маккейну бокалом и продолжил.

— И, положа руку на сердце, тебе же самому не нравилось, что какие-то ниггеры размножаются и жрут наркоту на твои честно уплачиваемые налоги. При этом они не просто не пытаются работать, у них даже мысли такой не возникает! Ведь добропорядочные американцы и так делают всё, чтобы их толстые задницы становились ещё толще от гамбургеров и пива, которые они неумеренно потребляют сидя перед телевизором. Скажешь я не прав?

Дождавшись подтверждающего кивка от Таггерта, Уильям продолжил.

— А история с Нью-Йорком и смертью зарвавшейся «обезьянки» вообще один большой плюс! Не видишь его? Ха. Тогда слушай… начну с почившего первого темнокожего президента США. Ты же был в составе группы созданной по инициативе новой администрации, которая обрабатывала последние исследования социологов и аналитиков, результатом которых стало заключение, что американцы в ближайшую пару десятилетий ни в коем случае не проголосуют за «цветного» кандидата в президенты США. Ведь так? Помнишь заключение, из которого явствовало, что такому результату способствовал сам погибший президент своими крайне неудачными действиями, особенно в последнее время? Попутным результатом стало усиление так называемых расистских взглядов в обществе, вернее не столько чисто расистских, а, скажем так, американцы начали возвращаться к истокам. Вспоминать о «бремени белого человека», о том КТО основал Страну и сделал её великой. Заметил, сколько молодых, образованных парней пришли в армию, флот, разведку? Самый большой процент с времён Великой войны, Адам! Да ты и сам из этого нового потока. А обратил внимание на то, что притихли всяческие защитники «секс-меньшинств» и других извращенцев? Судя по последним новостям, даже в «голубой столице мира» они стали вести себя очень тихо! Ты только подумай, Адам! Голубые и розовые скромничают даже в Лос-Анджелесе! Насколько я знаю, ты не из тех, кто считает традиционные семейные ценности устаревшими, а значит согласисшя с моим утверждением, что их возврат принесёт только благо Америке. Пусть Европа переделывает свой

голубой флаг в радужный, мы же вернёмся к истокам нашей силы, к нормальной американской семье.

Что касается взрыва в Нью-Йорке… Да. Установлено, что заряд был наш. Откуда он взялся и как это было сделано, выяснится. По моему мнению, это сработала одна из «потеряшек». Какое-то из серьёзных государств смогло добраться до одной из наших погибших подводных лодок, и воспользовавшись сложившейся в мире политической ситуацией совершило этот варварский террористический акт. Насколько я знаю, к этой версии всё больше склоняются наши специалисты, и только вопрос времени, в установлении того факта, какая именно страна ответит перед нами за это.

— То есть вы считаете, сэр, что целью подрыва ядерного боеприпаса в Нью-Йорке, было спровоцировать конфликт между нами и русскими переведя его в «горячую» фазу? — Таггерт уже давно забывший про стакан с коньяком серьёзно смотрел на шефа, вернувшегося в своё кресло и задумчиво выстукивающего какой-то рваный ритм пальцами по подлокотнику кресла.

— Либо убедить нас в этом, Адам. Это вполне могли сделать и русские, дабы показать Сталину, что они не легли под нас и с ними можно иметь дело. И, кстати, Россия одна из немногих стран, кто в состоянии не только обнаружить погибшую подводную лодку, но и добравшись до неё поднять оттуда заряд-другой.

Но мы немного ушли в сторону, Адам. Ведь речь у нас шла о пользе этого взрыва для нашей благословенной Америки? Так вот, — немного помолчав, Морган продолжил, — как это ни странно, но последствия этого варварства для нас действительно положительны. Буквальный взрыв патриотизма, переосмысление места Америки в современном мире и того, что по-настоящему ценнно нашем обществе. Мы узнали, кто нам действительно союзник, а кто скорее замаскировавшийся враг. Контакт со Сталиным, без всех этих визгов о невинно убиенных младенцах, принесший уже столько денег, что полностью перекрыт финансовый ущерб принесённым этим взрывом. И пусть это тебе покажется парадоксальным, но наши позиции в России укрепились сильнее, чем это было, как говорят сами русские, в период правления «Царя-Бориса». Видишь ли, Адам. Сначала русских накрыла эйфория от контакта с миром «дядюшки Джо», а теперь приходит отрезвление. Он там, где-то в неведомых далях, и лишь время от времени связывается с ними. Но мы-то здесь, и никуда не исчезли! В наших банках их деньги, Адам. У нас живут, учатся, работают и развлекаются их дети. Ты дашь гарантию, что рано или поздно, но доступ Сталина в наш мир не исчезнет? Вот

и они не могут этого утверждать, а значит — приползут к нам! И этот разговор говорит о том, что они уже испугались последствий своих недавних действий, Адам. На руку нам и тот факт, что к Сталину уходят те, кто ещё бредит коммунизмом и возрождением СССР. С другими странами та же ситуация. И именно поэтому правительство США, без каких-либо возражений, позволило выезд тем сволочам, что сейчас прибывают во Владивосток. Чем меньше красных останется в нашем мире, тем лучше, ведь так, Адам? Вот-вот. И я так считаю.

Вновь поднявшись из-за стола, Морган повернулся к окну, через которое был виден только падающий сплошной стеной снег.

— И этот разговор всего лишь говорит о том, что русские поняли в какую задницу они себя загнали своими действиями и неразумной политикой своего президента… Жить, при этом хорошо жить, хотят все, Адам. А русские с деньгами в особенности.

— Значит у нас будет возможность открывать переход…туда, сэр? — Таггерт немного нервно ухватился за свой коньяк. Слишком много по-настоящему важного он услышал сегодня от Уильяма Моргана. И это говорило только об одном — с этого дня он либо взлетит вместе с шефом, либо…не будет ничего, в том числе и самого Адама.

— Возможность у нас есть и без них. Пусть неустойчивая, связанная с огромным риском для проходящего, но она есть, — отвернувшись от окна Морган посмотрел прямо в глаза Таггерта. — А русские специалисты со своим оборудованием помогут нам снизить риск и поговорить со Сталиным на равных. Ведь нехорошо, когда он может ходить к нам в гости когда захочет, а мы лишены такой возможности? Да и «родственникам» можно попробовать помочь и…Адам… Тебе не нужно объяснять смысл этого разговора? Вот и чудесно. Сходи к технарям, пусть подготовят связь с Президентом и…моим дядей…

Уже взявшись за дверную ручку, Таггерт замялся, но всё же решил задать вопрос, который он упустил в прошедшем разговоре.

— Сэр. Позвольте ещё спросить?

Морган поднял от монитора удивлённый взгляд и вопросительно вскинул бровь.

— А что будет с…

— Не будет ни его, ни его житрозадого друга, перебравшегося из Варшавы в Цюрих. И не поможет никакая информационная страховка, благодаря которой Европа и не вступила в конфликт, только на словах поддерживая нас. Он забыл старую истину, что даже королей играет свита. А уж в нынешней-то России… Ты

удовлетворил своё любопытство? А теперь поторопись Адам. Мне срочно нужна связь!

Глава 8

— Андреич, не в курсе, почему переезжаем? — старший лаборант Васнецов клещом вцепился в рукав куртки Михаила Зайцева, главного «специалиста» по слухам, сплетням и достоверной информации гуляющей в небольшом коллективе лаборатории, а по совместительству являющимся мастером на все руки, благодаря которому работали компьютеры, светили лампы и плевались кипятком кофеварки. Грустно взглянув на маленького, но цепкого и настырного Диму Васнецова, Михаил, а по-простому «Умка», понял, что отвязаться от Васнецова, не причинив тому серьёзных телесных повреждений, вряд ли получится.

— А шеф чё, не говорил разве? — «Умка» наивно посчитал обойтись малой кровью, но тут же понял, что ничего не выйдет и попытался надавить на сознательность мелкого, но подающего большие надежды, физика.

— Дим. Имей совесть! Мне ещё вашу тряхомудию отключать и упаковывать! Ну нету времени! Ва-аще нету!

— Ты мне на совесть не дави, я сам кому хочешь надавлю! И приборы мы поможем тебе упаковать! А шеф говорит, что и сам ничего не знает. Приказали свёртываться и переезжать на новое, более подходящее место — и всё! Давай! Колись, зараза! Что слыхал? Ведь не поверю, что ты и совсем не в курсе! Ну Миха!

Маленький, худенький Васнецов крутился вокруг здоровенного Зайцева, словно Тимон вокруг Короля-льва из одноимённого мультфильма, при этом не отпуская рукав куртки и не давая её хозяину ни малейшего шанса сбежать от «следователя».

— Ну правда не знаю, Дим! От парней с охраны слышал, что куда-то полетим вроде…а может и нет, — Михаил пожал широкими, покатыми плечами. — Никто ничего толком не знает. Ещё и куратор сменился.

— Когда? — округлив и так большие глаза Васнецов так удивился, что выпустил из пальцев рукав Зайцева. — Ведь вчера с ним разговаривали. Он сегодня собирался какие-то данные привезти.

— Вчера общались, а сегодня куратор другой. И данные, — «Умка» усмехнулся. — Теперь со-овсем другие! Был куратор полкан, теперь недополкан.

— Ладно Димыч, я понёсся! Правда дел полно, — обнаружив, что его уже не держат, Зайцев решил воспользоваться ситуацией и быстро двинулся дальше по коридору, оставив озадаченного

Васильева в одиночестве. Михаил, конечно, мог давно освободиться от Васильева, но, как многие другие большие и по-настоящему сильные люди, он был добродушным человеком и просто боялся причинить вред прилипчивому физику, сейчас что-то недовольно бормочущему себе под нос.

Выйдя на лестничную площадку, Зайцев быстро спустился на два пролёта в низ и проведя пластиковым пропуском по электронному замку, со стоическим терпением дождавшись открытия двери, оказался на заснеженном крыльце трёхэтажного здания, в котором и была расположена их лаборатория. Не обращая внимания на порывы ледяного ветра, Михаил быстро направился к кубу КПП у ворот. Но не успел пройти п половину пути, как сзади раздался громкий окрик:

— Зайцев! Вы срочно нужны! Подойдите сюда, пожалуйста!

Мысленно матерясь, Умка недовольно побрёл к левому крылу здания, в сторону входа в цокольную часть. С одной стороны куратор-эфэсбэшник не был его начальником, и можно было не обращать внимания на его просьбу, но с другой…проблем мог создать больше, чем непосредственный руководитель. Да и ссориться в первый же день с представителем спецслужб…это, по меньшей мере, не умно.

Спустившись за чекистом по небольшой лесенке в подвал, Михаил шагнул следом за ним в открытую дверь и тут в его голове что=то взорвалось и он провалился во тьму…

Сажин, раздражённо хлопнул дверью своего «немецкого уазика» (так в шутку и с немалой долей мечтательной зависти многие называют внедорожник Mercedes G класса, чаще называемый просто Гелендваген), откинулся на кожаную спинку и прикрыл глаза. Что ни день, то новый сюрприз! То бегом-бегом, обеспечивай всевозможными благами умников из лаборатории, работающих по переходу в другой мир…на этой мысли Сажин невольно успокоился и усмехнулся. Другой мир…Как это двусмысленно звучит, особенно в нашей конторе. Насколько проще было каких-то пять лет назад, когда молодой майор ФСБ Валерий Сажин азартно носился по Кавказским горам, вылавливая со спецназовцами «гостей» из очень дальнего зарубежья. Пару раз даже царапнули, не сильно к счастью, но своей кровушкой горы всё же окропил. Потом заметили, отметили, и теперь уже полковник Сажин в обойме доверенных…был, до сегодняшнего дня. И, главное, не понятно, почему выпал-то? Работу выполнял отлично, с учёными поладил, даже Сам пару раз лично за работу благодарил и на тебе, Валера, подарок — в отпуск пожалуйте, господин полковник! Три года не пускали, а тут сами гонят, не спрашивая желания. А потом, мол, и новое

направление получите. Как бы оно отставкой не назвалось, это направление. Без рабыты, естественно, не останешься, да и в деньгах только выиграешь, вот только… Поймут только те, кто погоны носил. Одно дело, когда ты являешься пусть и винтиком, но огромной государственной машины, чувствуешь за своей спиной всю силу страны, являешься её представителем и тут — бац! — ты уже сам по себе. Может и не бедный, может быть в очень серьёзной компании занимаешь немаленький пост, но…не то, господа, не то.

А! Да пошло оно всё! Мысленно ругнувшись, Сажин закинул в рот сигарету, прикурил от старой, ещё отцовской бензиновой зажигалки, завёл своего «старичка» и быстро влился в поток машин. Как будет — так и будет. А я на дачу поеду, оттуда и жене звякну. Приеду, растоплю баньку и расслаблюсь в кои то веки.

А через три часа прибывший на место ДТП экипаж ГИБДД морщился от жуткой смеси запахов горелой резины, бензина и горелого человеческого мяса. Очередной идиот на крутом внедорожнике не справился с управлением на зимней дороге и столкнулся с небольшим бензовозом. Себя погубил и работягу угробил…

* * *

Интересные дела закручиваются, очень интересные! Разговор с Мехлисом меня не то чтобы удивил, но подумать о происходящем заставил. Моя информация его совсем не удивила, скорее он был удовлетворён, словно нечто подобного он и ожидал. А дальнейшее распоряжение сделало мне понятной складывающуюся ситуацию. В первый момент, да и когда рассказывал Льву Захаровичу о последних событиях, я был уверен, что с нашей стороны кто-то передаёт всю информацию о наших переходах в этот мир. Но задание, переданное командиром, заставило взглянуть на всё по-другому. И почему я сразу подумал о предательстве, а не о самом простом варианте? Пусть у правительства РФ не получалось открыть переходы достаточной продолжительности, но кто сказал, что они не могут научиться засекать их открытие и локализовать местонахождение? Ведь о чём-то подобном я как-то и у нас слышал. Пусть мельком, практически намёком, но что-то такое было. Вот и мёрзну теперь, с парнем Шибаева, на крыше хрущёвки, сбивая ледяные надолбы. А что делать, если это одна из немногих безопасных точек, с которого хорошо видно место предстоящего открытия нового перехода? А в более подходящих

местах скоро могут появиться мои коллеги из ФСБ. Ну а мы на свежем воздухе, на безопасном расстоянии от возможных неприятностей посидим. Да и пользу людям приносим, глядишь, никому «снег башка не попадёт» и жильцы дома так и останутся «совсем живыми». О, время!

Много раз уже видел момент открытия портала, а не надоедает смотреть! Конечно, не так эффектно, как в голливудских фильмах это происходит, но мороз по коже идёт каждый раз, как вижу зарождающийся проход. А вот так, из далека, картина немного жутковатой выглядит. Почему-то мысли на преисподнюю скатываются. О! Развернулся и…

— Андрей Алексеевич! Смотрите!

Голос «напарника» заставил обратить внимание сначала на него, а потом и в сторону соседней улицы. А вот это точно коллеги! Именно про этот внешне неприметный старенький автобус — ПАЗик, нам с Шибаевым, и рассказывали его люди. А следом и пара микроавтобусов фольксваген прикатили. Блин. Хоть бы совесть имели! Из одной широкой двери и милиционер и бомж выскакивают и на разные углы дома несутся, а следом молодые родители с санками и куклой в виде ребёнка. Затейники, млин…

Интересная ситуация складывается. Из того, что я только что увидел, можно сделать следующие выводы — спецслужбы России не только имеют оборудование позволяющее оперативно обнаруживать образование межмирового перехода, причём очень точно, но и организовали группы быстрого реагирования, для контроля этих точек. Скорее всего сформированы они в тех городах, где мы «засветили» свои точки перехода. Правда нельзя исключать, что подобные группы существуют и в стратегических местах, несмотря на то, что мы там не появлялись. Во-всяком случае я бы именно так и сделал. Не думаю, что они поступили по-другому. Ну да ладно. Сам я могу хоть зарассуждаться на эту тему, но делать окончательные выводы и принимать решение будет руководство. А мне остаётся «прокукарекать» Мехлису, получить инструкции и работать.

— Ну всё, Саня, заканчиваем работу, — отвернувшись от шустрящих коллег из демократической России, я повернулся к парню Шибаева.

— Сворачиваемся и до дому, до хаты. Больше ничего интересного мы не увидим.

Через пятнадцать минут мы с ещё двумя парнями Шибаева тоже обвешанными бухтами верёвок, забирались в старый фургон-газель, изображающий аварийку коммунальщиков. Избавившись от немалого груза, я расслаблено откинулся на

спинку грязноватого сиденья.

— Поехали парни?

Что-то одобрительно пробурчав, здоровенный чернявый парень, просто поразительно похожий на актёра Талгата Нигматуллина, в своё время поразившего меня ролью «малыша» в «Пиратах 20-го века». Только этот «близнец» был значительно крупнее оригинала и производил впечатление чем-то вечно недовольного человека. Хотя откуда мне знать, каким в жизни был хороший актёр так трагически и нелепо погибший? Пока «Талгат» продолжая бурчать, но уже недовольно, выруливал из заснеженного двора на узкий междомовой проезд, второй парень, который изначально был с водителем, устроился поблизости от меня, и словно сомневаясь, стоит ли говорить, негромко произнёс.

— А знаете, один из тех, кто приехал на синем «микрике», ну в смысле на фольксвагене, мне показался знакомым. И он точно не из ФСБ или ментов.

Увидев, что я понял его слова и ожидаю продолжения, парень неожиданно смутился и заговорил быстро, торопливо, словно я собирался его прервать.

— Я, конечно, могу ошибаться, Андрей Алексеевич…Вернее я уверен, что не ошибаюсь. Этот мужик вообще не из России!

— С чего ты взял, Тима? Пересекался?

Саня, усевшийся на переднее сиденье и обратившийся в слух при первых словах парнишки, полностью повернулся к нам. Было бы странно, если бы не смотря на свою молодость, доверенный человек Шибаева не заинтересовался услышанным.

— Не то чтобы пересекался, просто… месяц назад я в Емельяново, ну, в аэропорту, человека встречал, вот этого типа и видел там. Он тем же рейсом из Москвы прилетел, с ним явно «конторские» тёрлись, но сам он — я рупь за сто даю! — не из них.

— В смысле не из них? — в отличии от меня, крайне скептично относящегося к рассказу Тимы, Александр отнёсся очень серьёзно к словам парня. Было видно, что в утверждение молодого он поверил сразу и сейчас просто уточнял информацию.

— Держится он по-другому, улыбается, разговаривает. Иностранец он. Ну точно говорю.

— И ты так сразу его запомнил? Наверняка ведь мельком видел? — Саша почему-то стал откровенно злиться. — Насколько я помню, ты тогда «таксистом» был. Должен был встретить и довезти до места. Или ты что-то тогда не упомянул? А? Зелень голопузая?

С каждым словом Александра, парнишка становился всё

бледнее и даже меньше размерами. Казалось ещё пара слов, и Тима совсем исчезнет.

— Ладно, — Александр резко выдохнул и отвернулся от вжавшегося в сиденье страдальца. — Потом договорим. И про то, о чём ты не соизволил рассказать месяц назад. Вы с нами до дома, андрей Алексеевич? Или…

— Или Саша. Меня на «океане» высадите, ага?

Через десять минут, распрощавшись с парнями, я дворами направился в сторону улицы Мичурина. Хорошо, конечно, на колёсах, но и рискованно одновременно. Навряд ли местные полицаи не знают людей «уважаемого человека», поэтому каждый раз катаясь с ними, иду на определённый риск. Не хотелось бы оказаться вместе с местными жуликами, когда ими захотят очень внутренние органы заняться. А вероятность такая есть всегда. Поэтому ножками перебираем, товарищ полковник, по сторонам поглядываем и направляемся к общественному транспорту, благо маршрутки сейчас едва наполовину заполнены. Можно спокойно посидеть, подумать, да людей посмотреть…

Выскочив из «приземлившейся» маршрутки на Красномосковской зябко передёрнулся. Ещё в старой жизни удивлялся: Красноярск не особенно и большой город, но как же отличается погода в разных районах, словно в другой край или область переехал. Вернись на пять остановок, в центр, там наверняка теплее чем здесь, в районе проспекта Свободного, не надолго ставшего известного всей России. И не только ей. До сих пор многие Красноярцы подозрительно косятся на стены у путепровода — вдруг опять рухнет, да на нас? Тогда, летом, два здоровых мужика в машине погибли, а в следующий раз кто? Стеночки такие, за которыми «следят» городские власти, в городе ещё немало. Как и чиновников, которые, в случае чего, по-собственному желанию уйдут. Представив себе действия моих коллег и последствия для чиновников в Союзе, при Иосифе Виссарионовиче, я невольно вновь испытал озноб. Не позавидуешь ребятам, ой не позавидуешь! Конечно, и там не ангелы, и скрывать грешки умеют, и очки втирать НО…когда дойдёт куда положено, а в нынешнем СССР обязательно дойдёт! — лучше самому очковтирателю застрелиться. Это менее болезненно выйдет, чем обычным порядком разбирательство. Вспомнив свой новенький партбилет оставшийся там, за порталом, я хмыкнул: как-то подозрительно скоренько меня в партию приняли, даже положенный кандидатский срок не отгулял. Полное впечатление, что членом партии сделали только ради того, чтобы ещё сильнее мозги трахать — теперь любой мой проступок, а тем более преступление! — совсем другая статья!

Дискредитацию заработать ни один нормальный человек не захочет. Партбилет сейчас не индульгенция, а отягчающий вину фактор. И это правильно!

Поскользнувшись и еле удержавшись на ногах, высказал окружающему миру всё, что думаю о коммунальщиках, вынырнул из неожиданно пафосных рассуждений. Ладно, хорош лирики, лучше о работе думать. Очень неприятно, что российские спецы научились пеленговать и шустро реагировать на места перехода. Но ещё неприятней, если местный парнишка окажется прав, и с местными работает человек из-за рубежа. Дай-то Бог, чтобы он искренне заблуждался, но пятая точка подсказывает, что прав парень. Прав. А в таком случае можно говорить о том, что местные продались. Но более вероятно, и от этого только хуже на душе, что продались на самом верху. Эх, Владимир Владимирович! Что ж ты, сука многоликая, делаешь? Кто же тебя поддержит, если мои предположения окажутся верными и мы сделаем утечку данных? Остановившись у старого двухэтажного деревянного дома подготовленного к сносу, достал из карману пачку и опять ругнулся — сигареты кончились. И даже не заметил как, а ведь пачку утром распечатал. Да-а. Надо бросать курить! И с этой здравой мыслью зашёл в магазинчик — курить бросать надо, но потом. Выйдя на морозный воздух из тёплого нутра магазина и снова передёрнувшись от покрепчавшего мороза, прикурил «мальборину» и аккуратно направился к парням. Да и попробовал бы неаккуратно идти местными дворами — снега навалило немало, а с учётом «добросовестной» работы коммунальщиков и частыми оттепелями, большинство дворовых проездов и пешеходных дорожек превратились в натуральный ледяной каток для экстремалов. Для экстремалов почему? Так лёд то неровный! Сплошные бугры, ямы и натуральные надолбы, отчего падение становится ещё более опасным. И вероятным. Пройдя пару дворов и перейдя ещё одну улицу с редким движением, услышал неразборчивый шум. Надо же! Живая часть! Совсем неподалёку находилась местная достопримечательность — какое-то подразделение железнодорожных войск. А достопримечательность…что стройбаты, что такие войска, вечно становятся поставщиками смешных историй. Ими даже гордятся, несмотря на все неудобства от соседства с ними. Проблем создают море, но и поводов посмеяться и обсудить военный долбо…зм дают немало. Да и одинокие женщины заполучающие в постель молодых ребят за «выпить и закусить», к таким частям относятся более чем положительно. Одно время даже дежурства у КПП устраивали. Только вот милиционеры местные всегда только матами о таких подразделениях говорят — тянут солдатики всё,

что только можно и нельзя. А попадаются сверх редко. Помнится сам, во время прохождения срочной службы в рядах легендарной и непобедимой, незадолго до распада Союза, удостоился чести несколько раз скататься за молодыми. Офицер, прапорщик и мы, три почти дембеля. Как же нам парни тогда завидовали! Ведь такая поездка для солдата это…даже не знаю с чем сравнить! И выпивка, и домашняя еда, и… «гражданку» подобрать, чего уж тут скрывать? Главное не зарываться и в глазах офицера и прапора «берега не потерять» — и всё будет хорошо!

Так вот во время такой командировки, в Кирове, стал свидетелем незабываемой картины. По улице шла рота стройбата. Причём славянских лиц видно не было совсем, то-есть абсолютно. Идут в своих костюмах ВСО, бушлатах, печатают шаг, и поют с жутчайшим акцентом, но, при этом разборчиво. И всё бы ничего, если бы не песня выбранная ими строевой:

— Белия роза! Белия роза!

Беззащитна щипа!

Впечатление эта картина производила просто феерическое! У нас в полку ещё долго после нашего возвращение и офицеры и солдаты начинали ржать услышав этот «шедевр» «Майского лая». Постарались мы тогда рассказывая о этой воистину незабываемой встрече!

С невольно вылезшей на лицо улыбкой поворачиваю за угол дома и…останавливаюсь как вкопанный: раздаётся немного приглушенный звук нескольких взрывов и, прямо на моих глазах, мужики в чёрных прыжковых костюмах, вооружённые до зубов и обвешанный разными приблудами, одновременно влетают в три окна на втором этаже панельной пятиэтажки, причём тянущиеся за ними верёвки им явно ничуть не мешают. А в трёх метрах передо мной стоят простые пэпээсники в оцеплении, что-то бухтя возмущающимся тёткам о опасных преступниках. И всё бы ничего, но именно в этой, захваченной спецназом квартире, меня ждут…ждали мои парни…

Интерлюдия 8

РФ, Москва, один из складских комплексов в районе Ленинградского шоссе.

— Ах ты п….! Да иди ты на….!

— Сам пошёл…! Я тебя…

Захлопнув окно, отрезая сыпавшиеся на улице маты, худощавый невысокий мужчина в застиранном, некогда синем, полукомбинезоне раздражённо покосился в конец небольшой бытовки, играющей роль офиса.

— Геша, а получше места найти не судьба? Чё тебя постоянно в какие-то гадюшники тянет?

Скопившееся, за предыдущие часы ожидания раздражение, наконец вырвалось наружу.

— Уж лучше в лесу сидеть морозя жопу, чем уродов разных слушать! Ну вот какого…

— Заткнись!

Хрипловатый бас Геши резко контрастировал с его обликом. Каждый, кто услышал бы этот голос, представил бы здоровенного угрюмого мужика, а на деле…ну не подходил этот голос оторвавшемуся от монитора компьютера болезненно худому седому мужчине! Встав из-за стола, отчего его худоба стала выглядеть ещё более неестественно, он подошёл к виновато замолкшему напарнику.

— Тебе не кажется, Потап, что ты слишком много разговаривать начал? Охрюкался? Полноценным себя почувствовал? Так это легко исправить, ка-пи-тан. Ты только скажи и опять на своей «красной» зоне окажешься! Сколько тебе осталось? Пять лет?

— Да я…да…Ты меня не так понял! Я ж никогда…да ты же знаешь!

— Знаю, знаю, — Геша с усмешкой посмотрел на побледневшего Потапа. — И вижу всё. И ненависть твою вижу, бывший капитан. Только меня ты зря ненавидишь. Себя ненавидеть нужно. Тебя никто не заставлял с «дагами» мутить, а потом их же резать. И пацанов своих в спины стрелять тебя никто не заставлял. Что вздрагиваешь? Или думал, что об этом никто не знает? Кому нужно знает! И я знаю. И про дочь твою знают кому положено. Да не серей ты так! Ты ж боевой офицер всё-таки! Сколько у тебя командировок было? Ведь больше десятка? Ты же даже ордена ухитрялся честно получать, а сейчас сидишь,

бледнеешь. Не дёргайся — и всё будет нормально. Вот это другое дело!

Только что бледный, казалось трясущийся от страха Потап сел прямо, ничем не напоминая себя минутной давности. Даже старый полукомбез стал выглядеть на нём солидно, словно форма неизвестного подразделения.

— И зачем ты мне сейчас про дочь сказал? — Потап смотрел на вернувшегося к компьютера Гешу прямым, но даже без намёка на вызов, взглядом. — Я тебя уже год знаю, просто так ты ничего не говоришь. Так зачем?

— А затем, дорогой мой, чтобы ты глупости все из головы выкинул. Да, да, капитан! Ты меня правильно понял! Соскочить я тебе не дам! У нас с тобой сейчас одна судьба — или грудь в крестах…

— Какая грудь? Какие кресты, Геша? — Потап неожиданно весело усмехнулся.

— Думаешь я не понимаю, что нам п….ц! Это те идиоты могут считать, что постреляют, получат деньги и в разбег. Мне-то не нужно порожняк гнать! Не знаю, кого мы мочить будем, но явно не слесаря-Петю и даже не главу управы. Здесь и останемся. Или я не прав?

— Не прав. Вернее…не во всём прав, капитан, — Геша улыбнулся, отчего его худое лицо ещё больше стало походить на череп. Теперь оскалившийся.

— Они не уйдут. Не должны уйти. А нам, с тобой, нужно постараться живыми выползти. Или ты считаешь, что я тоже жить не хочу? Хочу, Потап. Не меньше твоего хочу. И именно поэтому, всё должно пройти идеально, а парни должны остаться здесь. А кого мы подрядились приземлить…какая разница?

— Всё нормально на местах? — неожиданно сменив тему резко продолжил Геша.

— Да. Всё в норме. Расчёты на позициях, прикрытие готово к неприятностям. Только из-за формы всё ещё бухтят. Некоторым западло, видите ли.

— Ладно. Не долго им понятиями трясти, — Геша коротко хохотнул. — А теперь давай о главном. Цель ожидается примерно через полтора часа. Но сам понимаешь, это всё примерно. Поэтому на местах все будем уже через полчаса. Мало ли? А то полетять птицы-лебеди раньше, и не останется у нас шансов живыми остаться…

— Держи пульт, — он выложил на стол зелёную коробку откровенно армейского вида. — Клавиши с первую по четвёртую — зэсэушки. По окончании их работы сразу ликвидируешь. Насчёт контроля напоминать не нужно? Ну и лады. На мне —

иглы и прикрытие. И прошу тебя без глупостей, хорошо? Помни о дочери, капитан, и всё будет тип-топ…

Глава 9

Сжав зубы, стою и смотрю на происходящее, словно столбняк напал. Слышно несколько очередей и одиночных выстрелов а затем…раздался какой-то приглушенный, несерьёзный взрыыв и на месте окон возникло огромное, бело-серо-чёрное облако дыма и пыли. Взрыв вроде не сильный и не громкий, а все звуки словно через наушники противошумные стали доносится. Так же глухо и мягко. И полицейские из оцепления, и только что такие звонкоголосые тётки, стоят молча и глядят на расходящееся страшное облако. А затем будто что-то щёлкнуло в мозгах людей и тишина пропала: истошный женский визг и крик смешался с отдалёнными матами и отдаваемыми командами, всё это перекрывалось пронзительным воем сирен скорой помощи и пожарных автомобилей. И всю эту какофонию звуков перекрывал чей-то жуткий, тянущийся на одной неестественно высокой ноте вой, который всё тянулся и тянулся, сжимая душу в комок холода.

Опомнившись, я развернулся и быстро пошёл назад, изо-всех сил сдерживаясь, чтобы не перейти на бег. А перед глазами стояли почти разошедшееся облако взрыва, открывшее огромный пролом на месте двух стеновых панелей; чёрный провал обнажившейся квартиры, откуда лениво сочился набиравший силу жирный чёрный дым; болтающиеся, словно какие-то жутковатые змеи или лианы верёвки, на одной из которых висел красно-чёрный ком, бывший когда-то спецназовцев, издававший тот самый вой.

Окончательно придя в себя, я сменил направление и через несколько минут вышел к перекрёстку, у бывшего завода телевизоров. Мда. Подсознательно выбрал самое подходящее направление. Пусть в этих краях и много камер наблюдения, но и людей очень, очень много. А чем больше вокруг народа, тем лучше для меня сейчас. Вся территория бывшего Красноярского завода телевизоров, ныне превращена в целый комплекс торговых комплексов, центров, торговых фирм и небольших производственных компаний. В самом большом из них когда-то мы с Судоплатовым впервые вышли на контакт с российскими властями, будь они неладны. А сейчас мне нужно посидеть-подумать о сложившейся ситуации в каком-нибудь из многочисленных кафешек, но прежде…я достал из внутреннего кармана куртки оба сотовых, быстро достал из аппаратов аккумуляторы с сим-картами, и незаметно раскидал их по мусорным бакам. Благо урн и больших баков было вокруг предостаточно. В квартире сейчас наверняка идёт тщательнейший

обыск и не думаю, что взрыв уничтожил там всё. А на возможный пожар тем-более рассчитывать нечего, уж его-то постараются сразу ликвидировать. А значит и мои номера к местным спецам быстро попадут, если уже не попали. Придётся без связи пока побыть. И к Шибаеву ни ногой. Ну что за скотская ситуация, а?!

— Здравствуйте! Что будете заказывать? — хорошенькая девушка в белой, облегающей блузке заставляющей невольно коситься на грудь с бейджиком «Ирина», приветливо улыбалась из-за высокой стойки небольшой кофейни. Вот есть же люди, которые улыбаясь на работе, поневоле заставляют улыбнуться в ответ.

— Здравствуйте, Ирина, — улыбка девушки стала ещё более приветливой. Млин! Представляю у скольких мужиков срывает крышу от этой красотки! Чертовка! Плечами так повела, что забываешь не только о том, зачем к ней подошёл, но и вообще обо всём! И такой талант работает баристо в мелкой кафешке?!

— Мне, пожалуйста, «американо» и парочку бутербродов с сыром, — сумев собраться я всё же сделал заказ, получив ещё одну улыбку, и отошёл к столику стоявшему немного наособицу всего с двумя стульями, а не с четырьмя как остальные. Неплохое место, чтобы посидеть, подумать. Эта кафейня словно специально создана для того, чтобы покупатель уставший от суеты торгового центра мог относительно спокойно прийти в себя, немного передохнуть и с новыми силами окунуться в процесс покупок.

Поблагодарив Ирину и получив в ответ очередную улыбку, проводил взглядом гибкую фигурку вновь скрывшуюся за стойкой, сделал глоток кофе средней паршивости и задумался. В очередной раз подтверждается теория, что перед каждым русским человеком, рано или поздно, но встают одни и теже вопросы — что делать и кто виноват? Если со вторым вопросом всё более или менее ясно, то с первым всё намного сложнее. С одной стороны всё кристально ясно — выходить на связь с Мехлисом. Очевидно? И не только мне это покажется наиболее правильным. Но и не выйти на связь я просто не имею права. Всёже как правы те, кто утверждает — самое ненавистное слово в мире — долг. Я просто должен, и всё. А вот как именно я это сделаю, над этим и стоит подумать. Сначала избавлюсь от засвеченных банковских карт. Как-то не хочется подавать сигнал местным о своём местонахождении и покупках, которые совершаю. Благо ещё две карты имеются, по которым ни одна покупка мною не совершалась. Денег на них вполне достаточно, чтобы обеспечивать себя всем необходимым не один месяц. Не миллионы конечно, но по сотне тысяч рублей на каждой есть. В очередной раз стоит переодеться, ведь велика вероятность того,

что там, у оцепления, я вполне мог попасть в объектив видеокамер. Затем нужно достать телефон, выйти на связь, а там будет видно. По оружию у меня неплохо: в наличии имеется один FNP-9 (одна из последних разработок бельгийской компании FN Herstal. Выпускается с 2003 года в Бельгии и США калибром 9x19mm Luger/Parabellum в 16 зарядном варианте, и в калибре 40S&W в 10 зарядном варианте. Гражданская версия называется Browning PRO-9.) и «смертная» эргэошка (РГО — ручная граната оборонительная. Пришла на смену знаменитой «лимонке» Ф1). Итого шестьдесят четыре патрона и одна граната. Достаточно, чтобы отбится в случае чего…или с собой покончить. Парни смогли… Вспомнил о погибших парнях и аж затрясло от ненависти. Союзники, млядь! Потомки, ёпт! Ну если в этом реально президент виноват… Не думаю, что это произошло только с моей группой, и тем более не считаю, что Иосиф Виссарионович простит такие действия местных властей. Ну а простит… проявим инициативу! Если хоть малейший шанс будет, — я не я буду! — отмщу за парней! Пусть и под суд потом пойду, или сразу сдохну, но прощать не хочу и не буду! Мужики фрицевских диверсантов давили, а теперь от рук «благодарных потомков» погибли. И местных парней, которые с нами были тоже жалко. Многое рассказывали про Чечню… За все эти смерти кто-то должен ответить, как и за офицеров группы захвата выполнявших приказ. Наверняка ведь считали, что каких-то террористов берут.

— С вами всё хорошо? — искренне взволнованный голос и немного испуганное лицо Ирины вернуло меня в реальность. Оказывается, я сидел вцепившись побелевшими от напряжения пальцами в край стола, забыв про кофе, бутерброды и окружающем мире.

— Просто вы так побледнели, задрожали и за стол схватились… — девушка видимо поняла, что я пришёл в себя и неуверенно улыбнувшись отошла на шаг.

— Спасибо, Ира. Всё нормально. У меня бывает иногда, — я попытался улыбнуться, но вышла какая-то кривая гримаса. — Спасибо вам, я пойду.

Уже отходя от стола, я услышал тихие слова заставившие меня остановится и обернуться к этой на редкость симпатичной девушке:

— Войну вспомнили? У меня брат так же иногда… — на красивом лице девушки было искреннее сочувствие и понимание. Эх! Встретится бы с ней при других обстоятельствах… а сейчас остаётся только молча кивнуть, поблагодарить ещё раз и вперёд, за покупками.

С одеждой разобрался быстро, благо банкоматы были поблизости, а не найти подходящую одежду в торговом комплексе это вообще из области фантастики. А вот со связью было сложнее. Сам аппарат купить проблем нет, а вот сим карту без документов… Пришлось ловить «бомбилу» и ехать на радиорынок за Цирком на правобережье Красноярска. Как ни странно, пробок не было и до места я добрался за каких-то двадцать минут. Удивившись аппетитам таксистов расплатился с водителем и направился к воротам ведущим на территорию рынка. Как всегда поблизости крутились кучки скупщиков, продавцов и каких-то мутных типов, скупающих и продающих всё, что только может прийти в голову. Главное, чтобы это пришедшее было связано с электроникой…или драгметаллами. Через полчаса, расставшись с относительно небольшой суммой и став обладателем двух неновых аппаратов с левыми сим картами, — зачем так говорить? Чистые аппараты и номера, мамой клянусь! — я быстро шёл по Кольцевой в сторону Матросова. Присев на скамейку неподалёку от снежной горки, с которой с визгом и смехом скатывалась толпа малышни под приглядом мамок-бабушек, я сделал короткий резкий выдох, набираясь сил, и набрал номер аварийной связи. Пять гудков, сброс, жду ровно пять минут, снова набираю номер и, практически сразу, слышу короткую — буквально два слова! — фразу и опять гудки отбоя. Уже привычно разбираю аппарат, и по дороге к Матросова избавляюсь от уже ненужного хлама. Сажусь к первому попавшемуся таксисту на автобусной остановке, еду в центр, расплачиваюсь с водителем и через час закрываю дверь снятой на сутки квартиры за напористой, некрасивой агентессой. Всё делаю на полном автопилоте, а в виски молотом долбит одна мысль — дед переехал, дед переехал, дед переехал… Когда Лев Захарович перечислял кодовые фразы, над этой я невольно усмехался и не верил, что доведётся её услышать. А теперь и не повинишься перед Мехлисом, не признаешь свою вину. Ничего уже не сделаешь. Потому что нет больше Льва Захаровича Мехлиса. И представительства СССР нет…Наверняка есть разведгруппы, агенты, одиночки навроде меня, а официальных представителей товарища Сталина в этом мире больше нет. Погибли. Навалилось какое-то отупение, в голове пустота и никаких чувств не осталось, кроме недоумения.

Не знаю, сколько я так просидел, но когда окончательно пришёл в себя, за окном уже было темно, а часы на экране старенькой нокии показывали полшестого вечера. Воспользовавшись туалетом и ванной, оделся и направился к ближайшему магазину электроники, благо в центре Красноярска

их как собак нерезаных. В ближайшем к дому за одиннадцать тысяч купил небольшой делловский ноут с сумкой, заскочил в продуктовый магазин и скоренько вернулся в съёмную квартиру, на вай-фай которой у меня были определённые планы.

Придя домой, первым делом поставил кипятится воду для купленных пельменей и чайник, затем в комнате включил телевизор на Первый канал, распаковал ноут, подключил его к сети и опять задумался. Как же сформулировать запрос в поисковике? Или сначала просто новостные сайты посмотреть? В принципе, до новостей на первом ещё долго, но и другие каналы есть, так что…По местному радио которое я изрядно наслушался и в торговом центре и в такси, мельком передали про контртеррористическую операцию, про значительное количество погибших и всё. Да. Всё как и ожидал. Три офицера государственной безопасности, два инженера, три сотрудника ФСБ России превратились в террористов, взорвавших себя и группу захвата. Пока дотянулся до пульта, повернулся к телевизору, как вдруг изображение на экране моргнуло, исчезло какое-то непонятное ток-шоу и появилась заставка с Московским кремлём, в свою очередь сменившаяся надписью — экстренное сообщение.

А ещё через пару минут я, окончательно охреневший от происходящего, откинулся на спинку старого, сильно потёртого кресла, и пытался осознать, то, что нёс с экрана незнакомый мордастый мужик в сером костюме, идущем ему гораздо хуже, чем зелёный мундир с большими звёздами на погонах.

«…на переговоры с кровавым тираном…сбиты огнём зенитных установок и переносных зенитно-ракетных комплексов…президент и сопровождающие его лица погиб… задержать террористов не удалось…уничтожены…найдены документы сотрудников МГБ СССР…оружие неизвестных моделей… при попытке вступления в контакт с официальным представительством СССР на территории Российской Федерации были подвергнуты обстрелу…при попытке захвата представительства произведён самоподрыв…погибло более… ранено…в Свердловске…Санкт-Петербурге…Омске…существует вероятность нахождения… чрезвычайное положение… комендантский час…выборы….как один…помощь в поисках оставшихся…»

* * *

Отойдя от очередного шока, я выключил звук у телевизора и

попытался осознать услышанное. Но как ни тужился, в голове только большая каша из мыслей образовывалась. В конце концов я плюнул на свои попытки мыслить и решил, что поможет мне только старый народный способ. Поэтому быстро оделся и быстренько направился в уже знакомый продуктовый магазин. Не особенно заморачиваясь взял две бутылки вроде как настоящей финской водки по ноль сем литра, большую банку маринованных огурчиков и упаковку копсёных сосисок, выдававших себя за «охотничьи». Уже выходя из магазина вспомнил про сигареты и, вернувшись, взял сразу блок и ещё одну зажигалку.

Вернувшись домой и зайдя на кухню, от души отматерил свою пустую голову, долил воды в практически выкипевшие кастрюлю и чайник, выложил часть огурчиков в большую тарелку и отнёс их в комнату с сосисками, решив, что те я и из упаковки поем. Недолго думая налил с полстакана водки, выпил не закусывая, закурил и опять задумался. Нда. Не помогает, что-то, народное средство! А ведь как здорово звучит — без бутылки не разберёшься! Или дело в дозе? Решив не торопить коней, дождался закипания воды, закинул пельмени, заварил чай и вернулся в комнату, включив всё-таки звук у «зомбоящика». Как ни странно, но никаких «Лебединных озёр» или чего-то подобного не было. Как не появилась и та смутно знакомая мордастая физиономия. Обычный вечерний эфир. Почти. Неотключаемая бегущая строка сообщала, что скоро будет официальное сообщение, а шоу сменил какой-то фильм о нелёгкой судьбе героических уголовников-штрафбатовцев, вопреки всем усилиям злобных энкавэдэшников выигрывающих войну. Аж головой помотал, решив, что это глюки из-за стресса. Но, оказалось, нет, не показалось и не померещилось. Переключив на какой-то музыкальный канал, вспомнил о пельменях, которые — на моё счастье! — не переварились. Наложив глубокую тарелку ароматно парящих пельмешков, опять отругал себя, на этот раз за то, что не купил сметаны или сливочного масла, густо поперчил вроде как мясные изделия Уярских мясников, налил опять полстакана водочки, и приступил к процессу насыщения, снятия стресса и проверки народной мудрости одновременно.

К моменту опустошения первой бутылки я вынужден был согласиться — народ зря не скажет! Наконец мысли перестали скакать испуганными кроликами, а стали выстраиваться в голове стойкими оловянными солдатиками. И даже хмель, несмотря на значительное количество выпитого, не мешал размышлениям, а скорее помогал, сглаживая эмоции. К этому времени я два раза посмотрел повтор выступления мордастого, оказавшегося каким-то крупным чинам из ФСБ, пять новостных передач на разных

каналах, изрядно полазил по «интернету» и стал кое-что понимать в происходящих событиях. Вернее не в произошедшем, а в том, что вещали лица с экрана сообщая официальную версию. На первый взгляд произошло следующее — президент России с доверенными людьми и первыми лицами государства направился не куда-нибудь, а на личные переговоры с самим товарищем Сталиным. По каким-то причинам, встреча была назначена в районе Бологого, которое, как известно, «где-то между Ленинградом и Москвой». Видимо по каким-то, возможно чисто техническим, причинам, СССР назначили место встречи именно там. Судя по оговоркам, встреча закончилась успешно, к обоюдному удовлетворению. А вот потом и началось самое интересное. На обратном пути, группа вертолётов с президентом и остальной делегацией, были подвергнуты массированному обстрелу, в котором участвовали переносные ЗРК типа «Иглы», несколько знаменитых ещё со времён Афганской войны двадцати трёх миллиметровых зенитных установок и чёрт его знает какого стрелкового вооружения, от обычных автоматов заканчивая крупнокалиберными пулемётами. Короче — бойня была ещё та! Были сбиты три вертолёта: президента, части делегации и один из «крокодилов»[7] прикрытия. Помимо этого были повреждены ещё три боевых вертолёта прикрытия. Что интересно, все три сбитых аппарата, нападающие продолжали расстреливать и на земле, включая и «крокодила». Точнее говоря — пытались расстреливать. Меня Бог миловал, не довелось под атакой вертушек побывать. Но не думаю, что это менее страшно, чем под немецкой бомбардировкой. А учитывая современное вооружение, нехилую защиту и боевые качества этих винтовых монстров… Нападающие были либо фанатики, либо тупые смертники, либо идиоты. Причём все варианты могли быть одинаково верны, причём одновременно.

А вот что мне стало ну о-очень интересным, так это то, что с трупов террористов изъяли оружие, документы и обмундирование нашего ОСНАЗА. Затем, какие-то неизвестные попытались ворваться на территорию нашего представительства под Москвой. Естественно получили по зубам. А дальше…группа быстрого реагирования ФСБ обстреляна со стороны представительства, открыт ответный огонь а потом, видимо получив приказ и подкрепление, произвела попытку захвата. Результат — мощный взрыв уничтоживший и представительство со всеми, кто там находился, и спецназовцев ФСБ. Ну а дальше покатилось по стране — захваты удачные и нет, перестрелки с множеством жертв, в том числе среди мирного населения, растерянность и даже паника. Причём паника не в России, а за её пределами.

На английском я говорил, писал и читал скажем прямо — херово всё я это делал на аглицкой мове. С немецким ситуация была схожей, то есть я мог провести оперативный допрос, прочитать документы, при этом понимая их только в общем, ну и всё, пожалуй. Так вот несмотря на такие «широкие» языковые познания, мне кое-что удалось понять из западных форумов: узнав о произошедшем в России, они, как это ни странно, не обрадовались, а впали в самую настоящую панику. Каждый второй на просмотренных форумах орал о том, что всем пипец, Сталин всех взорвёт и надо бежать из городов; некоторые на полном серьёзе предлагали вывешивать белые простыни из окон и ждать решения своей судьбы. И все сходились в одном — нужно как-то объяснить Сталину что Западный мир ни при чём! И если потребуется, то дружно наказать бессовестных русских, избавившихся от своего «долгоиграющего» президента и нелепо попытавшихся списать это на Сталина. Да. В то, что президента России атаковали люди из СССР, не верил почти никто. На Западе. А вот в Росссии…Какой только бред мне не встретился! Сложилось даже впечатление, что разных педерастов-либерастов в России больше, чем на самом Западе! Несмотря на то, что к середине ночи изрядно нагрузился — подействовала водочка всё-таки! — особенно запомнились два персонажа на одном из форумов. Один, некий Ларцев, себя позиционировал «пиитом земель славянских». Но судя по его постам, он скорее был потомственным фекаломётом. Из тех, кто обидевшись на кого-то, набирают в рот фекалии и пытаются плеваться в обидчиков, попутно строча доносы в органы власти люто ненавидимой им России. Причём он даже гордится, когда его носом тыкают в такие факты. Второй, явно более умный и образованный чем «пиит», вёл себя тоньше, но впечатление вызывал ещё более мерзкое чем первый. Таких как этот Пыжик очень много проходило через СМЕРШ ближе к концу войны. Сами они редко марали свои потные ручонки кровью, но вот в идеологической машине Геббельса они разворачивались во всю! Именно такие составляли листовки к жителям оккупированных территорий, именно они выступали перед умирающими в лагерях пленными, призывая их встать на сторону Гитлера. Именно они с радостью оправдывали уничтожение мирных жителей карателями, рассуждали о «мерзких жидах», а потом, сидя перед столом следователя рыдали и готовы были лизать сапоги, только бы остаться в живых. К счастью, в том числе и благодаря мне, в том мире этим мразотам не светил срок в лагерях. Их просто вешали под аплодисменты освобождённых советских людей. А здесь, в этом мире и в этой России, для них было раздолье. Раньше, до

своего попадания в тот мир, мне такие сволочи не бросались в глаза. Вернее я не ожидал, что их так много на просторах интернета. С треском захлопнув ни в чём не повинный ноутбук, уже неуверенной рукой налив последние полстакана, выпил, захрустел огурцом, потянулся к пульту от телевизора и вырубился.

* * *

Как ни странно, но проснулся если не в прекрасном, то вполне удовлетворительном состоянии. Похмелья практически не было, если не считать небольшой слабости. Выключив продолжавший работать телевизор, сделал утренние дела, попутно опять отругав себя за забывчивость. Что стоило вчера бритвенные принадлежности взять?! Поставил чайник кипятится, а сам вновь сбегал в магазин за станком и пеной для бритья. Всё же к хорошему быстро привыкаешь, там я прекрасно обходился помазком и мылом, соскребая щетину сначала опасной бритвой, а потом станком с «безопасными» лезвиями. Но современными бритвенными принадлежностями пользоваться гораздо приятней.

Приведя себя в полный порядок, заварил крепкого чая, по терминологии урок — купчика, и сел перед вновь включёнными телевизором и ноутбуком. Через час героических усилий по зарабатыванию косоглазия из-за постоянного слежения за двумя экранами и «косоушия», я выключил электронику, закурил и серьёзно задумался. Ситуация складывалась препаршивейшая, и как из неё выбираться будут оба мира — только Богу известно. Как сообщают официальные и неофициальные средства массовой информации, информация о гибели президента несколько преувеличена. Хотя, судя по лицам медиков, не сильно. Шансов выжить практически нет. А вот озвученная информация о том, что выжил ещё и министр обороны…это меня очень порадовало! Пусть он, как говорят, в тяжёлом состоянии и не пришёл в сознание, но это просто замечательное известие! Главное, чтобы Сергей Кужегетович теперь скоропостижно не скончался от «сердечной недостаточности». От наших я слышал рассказы о том, как Рокоссовский с ним общался, а значит кто-кто, а Шойгу не поверит в бред о причастности СССР. И он единственный настоящий кандидат в президенты России, причём его поддержит и народ, включая людей одетых в форму. Не зря же он в последние месяцы такую грандиозную чистку в армии устроил? И вернул «в ряды» множество достойных людей? Весь вопрос в том, позволят ли ему выжить те, кто затеял всё это? Америка, вон, все

свои вооружённые силы в полную боевую привела. Остальные страны тоже не отстают, особенно Китай. Судя по всему, руководство «поднебесной» просто в ярости! Так откровенно наезжать на Россию и Штаты…это нужно потерять что-то сверхважное для страны! До жути интересно, что же им товарищ Сталин посулил, что китайцы готовы всех порвать в клочья за гибель наших представителей?

Но всё это пусть интересно и важно, но мне о другом думать надо. С вопросом «что делать» я уже определился, да и не мог другого решения принять — уходить к нашим. А вот как, и, главное, где это делать, вопрос особый. В Красноярске или Екатеринбурге я и близко к местам перехода не подойду! Не думаю, что на Урале не обеспечен такой же контроль как здесь, а значит — шансов у меня нет. Придётся добираться до резервной эвакуационной точки — в Нижний. В Подмосковье, извините, не хочу! В тех краях чёрт-знает что теперь творится, а других мест я не знаю. И эти-то переходы сообщили на самый невероятный — как тогда казалось! — случай. А вон оно как вышло. Мн-да. Хреново вышло, чего уж там. Документы у меня есть, но светить лишний раз своей физиономией тоже не нужно. Хрен его знает. На кого спецы Российские сработают, вполне возможно, что и сами не подозревая. И сильно мне важным будет, кто меня ломать при захвате начнёт — честный спецназовец или купленный? А то, что брать будут именно живым, я и не сомневаюсь! Засветился и с Судоплатовым, и с Мехлисом. Любой дурак поймёт, что знаю немало. Придётся брать машину, на ней до Екатерибурга, там навестим свой тайничок, возьмём денежков и ствол посерьёзнее и, сменив колёса, уже в Нижний Новгород. Ну вот. Программу минимум уже составил, начинаем выполнять!

Глава 10

С машиной вопрос решился быстро, благо предложение на рынке значительно превышает спрос. И в ночь я выехал за черту Красноярска на старенькой, но довольно ухоженной праворукой нисан-санни. Город покинул без приключений, не считать же таковыми остановку на посту ГИБДД? В какой-то момент мне показалось, что придётся уходить со стрельбой, но всё обошлось. Гайцы скоренько посмотрели документы, задали пару дежурных вопросов и всё. Впереди свободная дорога. Немного напрягли взгляды прапорщика и лейтенанта, остановивших меня, но, видимо, мне просто показалось. Оно и к лучшему. Очень не хочется доводить до стрельбы, тем более что в таком случае придётся бить на поражение. Не та у мня квалификация, чтобы стараться живыми парней оставлять, а убивать… ну не считаю я их врагами! Хотя и должен.

Посмотрев в след скрывшемуся в насупившей тьме «японцу», прапорщик Лапин поправил на плече потёртую «ксюху», привычно матюкнувшись на тяжёлую железяку, и повернулся к напарнику.

— Лёх. Может объяснишь? Я тебе, конечно, доверяю, но…

— Что но? — старший лейтенант Иванов достал пачку «Парламента», предложил сигарету Лапину, щёлкнул старомодной позолоченной зажигалкой, дождался пока прикурит старый приятель, прикурил сам и выпустив первый клуб дыма продолжил.

— Так что но, Рома? Героем себя почувствовать захотел?

— А чё сразу героем, Димыч? — Лапин смущённо отвёл взгляд в сторону. — Просто…

— Просто славы захотелось дитятке, — Иванов усмехнулся. — А думать дитятятко так и не научился! Тебе тридцать ва года, балбесу, а всё детство в жопе играет! Ты думаешь я не узнал этого типа из ориентировки? Да сразу срисовал! Сразу, Рома.

— А что же тогда? — Лапин так возмутился услышав признание друга, что отбросил сигарету в сторону.

— Ты же сам всегда говорил. Что одно дело водятла-нарушителя подоить, а совсем другое — у бандита деньгу брать! А тут убийцу связанного с террористами даже не попытался задерживать! Или…очканул что ли?

— Говорил, Рома. Говорил. И снова повторю, чтобы ты ещё лучше запомнил: доить нарушителей, это одно, а брать у убийц, наркоторговцев и другой мрази распоследнее дело! А с этим, как ты говоришь убийцей-террористом… и испугался, и история с

ориентировкой тёмная. Ты хоть толком её читал?

— Да что там тёмного, — возбуждённый Лапин подошёл к другу и непонимающе заглянул тому в глаза. — Дима…Я тебя не понимаю! Ты же с «чехами» рубился! Ты же прекрасно знаешь, сколько среди них русаков да хохлов было! Про прибалтов да шваль с других стран я вообще молчу. А ты так просто отпускаешь одного из них?

— Да какого из них, Рома! Что ты херню несёшь! Пошли на пост, придурок! Щас я тебе объясню, какого «террориста» я отпустил.

Посмотрев в след разъярённому лейтенанту, быстро шагавшему к зданию стационарного поста, Лапин недоумённо пожал плечами. Иванова он знал ещё со школьных времён. Тогда, восьмиклассник Димка Иванов, по прозвищу «Конь», взял шефство над третьеклассником Ромой Лапиным, младшим братом своего лучшего друга Серёги, погибшего на Красноярских Столбах. Иванов, прозванный «Конём» за то, что сила удара рукой у него была такая же, как при ударе ногой, стал для Ромки настоящим старшим братом с непререкаемым авторитетом. Потому произошедшее сейчас никак не укладывалось в его голове. Сплюнув и в полный голос выругавшись неизвестно в чей адрес, Лапин решительно направился за старым другом.

Зайдя в небольшое помещение на первом этаже поста, используемую всеми гаишниками как комната отдыха, он уселся за стол, за которым уже устроился Иванов, и сбросив надоевший автомат на топчан потребовал.

— Объясняй, Дима.

Тот усмехнулся чему-то и выложил перед насупленным прапорщиком бланк ориентировки.

— Читай. Внимательно читай.

Пожав плечами, Роман взял уже помятый листок и начал читать, иногда проговаривая некоторые моменты в слух.

— Разыскивается особо опасный… бывший сотрудник специального подразделения….причастен к ряду террористических актов… вооружён…Ну? И что я тут нового должен был увидеть?

— Приметы внимательно прочитал? Фотографию рассмотрел хорошо? — Иванов уже откровенно улыбался.

— Ну. И чё? — Роман опять взял листок в руки. — и что тут особенного? Фото естественно рассмотрел, раз срисовал в момент. А приметы… 28 лет, блондин с заметной сединой… Да таких…

— Полно таких, полно, — Дмитрий засмеялся. — Согласен я с тобой полностью. — Много таких парней — светловолосых, с

обильной сединой не по возрасту. Ты мозги-то включи, Рома! Неужели ты как Черышев стал, деревянным по пояс?

— А чё сразу Черышевым-то? — сержант Андрей Черышев был главной достопримечательностью ГИБДД Красноярска, а возможно и всего Красноярского края а то и всей России. У всех, кто сталкивался с этим ярким представителем племени идиотов всегда возникал один и тот же вопрос. Как? Как это существо устроилось на работу в органы внутренних дел? И все приходили к одному и тому же выводу — начальство взяло, дабы чувствовать себя гениями.

— Нашёл с кем сравнивать, — Роман обиженно зыркнул на Дмитрия и снова уставился на ориентировку. Если Иванов сказал про фотографию, значит что-то тут не так.

Через пару минут он снова посмотрел на друга, но уже как-то растерянно, пробормотал про какую-то чушь и бросился на второй этаж поста, где скучал в одиночестве приданный им стажёр, и находились папки с распоряжениями, приказами и старыми ориентировками. Вернулся он быстро, буквально рухнув на свой стул, выложил на стол ещё одну крайне официальную бумагу, положил рядом листок с разыскиваемым «террористом» и глухо спросил.

— Димыч. Сразу сказать не мог?

— Мне хотелось, чтобы до ты самостоятельно разобрался. Я скоро уйду, а тебе ещё работать, мало ли в какуой ситуации можешь оказаться ещё? А ведь я тебе тысячу раз говорил о внимательности! Говорил ведь?

— Да говорил, говорил, — Роман вяло махнул рукой, не открывая взгляд от лежащих на столе бумаг. — Но кто же знал? Стоп! Куда уходишь? Почему?

— Туда. К ним, — Иванов ткнул пальцем в сторону бумаг. — Сразу испугался, а теперь решил. Уверен, сейчас разберутся с покушением, и они опять начнут набор людей производить. Вот и рвану к ним. Глядишь и зачтётся, что «не узнал» полковника гэбэ…

До Екатеринбурга добрался как-то обыденно, ни тебе приключений, ни тебе трудностей. Слишком не напрягался, но и не тормозил — трое суток для водителя моего уровня это более чем нормально. Оставив машину с ключами в замке зажигания на одной из рабочих окраин, я с усмешкой подумал, что долго она там не простоит. Перейдя на другую улицу поймал бомбилу и через час был почти на месте, в квартале от печально знакомого особняка. Мнда. Кажется совсем недавно летели сюда из Москвы. Все были живы… Почувствовав, что ещё чуть-чуть, и от меня начнут шарахаться немногочисленные прохожие, я постарался

успокоится. Закурив очередную сигарету, убедился, что стал более-менее спокоен и потихонечку стал обходить квартал. Ещё через час я окончательно убедился — не любят нынешние российские спецслужбы разнообразия. А может это беда всех спецслужб, не только российских. Та же история, что и в Красноярске. В районе старого, известного местным властям перехода, понатыкали видеокамер и стационарных точек наблюдения. Скорее всего, что где-то поблизости и что-то навроде группы захвата находится. Конечно остаётся небольшая вероятность того, что это устроено только в этом месте, но исходить стоит из худшего варианта. Правда это не значит, что проверять другие точки уже не нужно. И я проверю, но перед этим — проверю закладку.

Дааа… Пробираться по лесу зимой, пусть она практически закончилась, это вам не летом! Особенно если одет ты не для лазанья по глубоким сугробам. Прокляв всё на свете, перебрав все известные мне ругательства и даже составив пару новых сочетаний, я всё же добрался до места. С тоской оглядевшись, я вновь обматерил себя за нежелание думать. Ну кто мешал мне сначала приобрести в хозяйственном магазине лопату для снега? А лыжи? Самые простые? Нет! Всё же эмоции никогда не идут на пользу делу! И ещё один вывод можно сделать — планировщик из меня просто никакой. Потоптавшись в сугробах ещё пару минут я, в конце концов, плюнул, достал из сумки планшетник, и пользуясь им как лопаткой стал отгребать снег от нужного мне дерева. К моменту, когда я в тысячный раз прокляв свою глупость наконец закончил работу, стало уже темнеть. Проведя некоторые несложные, для посвящённого человека, действия, я потянул за большое кольцо скрытое у подножья большой ели и передо мной открылся спуск в схрон, вызвавший у меня непроизвольную ассоциацию с бандеровцами. Да уж. Они-то по схронам неплохие спецы были, даже замечательные.

Как оказалось. Специалисты делавшие это убежище пожалуй выше классом, чем западенские уроды. Да и странно было бы, окажись оно по другому. Тем более. Что во всю использовались самые современные технологии этого мира. Пожалуй в этом небольшом бункере можно не одну неделю просидеть, носа не высовывая наружу: электричество появилось после поворота рубильника, вода есть, продуктов полно, воздух поступает исправно, одежды и оружия на любой вкус. Да и лёгкая тряска сверху, произошедшая после включения системы обеспечения бункера, намекнула мне о перекрытии подхода к старому входу. Ну ничего. Есть ещё три, а после моего ухода их два останется. Главное, что есть оборудование связи и можно попытаться

переговорить с кем-то из наших.

Через сорок минут от радостного настроения почти ничего не осталось. Ни по одному известному мне номеру никто так и не ответил, а на сайтах, используемых для аварийной связи уже давно никто из наших не проявлялся. Свои сообщения я оставил, но веры в возобнавление связи не появилось. А особенно подпортило настроение моя собственная физиономия, сегодня размещённая на куче сайтов с обращением к сознательным гражданам России помочь в поисках очень нужного для безопасности государства человека. Меня. Хорошо ещё каким-нибудь террористом не объявили! Как ни странно, честно назвали офицером госбезопасности сталинского СССР, который сможет прояснить ситуацию с всё таки удачным покушением на президента России. Помимо меня, разыскивали ещё пятерых наших парней, причём только одного я смутно помнил. Его, вроде бы, направляли куда-то на Юг.

А что же касается самого покушения, то сам президент всё ещё был жив, но, судя по официальной, а ещё более по неофициальной информации — шансов выжить у него практически нет. Премьера взорвали ещё раньше в Варшаве, чем довели гордых поляков до ступора, перешедшего в натуральную истерику после опубликования некоторых документов на официальных государственных информационных ресурсах России. Правда истерику закатили не одни поляки, в этом благородном деле отметились и наши доморощенные, ещё не досаженные «борцы с режимом за демократию». Документов было немного, но вот их смысл…оказалось, что премьер никуда не убегал из России с началом кризиса, образованным нашим появлением. Он выполнял прямое распоряжение президента, с помощью каких-то имеющихся в распоряжении российских спецслужб документов, влияя на западные «элиты», дабы конфликт так и не перешёл в «горячую» фазу. Не знаю, насколько эта информация верна, но война так и не началась. Да и дерьма выгребли немало благодаря этим действиям. Как оказалось, очень много представителей российской «элиты» постаралось выйти на контакт с «беглецом». И всех он немедленно сдал Владимиру Владимировичу. Но это всё дела уже минувшие, а меня больше интересовало то, что происходит именно сейчас. А с пониманием этого были определённые проблемы, причём не только у меня. Слишком много взаимоисключающей информации выплёскивалось на страницы новостных сайтов, а уж что творилось на различных форумах, даже чисто развлекательных…

Понять я смог не много, но это лучше чем ничего. Россию, ускоренно готовящуюся к выборам президента, сейчас возглавлял

выживший министр обороны, генерал армии Сергей Шойгу. Обязанности премьера выполнял Рогозин, думой жёстко рулил Сергей Иванов, а Советом Федерации крайне мне не симпатичная, но видимо нужная, Матвиенко. Оказалось, что за эти три дня произошло просто поразительно много важнейших событий! Помимо выборов президента России, назначили проведение референдума об объединении нескольких бывших республик СССР в единое государство. И если референдум в России и Белоруссии меня не удивил, как и вариант с Казахстаном, то не включение Украины меня поразило. Хотя, если посмотреть на то, что начало происходить на «незалэжной» сразу после этого, определённый смысл в таких действиях был. Не меньше удивила речь белорусского «Батьки», заявившего на претензии киргизов, узбеков и остальных восточных республик, что новый союз не резиновый, и получить право к нему присоединиться нужно ещё заслужить! При этом абхазам и осетинам сразу сказали добро пожаловать! Но что меня ввело чуть ли не в натуральный ступор, так это реакция США…которые приветствовали такое решение бывших советских республик. Не знаю, что должно было у них сдохнуть для этого, но явно что-то очень большое. Китай одобрял, но требовал скорейшей информации о произошедшем с представительствами СССР, будучи солидарным в этом вопросе с США, и при этом накапливая армейские подразделения почему-то поближе к Корее; немцы растерянно молчали, издавая через второстепенных политиков невразумительные возгласы; страны восточной Европе бились в очередной истерике, возглавляемые прибалтами, которые, в кои-то веки, переплюнули по этому показателю поляков; Франция и Британия издавали воинственные кличи, обиженно попискивая на Штаты. Одним словом — бардак ширился, и чем он закончится не представлял, видимо, никто.

А наши молчали, никак внешне не проявляя своего присутствия, что наводило меня на очень неприятные мысли, которые я старательно гнал от себя. Нет, сообщений о проявивших себя «красных» было полно, но были они из серии рассказов душевнобольных о контактах с внеземным разумом. Одним словом — бред. А настоящей информации не было. И я изо-всех сил гнал от себя мысль. Что там, у нас, случилось что-то подобное покушению на руководство России и на контакт наши выдут ещё не скоро. Если вообще выдут. Гнал эту мысль, но она возвращалась снова и снова. И вот когда уже таймер, показывающий мне оставшееся безопасное время выхода в сеть, уже готов был обнулиться отключив оборудование, прошёл сигнал.

Так я не орал, наверное, ещё никогда в жизни! Даже сам

немного оглох. Хотелось не только кричать от счастья, а прямо сейчас бежать туда, где меня ждут. В Нижний Новгород. С трудом заставив себя успокоиться, согласно инструкции отключил питание от выключившегося оборудования связи, внешне выглядевшего как здоровенный металлический ящик размером со стиральную машину, у которой убрали люк загрузки белья, но добавили монитор, клавиатуру, микрофон, динамик и видеокамеру. Потом вскрыл банку тушенки, наполнил половину армейской кружки водкой, выпил, закусил и завалился спать. Было полное впечатление, что из меня выдернули какой-то стержень, поддерживавший меня эти дни. Лежал в темноте, открыв глаза, в абсолютной тишине. Не было никаких мыслей, никаких чувств. Так и отключился не выходя из этого состояния.

Проснувшись, в первый момент даже не понял, где нахожусь. Немного мутило и побаливала голова, словно выпил перед сном добрый литр водки, а не грамм стописят. Кряхтя, как старый дед, сделал утренние дела, умылся-побрился, и занялся к подготовке к путешествию на Волгу. Первый облом ждал меня у «стиралки». При попытке включения, железяка проинформировала меня надписью на мониторе, что «условно безопасное время включения наступит через один час сорок семь минут. Поворчав на перестраховщиков, я занялся своей экипировкой. Порывшись в вещевых шкафах, полностью переоделся и, посмотрев на себя в зеркало, остался доволен: молодой мужик среднего роста, одетый в короткую куртку цвета хаки с подкладом из овчины, из под которой выглядывает серая джинсовая рубашка; слегка потёртые синие джинсы; жёлто-коричневые спортивные ботинки на мягкой, толстой подошве. Завершала наряд тёмно-синяя утеплённая бейсболка с наушниками. Хорошо, не слишком броско одетый молодой человек. А особенно хорошо то, что благодаря форме куртки, под ней абсолютно не заметен пистолет, который можно достать не расстёгивая её. Сумку решил не менять, а вот содержимое изменилось изрядно. Хоть я и не стал разорять оружейку убежища, но кое-что взять посчитал просто необходимым. Первым делом взял глушитель к своему пистолету, всё же возможность не поднимать излишнего шума в случае чего — порой ой как важно! Вторым взял самый настоящий MP5K немецкого производства, со складным пластиковым прикладом, глушителем и коллиматорным прицелом. Снарядив к нему четыре тридцатипатронных магазина, на всякий случай взял ещё десять пачек патронов и три гранаты. С грустью рассмотрев остающееся оружие, с трудом напомнил себе, что пулемёт мне и нафиг не нужен, закрыл оружейку и занялся финансовым вопросом. Взял две карты с пятьюдесятью и тридцатью тысячами

рублей на каждой, немного подумал и уложил в сумку миллион рублей тысячными и пятисот рублёвыми купюрами. Вздохнув написал отчёт по изъятому из убежища, вложил его в специальный отсек в «стиралке». Потом всё же приготовил себе покушать из имеющихся консервов и опять залез в интернет, благо добро на включение было вновь получено.

Никаких особых изменений в стране, по сравнению с вчерашним днём, не было. Как не было и новых сообщений от своих. Свои. Действительно, свои сейчас там, в другом мире. Там друзья, знакомые…могила Олеси. Справившись с неожиданно накатившей тоской, выключил оборудование, собрал вещи, проверил не забыл ли чего выключить и направился на выход. Пока выбирался из прохода на свежий воздух а потом проминал влажный снег снегоступами, почему-то задумался о своём одиночестве. Так сложилось, что после гибели Олеси только одна встретившаяся девушка заставила встрепенуться что-то в душе. И то не сложилось. Ещё когда были в Томске, Лев Захарыч сообщил, что вышла замуж рыжеволоска. Как-то кольнуло тогда в груди и всё. Даже удивился тогда этому, но как-то глухо, словно стенка какая-то есть между чувствами и разумом. А сейчас накрыло отчего-то. Даже слезу вызвали воспоминания. Старею что ли? Сам над собой усмехнулся и прибавил шаг, благо в снегоступах идти оказалось вполне удобно.

notes

Примечания

1

«сто четвёртый» — автомат Калашникова «сотой» серии, АК 104 калибра 7.62мм, отличается от АК74М укороченным стволом с надульником-пламегасителем, прицельной планкой до 500 м (АК74М — 1000 м) и применяемыми патронами — 7,62х39мм против 5,45х39мм у АК74М

2

Револьвер РСА — российский револьвер, разработанный в 1991–1992 гг. конструкторами стрелкового оружия И. Я. Стечкиным и Б. В. Авраамовым. Револьвер был разработан ЦКИБ СОО по заказу Министерства внутренних дел России и в 1992 году принят на вооружение МВД РФ под наименованием РСА («Револьвер Стечкина — Авраамова»).

Первые 200 шт. револьверов под индексом ОЦ-01 «Кобальт» были выпущены в ЦКИБ СОО, затем производство было перемещено на Златоустовский машиностроительный завод (город Златоуст) и завод «Металлист» (город Уральск). РСА стал первым боевым револьвером, пошедшим в России в мелкосерийное производство после прекращения производства револьвера «Наган».

Револьвер выполнен по традиционной схеме с замкнутой рамкой и откидываемым влево барабаном. Ствол снабжен планкой, а также обтекаемым приливом-пеналом для шомпола-экстрактора. Барабан снаряжается с помощью обоймы оригинальной формы, изготовленной из пружинной стали. Масса снаряженной обоймы — 65 г. Правильное положение барабана в рамке перед выстрелом обеспечивается фиксатором (защелкой) барабана, В отличие от других систем револьверов, в РСА фиксатор в виде качающегося рычажка смонтирован в верхней части рамки, т. е. значительно ближе к «боевой» каморе. Положение фиксатора стало, пожалуй» главной особенностью схемы Стечкина-Авраамова. Уменьшение длины плеча между точкой упора фиксатора и осью «боевой» каморы значительно снижает люфт барабана, лучше обеспечивает соосность каморы и канала ствола, снижает нагрузки на детали ударно-спускового механизма.

Ударно-спусковой механизм — курковый, с открытым курком и цилиндрической винтовой боевой пружиной из витой проволоки, расположенной в рукоятке, допускает стрельбу самовзводом или с предварительным взведением курка.

З

прибор ночного видения

ультра-фиолетовый прожектор

один из учебных центров ЦРУ США

широкополая шляпа, больше известная как «ковбойская», придуманная Джоном Стэтсоном

«крокодил» — транспортно-боевой вертолёт ОКБ Миля МИ24 различных модификаций. Выпускается с 1971 года